

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

ЛИТВА

РУСЬ И ПОЛЬША

XIII-XVI ВВ

ТОМ СЕДЬМОЙ [154]

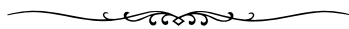
МАРТ 2014

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ЛИТВА, РУСЬ И ПОЛЬША XIII–XVI ВВ.

ТОМ СЕДЬМОЙ [154]

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефюк	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятов	доктор исторических наук
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор, верстка редакции. Дизайн Ю.В. Филимонова.

Подписано к печати 19.03.2014 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 22,4. Печать офсетная. Заказ № 31

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2014

Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».
ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

XIII—XVI столетия принципиально изменили карту Восточной Европы. Появление на ее просторах улуса Монгольской империи — Золотой Орды запустило процесс выдвижения новых политических центров. Одним из них стала Москва, но рядом с ней выросла другая Русь — Великое княжество Литовское и Русское, большая часть населения которого называлась «русскими» или «русинами» — но не считала себя «московитами». В средневековой Европе Литва сочетала воинственную центральную власть князей Гедиминовичей с широкими автономными правами отдельных земель и получила уникальный опыт конфессиональной и национальной терпимости.

В номере собраны работы исследователей, с разных сторон изучавших своеобразие литовской модели государственности и факторы, способствовавшие дивергенции систем общественно-политического устройства двух крупнейших государств Восточной Европы — Великого княжества Литовского и Московского царства. Редакция «Исторического вестника» предоставила возможность высказать свои позиции не только российским историкам, но и их коллегам с Украины, Белоруссии, Литвы и Польши — тех стран, которые считают себя преемниками средневековой державы Гедиминовичей.

А. Дубонис (Литва) показал, как грабительские походы литовских дружин превратились в завоевание соседних земель, и выделил две различные модели литовской экспансии — военную и мирную. Статья С.В. Полехова (Россия) посвящена восстанию в Смоленске в 1440 г. в контексте в целом успешного процесса интеграции Смоленщины: к началу XVI в. смоленские бояре, мещане и даже «черные люди» прочно ассоциировали себя с Великим княжеством Литовским. Е.В. Русина (Украина) попыталась оценить, как отвечает современная историография на вопрос: почему на руинах Древнерусской державы одновременно возникли столь непохожие друг на друга великие княжества Московское и Литовское, имевшие раз-

ную логику исторического развития? Д. Шульц и Р. Яворский (Польша) представили обзор трудов польских историков, посвященных ключевым в польско-литовских отношениях событиям — Кревскому акту 1385 г. и Люблинской унии 1569 г.

А.И. Груша (Белоруссия) постарался обобщить сведения и выявить специфику (децентрализацию и подвижность) различных видов архивов Великого княжества Литовского, рассеянных ныне по архивохранилищам нескольких государств. А.В. Казаков (Белоруссия) проследил судьбу московского выходца XVI века И.Т. Юрлова, чей жизненный путь можно считать примером успешной интеграции эмигранта в социум Великого княжества Литовского в условиях благоприятного для москвичей «социокультурного климата» этого государства. В.А. Воронин (Белоруссия) оценил, как развивались отношения между католиками и православными в Великом княжестве в конце XIV — середине XVI в., и показал, что католической элите не удалось добиться абсолютного превосходства. До серьезных конфликтов на религиозной почве дело не доходило — в обществе были выработаны эффективные механизмы разрешения возникавших на конфессиональной почве противоречий. Д. Шульц (Польша) изучил влияние московско-литовских войн на процесс объединения Великого княжества с королевством Польским.

Завершает номер рецензия С.В. Полехова на последнее издание документов Городельской унии Литвы и Польши 1413 г., посвящённая оценке реальных мер, направленных на интеграцию восточных регионов.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

СОДЕРЖАНИЕ

- Груша А.И.** «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV — первой трети XVI в. 6
- Дубонис А.** Две модели литовской экспансии на Руси (XIII — начало XIV в.). Овладение Полоцком и Новогрудком 54
- Казаков А.В.** «За его к нам верную службу...». Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых в Великом княжестве Литовском. 86
- Яворский Р., Шульц Д.** Польско-литовские отношения 1385–1569 гг. в польской историографии XIX–XXI вв. 114
- Воронин В.А.** К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV — середине XVI в. 136
- Полехов С.В.** Смоленское восстание 1440 г. 160
- Шульц Д.** Влияние литовско-московских войн на отношения Литвы и Польши в 1492–1569 гг. 198
- Русина Е.В.** На исторических распутьях. К вопросу о социокультурном дистанцировании восточнославянских земель в XIV–XVI вв. 226

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- Полехов С.В.** Городельская уния: взгляд через шесть столетий. 1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. — 544 с.: илл. 242

А.И. Груша

«ХРАНИТЬ ВЕЧНО»

Архивы Великого княжества Литовского
конца XIV — первой трети XVI в.

Интерес к старейшим архивам Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) у исследователей возник давно — в начале XX в. Возникнув однажды, он не ослабевает и по сей день. Действительно, тема истории архивов привлекательна. Ведь то, что мы называем письменными источниками

по истории, прошло тот этап, который можно определить как архив или хотя бы «протоархив». Ведь по той причине, что к изданным некогда документам относились как к «архивным единицам», они дошли до нас, другими словами, их стало возможно использовать как исторические источники.

Направления исследований по истории архивов ВКЛ становятся все более разнообразными. Изначально исследователей интересовали наиболее значимые по составу и количеству документов архивы: архив великого князя (архив ВКЛ)¹,

¹ *Ptaszycki S. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską // Kwartalnik historyczny. 1902. R. 16. Z. 4 (далее — Ptaszycki S. Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską); Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. 1931. T. 9 (далее — Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy); Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda // Archeion. 1967. T. 46 (далее — Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda).*

отдельные магнатские архивы², архив виленской капитулы³. Некоторые из этих архивов и сейчас находятся в центре внимания специалистов⁴. Предметом современных исследований являются также и менее крупные частные архивные собрания⁵, городские архивы⁶. Происходит смена и в подходах исследования. Если вначале ученые освещали историю отдельных архивов (интерес к этим архивам сохраняется и сегодня), то в последнее время они знакомят читателя с обобщающими материалами. Речь в данном случае идет в первую очередь о серии статей литовской исследовательницы Р. Рагаускене, посвященной частным архивам⁷.

- ² *Barwiński E.* Archiwum Radziwiłłów w Nieświeżu. Rys historyi i sprawozdanie z poszukiwań // Archiwum Komisji historycznej PAU. 1909–1913. T. 11; *Buczek K.* Z dziejów polskiej archiwistyki prywatnej. Archiwa XX. Czartoryskich. Kraków, 1938.
- ³ *Kosman M.* Archiwum kapituły Wileńskiej // *Archeion*. 1976. T. 64 (далее — *Kosman M.* Archiwum kapituły Wileńskiej).
- ⁴ Напр.: *Mikulski W.* Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w archiwum warszawskim Radziwiłłów // *Miscellanea historico-archivistica*. 1997. T. 7 (далее — *Mikulski W.* Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w archiwum warszawskim Radziwiłłów); *Рыбакоў А.* Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // *Архівы і справаводства*. 1999. № 2 (далее — *Рыбакоў А.* Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст.); *Рагаускене Р.* Канцлеры Велікаго княжства Літоўскаго і Літоўская Метрыка в XVI в.: вопросы сохранности документов государственной канцелярии // *Новости Литовской Метрики*. Вильнюс, 2003. № 7; *Zielińska T.* Archiwa Radziwiłłów i ich twórcy // *Archeion*. 1978. T. 66; *Eadem.* Archiwa różnych linii rodu Radziwiłłów w polskich zbiorach publicznych // *Miscellanea historico-archivistica*. 1997. T. 7; *Jankowski R.* Burzliwe losy archiwum Radziwiłłów z Nieświeża od XV w. do 1838 r. // *Miscellanea historico-archivistica*. 2000. T. 11 (далее — *Jankowski R.* Burzliwe losy archiwum Radziwiłłów z Nieświeża od XV w. do 1838 r.); *Syta K.* Dzieje archiwów książąt Sanguszków // *Miscellanea historico-archivistica*. 2000. T. 11 (далее — *Syta K.* Dzieje archiwów książąt Sanguszków).
- ⁵ Напр.: *Peteszowa S.* Archiwum Chodkiewiczów z Młynowa (1499–1932) // *Archeion*. 1979. T. 69; *Mikulski W.* Dokumenty rodziny Iliniczów w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów // *Miscellanea historico-archivistica*. 1998. T. 9; *Zawadzki J.* Papiery Połubińskich i ich dóbr, przechowywane w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów // *Miscellanea historico-archivistica*. 1998. T. 9.
- ⁶ *Kiaupa Z.* Kauno miesto senojo archyvo likimas // *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai*. A serija. 1973. № 2; *Idem.* Kauno miesto vaitas ir jo aktų knygos XVI a. — XVII a. pirmoje pusėje // *Lietuvos miestų istorijos šaltiniai*. Vilnius, 1988; *Он же.* Городской архив времен Великого княжества Литовского как объект комплексного исследования // *Дніпропетровський історико-археографічний збірник*. Дніпропетровськ, 1997. Вип. 1. На пошану професора Миколи Павловича Ковальського (далее — *Кяупа З.* Городской архив времен Великого княжества Литовского как объект комплексного исследования).
- ⁷ *Ragauskienė R.* XVI a. LDK bajorijos privačių archyvų saugojimo kultūra // *Lituanistica*. 2006. T. 66. Nr. 2; *Eadem.* Bajorijos archyvų gaisrai XVI a. Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje // *Lituanistica*. 2006. T. 69. Nr. 1; *Eadem.* Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL (na podstawie Metryki Litewskiej) // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007 (далее — *Ragauskienė R.* Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych

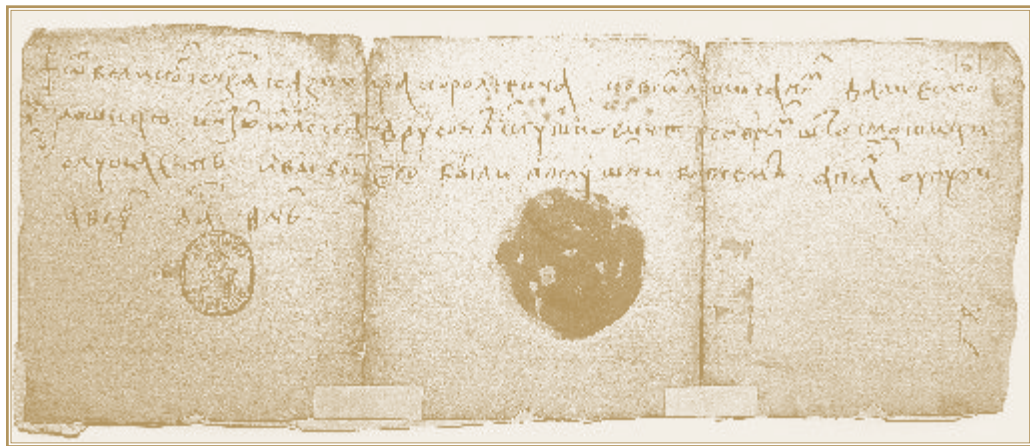
Накопленный материал позволяет пойти в обобщении и далее, подключив к нему сведения и о других видах архивов. Это задача и стоит перед нашим исследованием. Современное состояние проблемы истории архивов ВКЛ требует решения вопросов классификации архивов и архивных документов. Необходимо выяснить факторы, определявшие состав и объем архивных собраний. Важно установить больше связей между материалом, из которых изготовлялись документы, условием и местом их хранения. Решению этих и других вопросов и посвящена наша статья.

Рассматривая тему архивов ВКЛ, целесообразно сместить акценты на проблемы, касающиеся формирования письменной культуры в правовой сфере ВКЛ. Это позволит выяснить место архивов в системе письменной коммуникации общества ВКЛ.

Применение технологии письма — условие появления правового документа. Возникший документ утверждал договор. Но его функция заключалась не только в том, чтобы служить частью акта договора. Ведь в этом случае после его заключения документ переставал быть нужным, и если он не уничтожался, то откладывался в сторону как предмет, не представляющий собой большой значимости. Документ фиксировал изменение правоотношений, он должен был существовать столько, сколько длились данные правоотношения. Одно из его главных назначений заключалось в том, чтобы обеспечить эти правоотношения. Документ призван был служить во времени, бросать вызов времени и в нужное время подтверждать существующие и восстанавливать нарушенные правоотношения. Применительно к правовому документу следует говорить о существовании и еще одной технологии: архивирования.

Тот факт, что до нас дошли документы XIV—XV вв., более ранние и более поздние говорит о том, что о их сохранности заботились. Проще объяснить, как сохранились документы, адресованные крупным землевладельцам. Ведь последние имели возможность без особого труда создать неплохие условия для их хранения. Однако наш современник может созерцать многие документы в их подлинном виде, принадлежавшие когда-то тем, у кого таких возможностей не было и кому следовало приложить немалые усилия, чтобы не утратить и не повредить документы. Например, в прекрасном состоянии (если не считать утрату печати) сохранился подлинник меновной грамоты

szlachty WKL); *Eadem*. Privatūs XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų archyvai: struktūra ir aktų tipologija // *Istorijos šaltinių tyrimai* / Sud. A. Dubonis. Vilnius, 2010. T. 2; *Eadem*. XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų archyvo atvejis: Dubrovnos linijos Hlebavičių dokumentų aprašai Lietuvos Metrikoje // *Istorijos šaltinių tyrimai* / Sud. A. Dubonis. Vilnius, 2012. T. 4.

Послушный лист великого князя Казимира

князя Василия Наримонтовича Павлу Котовичу на «остров» Ветелье в Жидечской волости за остров на р. Ступа. Эта грамота является одним из старейших — конец XIV в. — подлинных актов, хранящихся в современных белорусских архивохранилищах. В середине XVI в. она принадлежала небогатым пинским боярам Домановичам⁸. В начале 1540-х г. бояре Радуньского повета из рода Круповичей, которые были настолько бедны, что местные власти регулярно находились в искушении привлечь их к выполнению крестьянских повинностей, представили на суд пять документов, датированных 40-ми гг. XV — первым десятилетием XVI в.⁹ В 40-х гг. XVI в. мелкие бояре Жомойтской земли извлекали из их хранилищ грамоты, изданные более ста лет или около ста лет назад великими князьями Жигимонтом (Сигизмундом) Кейстутовичем и Казимиром (эти грамоты были изданы Казимиром, когда он еще не был польским королем)¹⁰. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. мелкая шляхта и даже крестьяне хранили в своих архивах документы Витовта, написанные «старым русским письмом»¹¹.

⁸ Груша А. І. Мянoўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XIV — першай трэці XV ст. Мінск, 2010. С. 5.

⁹ Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. I. Valikonytė, N. Šlimienė ir kt. Vilnius, 2007 (далее — LM-231). № 96. P. 95–96 [1541], № 97. P. 96–97 [1443–1447], № 98. P. 97 [1447–1455], № 99. P. 97 [1477], № 100. P. 98 [1491], № 101. P. 98 [1505–1508].

¹⁰ Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1995. № 398. P. 269, № 404. P. 271–272, № 408. P. 274, № 413. P. 276, № 417. P. 277.

¹¹ Jablonskis K. Nauji Vytauto laikotarpio aktai // Praetis. 1933. T. 2. № 1. P. 382 (1614), № 1a. P. 384 (1554), № 2. P. 386 (1607), № 3. P. 387 (1592), № 4. P. 388 (1599), № 5. P. 388 (1597), № 6. P. 389 (1639), № 7. P. 390 (1593) и др.

Классификация архивов

В зависимости от субъекта хранения выделяются следующие архивы: индивидуальные архивы (в данном случае не рассматриваются нюансы понятий «семейный», «родовой» архивы), общественные (общинные) архивы, должностные архивы, архивы учреждений. Хранителями индивидуальных архивов являлись частные лица (к их числу мы относим князей-полусуверенов). Общественные архивы — это архивы различных территориальных, социальных, этнических групп: городов — центров земель — и земель (например, Полоцк и Полоцкая земля)¹², городов — волостных центров — и волостей¹³, отдельно архивы городов¹⁴ и отдельно архивы во-

¹² В «землях» хранились привилеи этим землям — «земские» привилеи. В источниках прямо говорится, что представители земель «клали», «вказывали» документы. Например: «Били нам чоломъ вл(а)д(ы)ка смоленский Иосифъ и околничии смоленский, и вси кн(я)зи и панове, и бояре и мещане, и чорные люди, и все посполство места, земли Смоленское, и *клали* перед нами привилеи, моестат счасное памяти отца нашего Казимера, короля его м(ил)о(сти)...» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). *Užrašymų knyga 15* / Par. A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2012 (далее — LM-5). № 561. P. 376, 1505 г.). Там же хранились листы и привилеи на другие права представителям земли (как, например, привилей полоцким боярам и мещанам на право приобретения земель друг у друга и у путных слуг Полоцкого повета (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). *Užrašymų knyga 12* / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001 (далее — LM-12). № 422. P. 346, 1524 г., № 502. P. 398, 1525 г.; Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1997 (далее — LM-224). № 153. P. 135, 1524 г.; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). *Užrašymų knyga 14* / Par. L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2008 (далее — LM-14). № 511. P. 210 [1524]). См. также: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). *Užrašymų knyga 8* / Par. A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995 (далее — LM-8). № 289. P. 240 (1507), № 613. P. 452 (1511); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 10 (1440–1523). *Užrašymų knyga 10* / Par. A. Baniūnis, A. Baliulis. Vilnius, 1997 (далее — LM-10). № 109. P. 105 [1522] и др.

¹³ LM-224. № 34. P. 65 (1522) и др.

¹⁴ Источники прямо указывают, кто представлял эти документы. Например: «Били нам чолом мещане киевские, все посполство, и *вказали* перед нами листъ доброе памяти отца нашего Казимера, короля полского и великого кн(я)зя литовского...» (LM-5. № 35. P. 52, 1494 г.). «Били намъ чоломъ воить места Пинского и вси мещане... И на то листы великого князя Жикгимонтовъ и отца нашего, короля его м(ил)о(сти), перед нами *вказывали*...» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506). *Užrašymų knyga 6* / Par. A. Baliulis. Vilnius, 2007 (далее — LM-6). № 361. P. 232–233 [1501]). «Били намъ чоломъ воить Слонимский Станько Сидоровичъ со всеми мещаны и *покладали* передъ нами листы славное памяти короля его милости Александра и нынешнего господаря нашего его милости короля Жикгимонта» (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Петербург, 1903. Т. 20: Литовская метрика. Т. 1 (далее — РИБ. Т. 20). № 226. Стб. 1557, 1522 г.). См. также: LM-5. № 79. P. 70–71 (1495), № 235. P. 146–147 (1500) и др.

лостей¹⁵, архивы еврейских общин¹⁶. Очевидно, уже применительно к XV в. можно говорить о существовании такого типа общественных архивов, как архив организаций, в частности, архивов братств ремесленников. Согласно одному источнику, основатели кушнерского братства в Вильне Клим и Януш составили письменный устав («артыкулы») данного братства. Этот устав хранился в братском доме 80 лет, т. е. с 1458 г.¹⁷ Архивы учреждений были представлены архивами «городовых» (замковых) и «земских» судов Подляшья¹⁸, архивами магистратов (архивами городов с магдебургским правом)¹⁹,

¹⁵ Источники прямо сообщают, что волощане «вказывали» документы. Борисовские волощане «вказывали перед нами на то листъ великого кн(я)зя Витовтовъ» (LM-5. № 11. Р. 43, 1494 г.). Озерицкие и усвятские волощане «вказали перед нами листы великого кн(я)зя Витовтовъ и великого кн(я)зя Жыкгимонтов, и отца нашего, короля его м(и)л(о)сти» (LM-5. № 150. Р. 98, 1497 г.). Великий князь дал старцам и всем мужам Могилевской волости право самостоятельно доставлять тивунщину в скарб. В связи с этим он писал: «Про то приказуемъ вамъ, ажъбы есте тую тивунъшчину всю сполна давали до скарбу нашего посполу з данью грошовую, а хотя быхъмо кому листы с канъцелярии выдавать казали на тую тивунъшчину, и вы бы вжо черес то никому на таковыя листы тое тивунъшчины не давали. Пак ли жъ бы есте черес то кому тую тивунъшчину дали хотя на листъ нашъ, тогда вжо мы кажемъ на васъ другую тивунъшчину поспол з даню нашою правити. О том бы есте ведали и *тотъ листъ нашъ в себе ховали*» (LM-14. № 696. Р. 289, 1525 г.). См. документы для волощан: LM-5. № 19. Р. 47 (1494); LM-8. № 456. Р. 335–336 (1509), № 614. Р. 454–455 (1511); LM-12. № 220. Р. 241–242 (1523); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 20 (1536–1539). Užrašymų knyga 20 / Par. Ragauskienė, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2009 (далее — LM-20). № 128. Р. 196 (1538) и др.

¹⁶ См.: LM-224. № 244. Р. 206 (1527), № 384. Р. 321 (1529) и др.

¹⁷ «Которыи жъ артыкулы выписаныи в дому братскомъ они ховають и подде нихъ справують, и того братства своего *отъ осмидесятъ* летъ свободне а добровольне ажъ до того часу вжывають...» (LM-20. № 162. Р. 234, 1538 г.).

¹⁸ Напр.: «И земляне Бельскийи положили передъ нами привилей нашъ, которыи же есмо имъ на тое право дали» (РИБ. Т. 20. № 219. Стб. 886, 1516 г.). «Напервей, жаловали земляне бел(ь)скийи на суд(ь)ю бел(ь)ского Рачка о привилей земьский, которыи в нихъ побрал...» (Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Par. S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1999. № 56. Р. 55, 1533 г.).

¹⁹ Источники прямо указывают, кто представлял эти документы. Напр.: «Жаловали нам воить, бурмистры и рядцы и вси мещане места Володимерского... И перво сего они *вказывали* перед нами на то листъ отца нашего, короля его м(и)л(о)сти...» (LM-5. № 18. Р. 46, 1494 г.). «Били нам чоломъ воит и бурмистры, и радцы, и вси мещане места Волковъиского и *квали* перед нами привилеи брата н(а)шого щастное памяти Александра, короля и великого кн(я)зя его м(и)л(о)сти...» (LM-8. № 197. Р. 191, 1507 г.). «Били намъ чоломъ воит и вси мещане места Володимерского и *вказывали* перед нами листъ брата нашего щастное памяти Александра, короля и великого кн(я)зя его м(и)л(о)сти» (LM-8. № 595. Р. 437, 1511 г.). «Били чоломъ мещане жъ Менскийи и поведили передъ нами, штожъ дей они мають привилеъ великого князя Витольта, Жикгимонъта и отца нашего Казимира короля его милости... Ино маеть тамъ кухмистръ, наместникъ Скеръстомонский панъ Петръ Олехновичъ выехати; а они мають передъ паномъ кухмистромъ листы *положити*...» (РИБ. Т. 20. № 58. Стб. 604, 1509 г.). «И во-

архивами церквей и костелов, монастырей и кляшторов (католических монастырей).

Архивы различаются в зависимости от состава пользователей. Существовали частные архивы, материалы которых были доступны только для их владельцев, и публичные архивы, материалами которых могли пользоваться и другие лица.

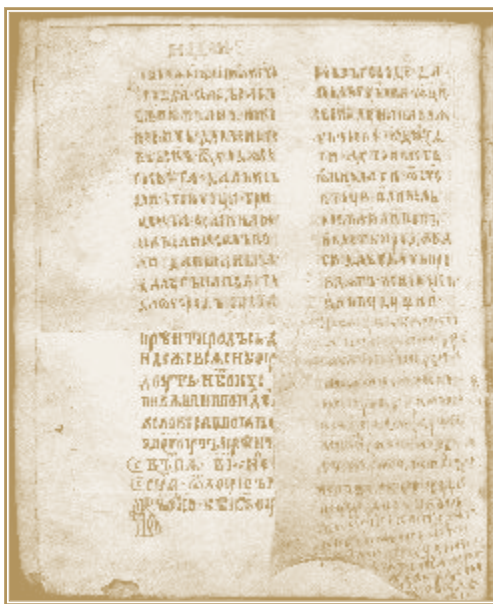
Обе классификационные группы в определенной степени условны. Должностные архивы часто больше походили на индивидуальные архивы должностных лиц. Не всегда существовало четкое разделение между общественными архивами и архивами учреждений. Представляли ли привилеи Полоцкой земле с одной стороны и документы Полоцку на магдебургское право и по делам в связи с этим правом отдельные архивы? Решительных оснований в пользу этой точки зрения нет.

Не было четкой границы между частными и публичными архивами. Можно ли считать всецело публичным архивом архив великого князя, в котором хранились, в частности, привилеи, удостоверявшие коллективные

ить и мещане (городенские. — А. Г.) тыи привилія брата нашого и наши на пуцу и на тое мыто передъ нами *вказывали*» (РИБ. Т. 20. № 445. Стб. 1165, 1516 г.). «Ино какъ будуть ихъ м(и)л(о)сть на соиме, абы казали воиту и бурмистромъ (Виленского места. — А. Г.) на право майтборское *привилеи положити...*» (LM-14. № 129. P. 123 [1523–1524]). «Жаловали мещчане луцкии и *покладали листъ Казимера, короля, што жъ его м(и)л(о)ст казаль имъ давати мыто у Володымери от накладного воза по полтретя гроша, отъ порожнего воза и от бочокъ не казал давати...*» (LM-14. № 764. P. 312 [1525]). «И он поведиль, ижъ *въ тых мещчан наших саражских естъ привилія отца н(а)шог(о), славное памети Казимира, и брата нашог(о) Александра, королей их м(и)л(о)сти, въ которых жо привиліяхъ выписано, иж они повинни десятину ему давати, и слалъ ся в томъ до тых привилевъ их. И мы казали мещчаномъ саражскимъ тые привилія передъ нами *положит(ь)*» (LM-224. № 337. P. 279, 1528 г.). См. документы для мещан: LM-5. № 57. P. 60 (1495), № 60. P. 61 (1495); LM-6. № 84. P. 101 [1497], № 247. P. 169 [1498], № 308. P. 201–202 [1499], № 331. P. 215–216 [1499], № 440. P. 263 [1501], № 491. P. 288–289 [1502]; LM-8. № 167. P. 170 (1506), № 227. P. 205 (1507), № 366. P. 282 (1508); LM-12. № 198. P. 230 (1523), № 268. P. 266–267 (1523), № 326. P. 296 (1524), № 471. P. 376–377 (1525), № 490. P. 388–389 (1525), № 491. P. 389–390 (1525), № 560. P. 434–435 [1525]; LM-14. № 902. P. 390 (1528); LM-224. № 62. P. 85 (1523), № 468. P. 378 (1530) и др.*

Еще в 1915 г. оригиналы привилеев Новогрудку на магдебургское право (11 штук) находились на хранении в самом городе (Доўнар А. Арыгіналы прывілеяў Навагрудку XVI–XVIII стст. у фондасховішчах Нацыянальнага музея Літвы // Людзі і ўлада Навагрудчыны: Гісторыя ўзаемадзейня (да 500-годзя надання Навагрудку прывілея на магдэбургскае права). Зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 2013. С. 114).

Относительно одного документа, выданного великим князем Александром войту и мещанам г. Городно, известно, что в XIX в. он хранился в архиве магистрата г. Гродно (Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1: 1340–1506 (далее — АЗР. Т. 1). № 198. С. 347 (1502).

Полоцкое евангелие (конец XII — начало XIII в.) с вкладными записями XIV в.

права подданных великого князя («привилеи ВКЛ»)? Но ведь подступиться к этим привилеям подданным было сложно. В 1547 г. шляхта просила извлечь эти привилеи из скарба (казны) и передать их на хранение в другое — более доступное — место. Сложность этих взаимоотношений заключалась в том, что великий князь хоть и был гарантом прав его подданных, но эти подданные являлись его слугами, которые принадлежали ему, так же как и документы, закреплявшие их права.

Классификация архивных документов

Следует строго дифференцировать архивные материалы в зависимости от того, являются ли они подлинниками или копиями. Появление подлинников связано с деятельностью двух сторон, заключением между ними договоров. Появление копии — это чаще всего результат внутренней деятельности владельца архива по усовершенствованию этого архива как хранилища используемых документов. Необходимо также различать копии получаемых документов и копии исходящих документов. Наличие копий исходящих документов — признак того, что их хранители являлись и издателями документов.

Укажем на общие мотивы создания копий: необходимость получения справки из документов сложного содержания при повседневном их использовании; необходимость использования систематизированной ин-

формации собрания документов; необходимость располагать резервными текстами документов, которые в случае утраты подлинников могли быть положены в основу восстановленных документов. Часто могли действовать одновременно несколько мотивов. Укажем и на еще два мотива создания копий. Первый был связан с практикой выдачи одного привилея, в котором практически нуждались отдельные представители данного сообщества. Так, киевские мещане, получившие временное право на беспощинный провоз товара, часто пользовались копией («выписом») великокняжеского листа, который фиксировал данное право. Оригинал же документа, по свидетельству источника, хранили у себя бурмистры и радцы Киева²⁰. Когда источники информируют, что евреи того или иного города представили привилей, выданный всему сообществу евреев в ВКЛ, то надо полагать, что речь в данном случае идет собственно о копии данного привилея, а не его оригинале²¹. Бывало так, что частноправовой документ затрагивал интересы третьей — значимой — стороны и хранился при этой стороне. Известно, что в Берестье при магистрате находился на хранении подлинник одного частноправового документа (тестамент — завещания). Другим заинтересованным сторонам могли выдаваться копии, заверенные печатями должностных лиц или учреждения²².

Архивные материалы следует также дифференцировать в зависимости от конечной точки движения изданных документов: «архив получаемых документов», «архив исходящих документов». Древнейшим архивом является

²⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19 / Par. D. Vilimas. Vilnius, 2009 (далее — LM-19). № 38. P. 95 (1538).

²¹ Троцкий еврей Зубец «клалъ передъ нами листъ брата нашего Александра короля его милости. Въ которомъ же листе выписано, штожь его милость, допустивши Жидове зася пойти до великого князства, дома и фольварки ихъ велель имъ вернути, хотя кому и на вечность што даль...» (РИБ. Т. 20. № 11. Стб. 542–543, 1507 г.). Городенские евреи «клали передъ нами листъ брата н(а)шого щастное памяти Александра, короля и великого кн(я)зя его м(и)л(о)сти, на то, иж его м(и)л(о)сть зася узвал ихъ до земли, до Великого Князства, и казал имъ вернути дома их и клетъки на рынку в месте Городенскомъ, и поля, и сеножати, которые жъ был после их зъ земли выгнания подавал его м(и)л(о)сть кн(я)зем, п(а)номъ, бояромъ, дворяномъ, мещаномъ на вечность або до свое воли, або хто в кого и купиль будеть...» (LM-8. № 271. P. 227, 1507 г.). Эти сведения касаются одного и того же привилея. Им воспользовался: в первом случае — троцкий еврей, во втором случае — городенские евреи. См. также: «...И над то просил нас, абыхмо его водде привилія их жыдовського заховали, — и *тот привилей свой передъ нами вказывал*, которого ж мы привилія их сами оглядали. Ино в томъ привиліи их стоит(ь) выписано: естли бы хрестянин жыда нагабал в которомъ злом вчинку, тогды он близшый маеть свою ч(ес)ть присягою своею оборонит(ь), нижли бы мел хто инший на его ч(ес)ть доводити» (LM-224. № 334. P. 276, 1528 г.). Речь идет, как надо полагать, о привилее евреям ВКЛ.

²² LM-224. № 142. P. 129 (1524), № 143. P. 130 (1524); LM-19. № 38. P. 95 (1538) и др.

Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве. Гравюра XIX в.

первый. Как первый, так и второй архивы могли состоять из подлинников и копий. Примером архива исходящих документов, состоявшего из подлинников, являются (первичные) записи книг местных светских властей (книг воевод, старост, наместников-державцев, установленных господарем судей, «городовых», «земских» книг Подляшья, смоленских «земских» книг, «местских» книг) и духовных властей («акт» виленского бискупа), а также «привилеи ВКЛ», хранимые в господарском скарбе.

Вспомогательные материалы

В XVI в. книги Евангелия — кроме того, что они содержали записи о вкладах — могли выполнять функцию вспомогательных — регистрационных — материалов, справочников-реестров, облегчающих знакомство с общим составом документов и составом документов каких-либо особых групп. Вот один из таких реестров, который был составлен в 1526 г. при монастыре Святого Михала Златоверхого в Киеве: «В лето 7034, индикта 14, при державе господаря великого короля Жикгимонта, и при святейшем архиепископе Иосифе митрополите Киевскомъ и всея Руси, и при пане Андрее Немировичи, воеводе Киевскомъ, милостию Божию и пречистые его Богоматере и святого Архистратига Михаила Златоверхого и всехъ святыхъ, Макарей игумень монастыря святого Михаила Златоверхого съ братьею, вписали есмо у святое евангелие приданье, по насъ будучимъ игуменомъ

и братьи: Самъ господарь король Жикгимонтъ далъ богомолью свою, храмъ святого Михаила на общину, на веки векомъ. Самъ господарь король Жикгимонтъ далъ пашню за пробитымъ валомъ, по обею сторонъ дороги, на вечность. Самъ господарь король Жикгимонтъ далъ у Чорторыи озеро съ сеножатью, на вечность. Самъ господарь король Жикгимонтъ далъ у Толстомъ лесе селище Селивоновское, и съ землею бортною и съ пашною, и со всеми входы, што съ старины прислухало къ тому селищу... А къ тому купилъ есми у Марка Орменина Киевского две службе, у-въ Оревицкой волости, Лысковщину а Погоны...» Реестр завершается угрозой наказания для нарушителя: «Хто иметь разоряти общежителство у монастыри святого Михаила, и церковь Божию и монастырь оскужати, и отъ церкви Божьи приданье и куплю церковную отыймати: и мы на таковыя разорители, хто церковь Божью оскужаютъ и монастырь разоряють, и зъ монастыря будутъ брати монастырскыи вещи, и приданье церковное будутъ отыймати, и мы, по преданию святыхъ Отець седми Соборовъ, положили клятву, да будутъ прокляти, да будутъ проклятии (так в издании — повтор. — А.Г.), съ родомъ своимъ, въ сий векъ и въ будущий векъ, аминь»²³. Со слов «Самъ господарь», «А къ тому купилъ» в цитируемом документе каждый раз речь идет о новом документе.

Данный реестр — один из древнейших подобных реестров. Характерно, что он принадлежал церковному учреждению. Но сохранились сведения и о реестрах светских архивов. Один из старейших таких реестров содержал перечень документов архива князя Ильи Константиновича Острожского (ум. в 1539 г.)²⁴.

Форма хранения архивных материалов

Подлинники хранились в том виде, в каком они издавались — на отдельных носителях и в книгах. Немногочисленные копии снимались на отдельные

²³ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1848. Т. 2: 1506–1544 (далее — АЗР. Т. 2). № 140. С. 167–168.

²⁴ «...и жъ кгда дельчие, ку розделеню именов от короля, его м(и)л(о)сти, даные, скарбъ кн(я)зя Ильин списывали, тогда подскарбега его старого реестръ властного писанья руки его нашли, на которомъ тые привилья суть выменены, которых кн(е)г(и)ня Ильиная передъ королеми, его м(и)л(о)ст(ь)ю, не положила ани тепер кладет(ь) (ЛМ-231. № 141. Р. 132, 1541 г.). Сохранились сведения о реестрах листов и привилеев «Кгаштолтовых», т. е. архива Станислава Ольбрехтовича Гаштольда (ЛМ-231. № 275. Р. 241 [1543]).

листы, на отдельные тетради. Наличие большого количества копий делало целесообразным перенесение их в тетради, переплетенные в блок, который в свою очередь вкладывался в твердый переплет, т. е. перенесение в книги. Как мы видели выше, регистрационные записи могли делаться на страницах священной книги. В других случаях — а они составляли, судя по всему, большинство — указанные записи производились на отдельные листы, тетради, в книги.

В связи с формой хранения архивных документов следует сказать особо об одной разновидности подлинников — записях в книгах Евангелия. Практика включения вкладных записей в указанные книги, начавшаяся в XIV в. (а может, и ранее), продолжала существовать в XV–XVI вв. Записи этого времени имеются в Лавришевском, Полоцком — XIV в.²⁵, Туровском и других книгах Евангелия²⁶. Среди этих книг были те самые книги, в которых указанные записи делались еще в XIV в. Регулярное внесение записей в Лавришевское евангелие на протяжении XV–XVI вв.²⁷, отсутствие длительных временных разрывов между ними свидетельствуют о существо-

²⁵ Опубл.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977. Вып. 1 (далее — ПГ. Вып. 1). № 82. С. 171 [1447–1458, возможно, весна 1455 г.]; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1980. Вып. 3. № 279. С. 17–19 (1507), № 280. С. 19–20 [1507]; *Гранстрем Е.М.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские. Ленинград, 1953. С. 41–44; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. М., 2002. Вып. 1. (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская) / Ред. кол. А.А. Турилов (отв. ред.) (далее — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в.). № 170. С. 303–305.

²⁶ РИБ. Т. 20. № 143. Стб. 751 (1511); Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. № 152. С. 281, № 165. С. 295–296.

²⁷ О записях Лавришевского евангелия, см.: *Jaworski R.* Ewangeliarze ruskie jako księgi wpisów. Próba zarysowania problemu na przykładzie Ewangeliarza Ławryszewskiego // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych. Mędzy władzą a społeczeństwem. Cz. 2: Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004 / Pod red. W. Chorążyczewskiego i W. Krawczuka. Kraków, 2006; Записи Лавришевского евангелия неоднократно публиковались. Вот некоторые из публикаций: *Свенцицкий И.* Лавришевское Евангелие начала XIV века (Палеографически-грамматическое описание) // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1913. Т. 18. Кн. 1. С. 210–213; *Friedelówna T.* Ewangeliarz Ławryszewski. Monografia zabytku. Wrocław, Warszawa etc., 1974. S. 66–71; *Русина О. В.* До атрибуції вкладних записів Лавришівського евангелія // Український археографічний щорічник. 2000. Вып. 3–4 (далее — *Русина О.В.* До атрибуції вкладних записів Лавришівського евангелія). С. 100–101; *Семянчук А.* Лаўрышаўскае евангелле // *Silva rerum nova.* Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі. Вільнюс, Мінск, 2009. С. 239–244. Об атрибуции и времени появления ряда записей Лавришевского евангелия см.: *Русина О.В.* До атрибуції вкладних записів Лавришівського евангелія.

вании непрерывной традиции. Эта традиция поддерживалась местным духовенством, а также, судя по всему, и местным светским населением, у которого сложились тесные и прочные связи с Лавришевским монастырем. Среди тех, кто персонально поддерживал традицию включения вкладных записей в книги Евангелия, был, например, князь Константин Иванович Острожский, оставивший записи в разных книгах, в том числе Туровском евангелии²⁸.

В отличие от записей XIV в., внесенных в книги Евангелия, некоторые из аналогичных записей XV в. были вторичными или представляли собой вторые оригиналы, т. е. эти записи существовали наряду с документами на отдельных носителях. Например, таковой, очевидно, является запись князя Александра (Олельки) Владимировича за 1434 г. в пользу Лавришевского монастыря, сделанная на странице Лавришевского евангелия. Кроме того, что была произведена данная запись, существовал пергаментный документ на тот же вклад, удостоверенный печатью Александра²⁹.

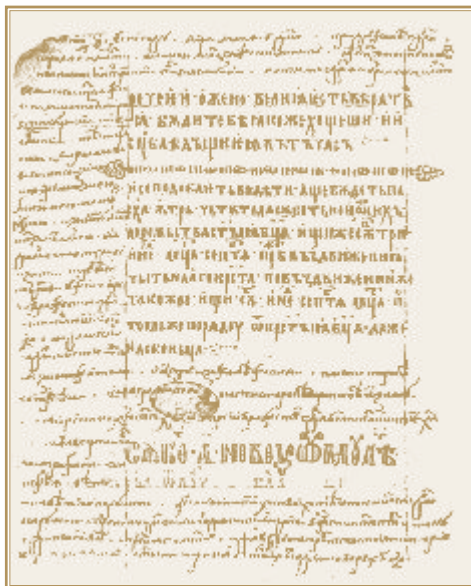
Разнообразие форм и способов хранения документов формировало своеобразный внешний облик объекта хранения. Это были не только документы на отдельных листах пергамента и бумаги (подлинники и копии), но и книги, в том числе и церковные.

Обзор архивов более целесообразно начать не с великокняжеского архива. С точки зрения функционирования документа в рамках одной правовой системы великий князь являлся в первую очередь издателем, а не получателем документов. Его архив правовых документов (связанных с внутренним управлением) был вторичен сравнительно с архивами его подданных (хотя он и являлся наиболее ранним; этот наиболее ранний архив включал в себя внешнеполитические договоры, дипломатическую и другую переписку). Более того, с определенного времени он стал в основном состоять из документов, переданных туда из архивов этих подданных.

В плане логики изложения во главу последующего обзора следует поставить раздел о старейших — церковных (костельных) — архивах (церковь являлась наиболее ранним получателем документов). Но о церковных архивах мы знаем сравнительно мало. Зато большей информацией мы об-

²⁸ Эти записи были сделаны К.И. Острожским совместно с женой Татьяной и сыном Ильей в 1508 и 1513 гг. (Последняя публикация: *Князевская О.Я., Лифшиц А.А., Турилов А.А.* Пергаменные рукописи собрания Виленской публичной библиотеки (Библиотека Академии наук Литовской Республики. Ф. 19) // *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*. Kraków, 2001. Т. 3. S. 8–9). См. также еще одну запись в Евангелие тех же лиц: АЗР. Т. 2. № 105. С. 129 (1520).

²⁹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 179. Лист без номера, находится перед л. 1.

Лист Туровского евангелия (XI в.)
с вкладной записью князя К. И. Острожского XVI в.

ладаем об индивидуальных, общественных и должностных архивах, архивах светских учреждений. Поместив эту информацию в начало обзора, мы сможем ввести читателя в общие условия и общую обстановку функционирования архивов. Это в свою очередь позволит в дальнейшем заняться основательной реконструкцией церковных архивов.

Индивидуальные и общественные архивы

Состав архивов

Состав подлинных документов индивидуальных архивов определяла совокупность тех письменных договоров, которые заключали владельцы этих архивов и их предшественники. Заключив указанные договоры, сторона получала документы. Например, пожалование великого князя приносило в архив жалованный («потверженный») лист. По результатам решения суда стороне вручался судебный лист. Но этот состав не соответствовал полностью видам заключенных договоров. Приобретая новое имущество, владелец становился и обладателем *всех* (или части?) документов на это имущество прежних его владельцев³⁰, независимо от того, какое поколение данных

³⁰ *Ragauskienė R. Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL. P. 288–289.*

владельцев представляли указанные документы (в данном случае речь идет в первую очередь о приобретении имущества путем частных договоров, а не великокняжеских пожалований). Действие этого источника комплектования архивов было наиболее ощутимо в период активного использования документальных практик.

Чаще всего источники говорят о передаче одним контрагентом в пользу другого документов, закрепляющих совершающийся правовой акт: купли-продажи, обмена, раздела имущества и т. д. (соответственно «купчего», меновного, дельчего листов т. д.). Но иногда в источниках можно найти косвенные указания, что в распоряжение контрагентов переходили документы, изданные для прежних владельцев отчуждаемого имущества. Маршалок, слонимский наместник пан Ян Литавор Хребтович, подтверждая у господаря купленное у писаря Петрашки Фоминича Любича имение Жатерев Сверженского повета, положил перед монархом дозволенный лист Казимира, выданный Любичу³¹. Как следует полагать, этот дозволенный лист был вручен Любичем Хребтовичу во время заключения ими сделки.

Другие источники прямо сообщают о передаче документов другой стороне в результате заключения договора. В 1503 г. вольнский земянин Немира Богданович Хренницкий сообщал, что он купил имение Перемильского повета у вольнского же земянина Олехны Ивановича и получил от Олехны привилей Свидригайлы на указанное имение³².

Троцкая воеводина, дворная маршалковая Григорьевая Станиславовича Остиковича Ольжбета продала князю Богдану Дмитриевичу дворец на р. Стрева и пашную землю. Эти дворец и земля были приобретены ее первым мужем Иваном Сапегой у жижморских бояр, подтверждены господарем и подарены Сапегой Ольжбете. «И тыи листы вси, — говорит источник, — што мне небожчик пан мои первыи пан Иван Сопега записал, и теж листы купчи и привиля, што г(о)с(по)д(а)рь его м(и)л(о)сть небожчику пану моему... и мне теж тог(о) дворец на вечность потвердил, дала есми кн(я)зю Богдану...»³³

Ясвоинский наместник Иван Тимофеевич Юрлов «поведил» великому князю, что упомянутая выше Ольжбета продала ему дворец в Швинтиниках, записанный ей отцом покойным Станиславом Глебовичем. В источнике, в котором приводится данная информация, содержатся сведения, что

³¹ LM-6. № 130. P. 118 [1495].

³² LM-6. № 504. P. 296 [1503].

³³ Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. X. Sygn. 570. S. 3 (1519).

Станислав Глебович отдал дочери и листы «твердости» на это имение, а Ольжбета, продав последнее Юрлову, передала эти листы покупателю³⁴.

Скарбный Андрей Станкович менялся имениями с виленским воеводой и канцлером Николаем Николаевичем Радзивилловичем. Последний передал Андрею двор Юдишки, купленный у пана Бартоша Петкевича, а также некоторые другие владения, в том числе выслуженные. Купчий лист и привилей на выслуженное имущество Миколай Миколаевич Радзивиллович отдал Андрею Станковичу³⁵.

Земляне Бельского повета Роговские продали виленскому воеводе и канцлеру Ольбрехту Мартиновичу Гаштольду половину имения Рогов указанного повета на условиях «...яко предкомъ н(а)шимъ выписано в привили, которыи имъ на то дан». «Которыи же привилеи, — сообщает далее источник, — отдали есмо его м(и)л(о)сти пану воеводе...»³⁶ Таким же образом поступили и другие земляне, дедичи из Рогова, продавшие Гаштольду земли: «И тежъ который привилей, по-латине писанный, от предковъ своихъ они на то именье въ себе мели, тые земляне и тот привилей его м(и)л(о)сти отдали...»³⁷

Дмитрей Ивашенцевич вместе с братаничами (сыновьями брата) продали троцкому воеводе и наивысшему гетману Константину Ивановичу Острожскому отчинное и дединное подворье в Виленском месте. Как отметил Дмитрий в продажном листе: «а которыи листы, твердости на тое подворе в себе есмо мели, тыи вси листы его милости есмо поотдавали»³⁸. Подобные примеры можно значительно умножить³⁹.

Один из старейших случаев указания в источниках о передаче документов новому владельцу земельного имущества датируется 1458 г. и содержится в продажном листе пана Ерша пану Петру Монтыгирдовичу и

³⁴ LM-10. № 61. P. 72 [1520].

³⁵ LM-224. № 391. P. 330 (1529).

³⁶ Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių biblioteka (LMAVB). Rankraščių skyrius. F. 1. B. 98 (1529).

³⁷ LM-224. № 452. P. 365 (1530).

³⁸ Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. T. 3: 1432–1534 / Wyd. B. Gorczak (далее — AS. T. 3). № 239. S. 233 (1522).

³⁹ LM-5. № 234. P. 146 (1500); РИБ. Т. 20. № 49. Стб. 52 (1510), № 10. Стб. 541 (1507), № 381. Стб. 1104 (1522); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9 / Par. K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002 (далее — LM-9). № 156. P. 147 (1514), № 301. P. 209 (1515), № 579. P. 320 (1516), № 614. P. 338 (1517); LM-10. № 7. P. 37 (1518), № 36. P. 56 [1519]; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Įrašų knyga 11 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 1997 (далее — LM-11). № 48. P. 72 (1518); LM-224. № 479. P. 385 (1530); LM-12. № 10. P. 124 (1522), № 55. P. 153 (1522), № 383. P. 323 (1524), № 398. P. 332 (1524), № 517. P. 407 (1525), № 520. P. 410 (1525), № 627. P. 480 (1527), № 676. P. 518; AS. T. 3. № 116. S. 88 (1511), № 152. S. 125 (1515), № 156. S. 128 (1515) и др.

его сыну Яну на село Долгие Шии (доставшееся Ершу как выслуга от Свидригайлы)⁴⁰.

Сообщение о передаче листов иногда могло приобретать в документах устойчивую форму. По формуле двух продажных листов продавцы передали имение новому владельцу, его детям и ближним, «ани привиля собе не оставляя»⁴¹.

Утаивание листов на отчужденное имущество рассматривалось как притязание на объект договора. Согласно листу Марка, Григорья, Михайлы и Павла Гринковичей Воловичей троцкому воеводе, наивысшему гетману Константину Ивановичу Острожскому об отказе от именьца Храпин (Храпунь) Туровского повета Воловичи передали троцкому воеводе все «твердости, привиля и листы». «...*А естлибыхмо которьи листы в себе на тое именье зоставили*, — гласит лист, — *и тыми листы*, або которыми иными причинами хотели мы сами, або жоны и дети и братья наша, або и потокове наши того, выше мененого именья, Храпиня под его милостью князем воеводою, або под его милости княгинею и под их милости детми и потомки их милости поискивати, тогда мы маем заплатити господарю, королю его милости пятсот коп грошей, а его милости князю воеводе, або его милости княгини и детем и потомкомъ их милости другую пятсот копъ грошей»⁴². Как это притязание могло происходить, информирует один источник. В 1511 г. служебник новгородского (новгородского) воеводы, маршалка Яна Яновича Заберезинского Холмовский «жаловал» на маршалка, секретаря, витебского и браславского наместника Ивана Сапегу. Согласно его жалобе Сапега держал имения, выслугу и куплю дядьки его жены покойного Михаила Скепьевского. Холмовский представил и привилей великого князя Александра на эти выслугу и куплю. Но оказалось, что все эти имения были приобретены Сапегой законным путем — он купил их у Скепьевского⁴³. Как мы видим, привилей Александра на выслугу и куплю Скепьевского каким-то непонятным образом остался у продавца (или его родственников).

Отказ одного контрагента сделки передать документы другому контрагенту мог иметь место, например, в тех случаях, если в этих листах были зафиксированы права на не отчужденные владения, и эти документы являлись главными средствами удостоверения прав на данные владения. Зем-

⁴⁰ НИАБ. Ф. 147. Оп. 2. Ед. хр. 178. Л. 430. Благодарю С.В. Полехова за указание данного факта.

⁴¹ АС. Т. 1. № 78. С. 74 (1477), № 79. С. 75 (1477).

⁴² АС. Т. 3. № 369. С. 353 (1529).

⁴³ РИБ. Т. 20. № 135. Стб. 731–733 (1511).

ский маршалок, новгородский воевода Ян Янович Заберезинский произвел обмен владений с виленским воеводой Ольбрахтом Мартиновичем Гаштольдом. В результате обмена Заберезинский отдал Гаштольду волость Жомойть, а Гаштольд взамен этой волости отказался в пользу Заберезинского от имени Занемонье. Привилей на эту волость, полученный от великого князя Александра отцом Заберезинского, Ян Янович Заберезинский при подтверждении договора демонстрировал господарю. Но передача привилея Гаштольду не состоялась, потому что он был дан на все «литовские» имения: «...И для того пан Янъ того привилея брата нашего пану воеводе не дал, ижъ инъшие именья его у томъ привилеи были уписаны», — указывается в источнике. Гаштольд же в свою очередь в присутствии господаря передал Заберезинскому все документы на отданные взамен владения. Характерно, что факт и мотив отказа передачи указанного привилея писарь посчитал нужным указать в подтвердительном листе Заберезинскому⁴⁴.

Количество хранимых в архивах документов

Даже при самой идеальной сохранности документов (когда они не сгорели, не утонули, когда их не похитили злоумышленники и не сгрызли крысы и т. д.) количество документов, сосредоточенных в индивидуальных архивах, не соответствовало количеству заключенных договоров владельцами указанных архивов, его прежними владельцами. Это несоответствие имеет несколько причин. Заключенные договоры о приобретении имущества приносили в архивы новые «единицы хранения». Результатом договоров об отчуждении имущества было, наоборот, изъятие данных единиц. Как уже ранее говорилось, владелец, приобретая новое имущество, становился и обладателем документов на это имущество прежних его владельцев⁴⁵. Следовательно, правовой акт служил одновременно одним из путей фондообразования и распыления архивных «фондов».

Объем хранимых в архивах материалов увеличивался за счет копий, снятых с поступающих и исходящих документов. Из источников известно, что в XVI в. даже крестьяне могли располагать копиями документов⁴⁶. Витебляне сделали копию уставного привилея Витебской земли, изданного великим князем Казимиром. Когда этот привилей был похищен из церкви

⁴⁴ LM-10. № 107. P. 103 [1522].

⁴⁵ В отдельных случаях некоторые листы, фиксирующие прежние сделки с данным объектом, могли уничтожаться (Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1887. T. 1. 1366–1506 / Pod kier. Z. L. Radziwińskiego, przy współudziale P. Skobielskiego, B. Gorczaka (далее — AS. T. 1). № 83. S. 79, 1481 г.).

⁴⁶ LM-224. № 18. P. 55 (1522).

Пречистой Богородицы в Витебске, именно данная копия легла в основу подтверждения, выданного великим князем Александром⁴⁷.

По утверждению панов Миколая, Яна и Станислава Радзивилловичей, их мать после смерти их отца и ее мужа Миколая Миколаевича Радзивилловича «привила и листы купъчые, и записы, и книги тые, в которых суть вси листи, привила и записы, и листы купчыи отца ихъ вписаныи, взяла къ своим рукамъ и имъ отдати» не хотела⁴⁸. Тут речь явно идет о книге с копиями документов — аналоге западных картуляриев и российских копийных книг⁴⁹. Книгой смешанного характера, включавшей в себя, как можно полагать, в том числе и копии документов, представляли, видимо, «księgi dworskie» виленского воеводы и канцлера Ольбрехта Мартиновича Гаштольда — книги «*pożytków i danin, przedania*», начатой в 1518 г. и завершенной в 1538 г.⁵⁰

В отличие от подлинных документов их копии были менее подвижны и, как следует предполагать, они не передавались второй стороне вместе с отчуждаемыми владениями.

Возраст архивов

Сохранились сведения о существовании в частных светских архивах XVI в. документов, изданных королем Польским и верховным князем литовским Владиславом-Ягайлой⁵¹ и его первым заместителем в ВКЛ Скиргайлой (1387–1392)⁵². Это — древнейшие документы индивидуальных архивов. За ними по древности идут документы великого князя Витовта — наиболее

⁴⁷ LM-5. № 255. P. 162 (1503); LM-8. № 387. P. 290; список: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25 / Par. D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 1998 (далее — LM-25). № 116. P. 173 (1509).

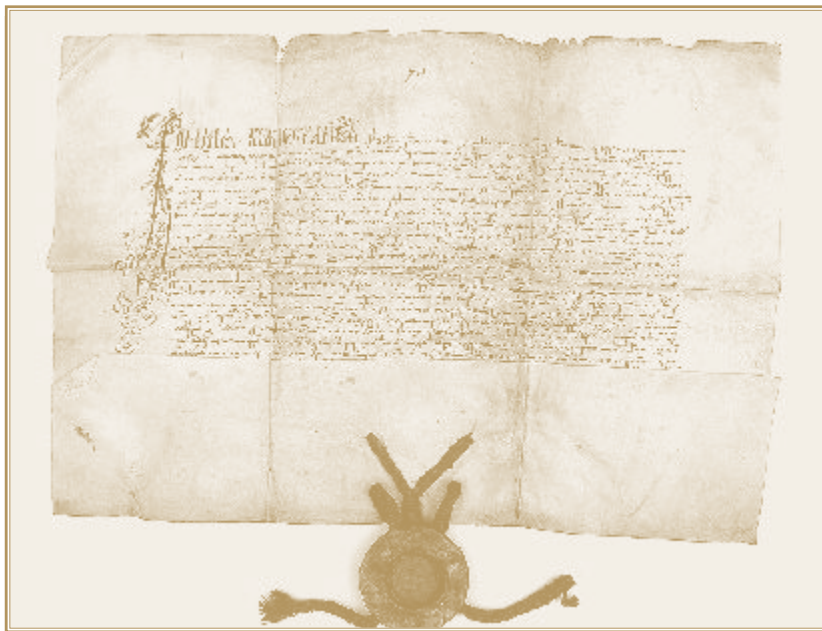
⁴⁸ LM-224. № 145. P. 131 (1524).

⁴⁹ О картуляриях среди одних из последних работ см.: Geary J. P. Phantoms of remembrance. Memory and oblivion at the end of the first millenium. Princeton, 1994. P. 81–107; Declercq G. Originals and Cartularies: The Organization of Archival Memory (Ninth-Eleventh Centuries) // Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society / Ed. K. Heidecker. Turnhout, 2000 (Utrecht Studies in Medieval Literacy / General ed. M. Mostert. No 5). О копийных книгах см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 10–57.

⁵⁰ Antanavičius D. Originalių Lietuvos Metrikos XVI a. knygų sąrašas // Istorijos šaltinių tyrimai / Sud. A. Dubonis. Vilnius, 2012. T. 4 (далее — Antanavičius D. Originalių Lietuvos Metrikos XVI a. knygų sąrašas). P. 180.

⁵¹ Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis lithuaniae, 1386–1430 / Zebrał i wydał J. Ochmański. Warszawa, Poznań, 1986. № 86. S. 84.

⁵² Jablonskis K. Nauji Vytauto laikotarpio aktai // Praetis. 1933. T. 2. № 2a. P. 397, № 2b. P. 397; Kosman M. Dyplomy Władysława Jagiełły dla Wielkiego księstwa Litewskiego // Archeion. 1968. R. 48. S. 52–53.

Привилей короля Польского и великого князя Литовского

многочисленные документы указанных архивов⁵³. Этот факт согласуется с данными о том, что именно при Витовте стал расти авторитет документа как средства утверждения договоров и обоснования прав.

Судя по количеству сохранившихся известий, одним из мест наибольшей концентрации обладателей документов Витовта и его времени был Полоцк. В начале XVI в. и в более позднее время документы Витовта хранили: Валко Федкович и Гришко Исакович Мишковича⁵⁴, полоцкие мещане Иван и Гридко Артемовичи Буцковича⁵⁵, полоцкие мещане «брат(ь)я одног(о) роду» — Антушко Селивестрович, Федко Коношевич, Микита и Андрей Артемовичи, Максим Евлашкович, Агапон Илинич, Марко Яковлевич⁵⁶; полоцкий боярин Микула Хришчевич и его братья Бириболдичи⁵⁷; полоцкие мещане Еско Хадашкович и Давыд Грыцович⁵⁸, полоцкие бояре

⁵³ LM-6. № 14. Р. 60 [1505]; РИБ. Т. 20. № 160. Стб. 213 (1515), № 136. Стб. 1445 (1520); LM-8. № 594. Р. 436 (1511); LM-12. № 448. Р. 361 (1525), № 534. Р. 418 (1525) и др.

⁵⁴ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Сост. А.А. Хорошкевич. М., 1978. Вып. 2 (далее — ПГ. Вып. 2). № 241. С. 178 [1501].

⁵⁵ ПГ. Вып. 2. № 252. С. 189–190 (1502).

⁵⁶ LM-224. № 469. Р. 379 (1530).

⁵⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 560; опубли.: ПГ. Вып. 1. № 16. С. 64 (1534).

⁵⁸ Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis lithuaniae, 1386–1430 / Zebrał i wydał J. Ochmański. Warszawa, Poznań, 1986. № 193. S. 160 (1552).

Оскерчичи и Теличиничи⁵⁹. В архивах полоцких бояр и мещан, живших в XVI в., хранились листы, которые были изданы наместниками Витовта⁶⁰, частнопровольные документы, вышедшие при этом монархе⁶¹.

В конце XV — первой трети XVI в. кроме документов Витовта подданные разных социальных слоев и групп хранили также и документы, изданные великими князьями Жигимонтом Кейстутовичем⁶², Казимиром (когда последний был только великим князем, но не являлся королем польским)⁶³. Например, среди погибших документов берестейского войскового Андрея Борисовича Лозки имелись привилеи и «твердости» Витовта, Жигимонта и Казимира на отчину и дедину Лозки в Туровском повете⁶⁴.

Документы, изданные Витовтом, пережили многие поколения полочан. Эти документы достались: упомянутым выше Буцковичам — от «пращура», т. е. *прапрадеда* Федора Сущева⁶⁵; Валке Федковичу и Гришке Исаковичу Мишковича — от *прадеда* Тереха Радковича⁶⁶; Микеле Хришчевичу и его братьям Бириболдичам — от *прадеда* Михалки⁶⁷; Антушке Селивестровичу, Федке Коношевичу и др. — от *прадеда* Селивестра⁶⁸. В конце XV — первой трети XVI в. в частновладельческих архивах из числа наиболее старых документов чаще всего сохранялись листы, адресованные *дедам* их владельцев.

«Древность» и «молодость» индивидуальных архивов не всегда зависели от того, рано или поздно хранители документов и их предшественники стали вступать в договорные отношения, требующие применения письменных процедур. Возраст архивов также определял и объект договора — владение, в связи с «оборотом» которого заключались письменные договоры.

Эти данные позволяют корректировать некоторые выводы, существующие в историографии. Примеры, в частности, касающиеся Полоцка, про-

⁵⁹ ПГ. Вып. 2. № 165. С. 62–63 (1557).

⁶⁰ ПГ. Вып. 2. № 165. С. 63 (1557).

⁶¹ ПГ. Вып. 1. № 15. С. 63 (1551), № 100. С. 194 (1551); ПГ. Вып. 2. № 252. С. 190 (1502).

⁶² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Užrašymų knyga 3 / Par. L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnius, 1998 (далее — LM-3). № 13. P. 72 (1492); LM-5. № 74. P. 67 (1495), № 94. P. 76 (1495); LM-6. № 83. P. 101 [1501], № 280. P. 185 [1498], № 302. P. 198 [1499], № 483. P. 284 [1502], № 623. P. 353 [1495]; LM-8. № 413. P. 311 (1508); LM-12. № 534. P. 418 (1525); LM-14. № 369. P. 167–168 (1524); LM-224. № 279. P. 239 (1528) и др.

⁶³ LM-3. № 23. P. 78 (1493); LM-9. № 302. P. 209 (1515), № 398. P. 246 (1512); AGAD. Dokumenty pergaminowy (DP). Sygn. 7419 (1503) и др.

⁶⁴ LM-12. № 534. P. 418 (1525).

⁶⁵ ПГ. Вып. 2. № 252. С. 190 (1502).

⁶⁶ ПГ. Вып. 2. № 241. С. 178 [1501].

⁶⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 560; опубли.: ПГ. Вып. 1. № 16. С. 64 (1534).

⁶⁸ LM-224. № 469. P. 379 (1530).

тиворечат выводам Р. Рагаускене, что светскими владельцами древнейших документов являлись только магнаты и средняя шляхта⁶⁹.

Места хранения документов

Документы хранили для того, чтобы их использовать в первую очередь во время судебного разбирательства, проверки властями прав на владения. Для удобства использования они должны были находиться рядом с владельцем, при нем, или недалеко от места постоянного его пребывания. Здравый смысл нашего современника, современная практика как будто способны сориентировать историков в ответе на вопрос, где в прошлом хранились индивидуальные архивы. Они должны были храниться в одном из дворов их владельцев. Выборочные данные источников подтверждают эти представления: листы и привилеи, действительно, находились на хранении в дворах (домах) имений владельцев указанных листов⁷⁰. Однако более тщательное изучение сведений источника заставляет отказаться от данных представлений.

Исследователи европейских архивов периода Средневековья выделяют такие черты этих архивов, как их децентрализация и подвижность⁷¹. Данные черты были свойственны и индивидуальным и общественным архивам ВКЛ. Если и утверждать, что с целью удобства использования архивные документы должны были находиться рядом с их владельцами или недалеко от места их постоянного пребывания, то отсюда вовсе не следует, что они были сосредоточены в каком-то одном месте. Источники в большом количестве сообщают нам о том, что архивные материалы одного частного владельца хранились в разных местах. Татары, напавшие на имения браславского землянина Федки Дашковича, похитили часть документов, хранившихся в указанных имениях, другая часть документов — их «остаток» — сгорела, находясь на хранении в Браславском замке⁷². Документы князя Богдана Глинского — на владения, приобретенные его отцом, погибли во время пожара Киевского замка. Листы же на выслугу Богдана и его куплю остались

⁶⁹ *Ragauskienė R. Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL. P. 307, 310.*

⁷⁰ *LM-6. № 173. P. 135 [1496], № 210. P. 151 [1496], № 315. P. 206 [1499], № 317. P. 207 [1499], № 408. P. 250 [1499]; LM-9. № 337. P. 225 (1514), № 534. P. 293 (1514), № 721. P. 383 (1517); AGAD. DP. Sygn. 5881 (1516) и др.*

⁷¹ *Clanby M.T. From Memory to Written Record: England 1066–1307 / 2nd ed. [Oxford, 1993] (далее — Clanby M.T. From Memory to Written Record). P. 157, 162–168.*

⁷² «...и какъ поганство татарове брали имена его и жону, и дети его побрали, и тыи листы в тотъ часъ в него взяли, а к тому деи какъ замокъ нашъ Браславль згорел, ино деи и остатокъ тых листовъ в тотъ часъ погорело...» (*LM-6. № 14. P. 60 [1505]*).

в целости⁷³. Не все документы, принадлежавшие берестейскому войскому Андрею Борисовичу Лозке, сгорели во время пожара в Берестье в 1525 г. Некоторые из них не пострадали⁷⁴. Не стоит полагать, что в двух последних случаях все документы содержались в одном месте и уцелевшая их часть спаслась от огня каким-то чудесным образом. Очевидно, в обоих случаях, эта — уцелевшая часть листов — пребывала на хранении отдельно от утраченных.

В чем заключалась причина рассеивания архивов? То, что в повседневных условиях хранения, перемещения и использования документов являлось их достоинством, в условиях разгула стихии, военных конфликтов, хищения превращалось в их недостатки. Пергамент и особенно бумага легко горели. Под воздействием влаги бумага размягчалась и становилась непрочной, а чернила смывались. Небольшие размеры и легкий вес документов играли на руку похитителям, делали их легкой добычей вооруженных формирований. В источниках мы находим большое количество сведений, что листы «гинули» и «гибли», их «втрачивали»⁷⁵. Чаще всего они горели⁷⁶. Но их также крали⁷⁷, они «тонули», «замокали» и «казились»⁷⁸ — «с прыгоды»⁷⁹,

⁷³ LM-6. № 238. P. 164 [1497].

⁷⁴ LM-12. № 533. P. 417 (1525), № 536. P. 419 (1525).

⁷⁵ LM-3. P. 43; LM-8. № 184. P. 184 (1507), № 460. P. 338 (1509), № 485. P. 352 (1510); РИБ. Т. 20. № 293. Стб. 387 [1516]; LM-9. № 88. P. 118 (1511), № 534. P. 293 (1514), № 721. P. 383 (1517); LM-10. № 16. P. 43 (1518), № 81. P. 87 [1521]; LM-12. № 34. P. 140 (1522), № 257. P. 262 (1523), № 369. P. 314 (1524), № 694. P. 532 (1528); LM-14. № 390. P. 174 [1524], № 925. P. 405 (1529); LM-224. № 282. P. 241 (1528) и др.

⁷⁶ LM-3. P. 43; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė. Vilnius, 2004 (далее — LM-4). № 104. P. 128 [1488]; LM-5. № 237. P. 148; список: Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 7 (1506–1539). Užrašymų knyga 7 / Par. I. Ilarienė, L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). Vilnius, 2011 (далее — LM-7). № 341. P. 562 (1500); LM-5. № 199. P. 121 (1499); LM-6. № 14. P. 60 [1505], № 120. P. 114 [1495], № 173. P. 135 [1496], № 210. P. 151 [1496], № 238. P. 164 [1497], № 242. P. 166 [1497], № 248. P. 170 [1498], № 315. P. 206 [1499], № 317. P. 207 [1499], № 408. P. 250 [1499], № 477. P. 281 [1502]; LM-8. № 273. P. 228 (1507); LM-9. № 5. P. 76 (1511), № 77. P. 112 (1511), № 219. P. 181 (1516), № 311. P. 217 (1516), № 312. P. 217 (1516), № 313. P. 217 (1516), № 337. P. 225 (1514), № 572. P. 318 (1516); LM-12. № 1. P. 119 (1522); № 65. P. 157 (1522), № 179. P. 219 (1523), № 180. P. 220 (1523), № 472. P. 377 (1525), № 533. P. 417 (1525), № 534. P. 418 (1525), № 535. P. 418 (1525), № 536. P. 419 (1525), № 550. P. 427, 428 (1525), № 686. P. 526 (1528); LM-25. № 125. P. 185 (1516) и др.

⁷⁷ LM-6. № 429. P. 258 [1501], № 430. P. 258 [1501]; LM-9. № 28. P. 92 (1512); LM-12. № 596. P. 456 (1526); РИБ. Т. 20. № 163. Стб. 1484 (1520) и др.

⁷⁸ LM-12. № 191. P. 226; списки: LM-25. № 82. P. 144, № 191. P. 249 (1523).

⁷⁹ LM-9. № 549. P. 304 (1516); LM-12. № 190. P. 225; список: LM-25. № 148. P. 209 (1523); LM-25. № 35. P. 100 (1518).

«у великое поводе»⁸⁰. Листы гибли во время военных действий: набегов татар («в татарщину»)⁸¹, которые похищали документы⁸², сжигали⁸³ и рвали их⁸⁴. действий мятежного «зрадцы»⁸⁵, движения по данной территории наемных войск⁸⁶. Их похищал «люд» неприятеля — великого князя Московского⁸⁷. Документы общественных архивов разделяли судьбу документов частных светских лиц. Какие-то «злодеи» из Новгорода Великого похитили привилей Витебской земле, хранимый в одной из церквей Витебска⁸⁸.

Одну из главных причин децентрализации архивов следует искать в отсутствии общих условий их хранения для разных лиц и групп населения. С точки зрения пожарной безопасности дома богатой шляхты и магнатов, которые имели слуг, оберегавших эти дома от поджога, способных остановить распространение огня, вынести документы из пожара, были лучше приспособлены к хранению документов сравнительно с домами менее состоятельной шляхты, мещан и крестьян. От огня были лучше защищены шляхетские и мещанские дома, которые располагались в городах, где принимались меры пожарной безопасности. Не вполне состоятельная шляхта и крестьяне должны были иметь более защищенные от пожара места для хранения документов.

Очевидно, стремление обезопасить документы от утраты и повреждений было решающим мотивом в передаче их на хранение другим лицам. Волощане передавали документы на хранение шляхте из числа местной администрации. Если верить информации ойрагольских волощан, листы, выданные волости предками Жигимонта (Сигизмунда) I Старого, они оставили на хранение отцу ойрагольского наместника Юрья Володковича⁸⁹.

⁸⁰ LM-224. № 218. P. 186 (1525).

⁸¹ LM-8. № 184. P. 184 (1507), № 273. P. 228 (1507); LM-9. № 5. P. 76 (1511), № 337. P. 225 (1514), № 534. P. 293 (1514); РИБ. Т. 20. № 293. Стб. 387 [1516]; LM-224. № 18. P. 55 (1522) и др.

⁸² LM-6. № 14. P. 60 [1505], № 194. P. 145 [1494]; LM-9. № 65. P. 107 (1511), № 260. P. 196 (1511); LM-12. № 108. P. 180 (1522), № 595. P. 455 (1526); РИБ. Т. 20. № 321. Стб. 427 (1517), № 83. Стб. 640 (1510); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Užrašymų knyga 22 / Par. A. Blanutsa, D. Vashchuk, D. Antanavičius. Vilnius, 2010. № 9.11. P. 84 (1511).

⁸³ LM-4. № 104. P. 128 [1488]; LM-6. № 238. P. 164 [1497]; LM-12. № 221. P. 242 (1523) и др.

⁸⁴ AGAD. DP. Sygn. 6762 (1499).

⁸⁵ AGAD. DP. Sygn. 5881 (1516).

⁸⁶ LM-9. № 721. P. 383 (1517).

⁸⁷ LM-8. № 350. P. 275 (1508).

⁸⁸ LM-5. № 255. P. 162 (1503); LM-8. № 387. P. 290; список: LM-25. № 116. P. 173 (1509).

⁸⁹ LM-224. № 377. P. 314 (1529).

Частные подданные передавали документы на сохранение их владельцам⁹⁰. Явно с той же целью или в том числе с той же целью одни лица отдавали документы на хранение другим⁹¹. Вдова Богуша Петковича хранила все свои листы у ивьевского плебана (плебана из с. Ивье)⁹². Пани Юряхновская Ядвига оставила тестамены (завещания) своих покойных мужа, свекрови и золовки на хранение ейшишскому плебану⁹³. Пан Миколай Юрьевич Немировича передал на хранение скрыню (ларец) с деньгами, серебром, документами и другими вещами сестре Ядвиге Якубовне Немировича⁹⁴.

Как уже говорилось, в городах принимались противопожарные меры. В большом количестве сохранились сведения о хранении документов в городах⁹⁵ — в столичном городе Вильне⁹⁶: в собственных дворах⁹⁷, в дворах виленских мещан⁹⁸. По утверждению одного путного слуги Полоцкого повета, его лист хранился у полоцкого мещанина⁹⁹. Вот как один владелец объяснял причину постоянного хранения одного из документов в Вильне: «*Бо тая записъ завсегды у зоховани была у месте Виленскомъ такъ, же на то был есьми ее безпечень...*»¹⁰⁰ Очевидно, что не ошибемся, если предположим, что владельцы архивов, предпочитая хранить до-

⁹⁰ ЛМ-11. № 93. Р. 105 [1522].

⁹¹ По утверждению князя Семена Александровича Чарторыйского, его отец хранил «листы твердости» на имения у отца боярина Богуша Петкевича. Правда, Богуш дважды доказывал присягой, что никаких документов Чарторыйского у него не хранилось (ЛМ-5. № 149. Р. 97, 1496 г.; ЛМ-6. № 520. Р. 306 [1503]).

⁹² РИБ. Т. 20. № 19. Стб. 1226 (1518).

⁹³ РИБ. Т. 20. № 270. Стб. 357 [1516].

⁹⁴ РИБ. Т. 20. № 163. Стб. 1484 (1520). Листы, принадлежавшие смоленскому боярину Коптю Васильевичу, хранились в скрыне, которая находилась у служебника дворного маршалка, утенского наместника князя Михайла Львовича Глинского (ЛМ-6. № 429. Р. 258 [1501], № 430. Р. 258 [1501]). Правда, непонятно, с какой целью они были переданы этому служебнику.

⁹⁵ ЛМ-9. № 311. Р. 217 (1516), № 312. Р. 217 (1516), № 313. Р. 217 (1516); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 2002 (далее — ЛМ-15). № 204. Р. 268 (1530) и др.

⁹⁶ ЛМ-9. № 77. Р. 112 (1511), № 88. Р. 118 (1511); РИБ. Т. 20. № 223. Стб. 1552 (1522); Літоўская мэтрыка. Кніга Запісаў № 16. Архіў Літоўскае мэтрыкі ў Дзяржаўным актахранілішчы ў Маскве (б. Архіў Міністэрства юстыцыі). Архіў Літоўскай Мэтрыкі. Кніга Запісаў № 16. 1530–1538 г. // Беларускі архіў (XV–XVI ст.) / Падрыхт. З. Даўгяля. Менск, 1928. Т. 2 (далее — ЛМ-16). № 128. С. 97 (1532), № 194. С. 143 (1533), № 209. С. 154 (1533), № 221. С. 162 (1533), № 260. С. 187 (1533), № 263. С. 188 (1532); ЛМ-15. № 204. Р. 268 (1530), № 205. Р. 268 [1530] и др.

⁹⁷ ЛМ-25. № 125. Р. 185 (1516).

⁹⁸ ЛМ-9. № 219. Р. 181 (1516).

⁹⁹ ЛМ-16. № 215. С. 158 (1533).

¹⁰⁰ ЛМ-15. № 204. Р. 268 (1530).

Острожский замок на старинной гравюре

кументы в городах, делали свой выбор в пользу каменных и кирпичных строений.

Архивам угрожали внешние враги государства, особенно если указанные архивы хранились на окраинах («украине») государства. Поэтому места их средоточия должны были быть защищенными — иметь укрепления. Излюбленным местом хранения архивов являлись замки. Земляне Браสลавского повета (на Подолье) хранили документы в Браславском замке¹⁰¹, острожские бояре — в Острожском замке¹⁰², берестейские земляне — в Берестейском замке¹⁰³. В Киевском замке содержались документы путивальского наместника князя Богдана Федоровича Глинского¹⁰⁴. Землянин Грыцко Прывередовский хранил листы у острожской землянки Павловой Хоревской — в Острожском замке¹⁰⁵.

Что это были за хранилища документов в замках? До нас дошли известия о пожаловании мест в замках, под «шиною замковою», где получатели могли бы «хоромцы поставити для вбежища»¹⁰⁶, соорудить дворец — «прибежище от татар»¹⁰⁷. В таких местах владельцы могли хранить деньги, оружие, «иные

¹⁰¹ LM-6. № 14. Р. 60 [1505]; LM-12. № 595. Р. 455 (1526).

¹⁰² LM-12. № 179. Р. 219 (1523).

¹⁰³ LM-12. № 533. Р. 417 (1525), № 534. Р. 418 (1525), № 535. Р. 418 (1525).

¹⁰⁴ LM-6. № 238. Р. 164 [1497].

¹⁰⁵ LM-12. № 180. Р. 220 (1523).

¹⁰⁶ LM-9. № 519. Р. 289 (1514).

¹⁰⁷ LM-12. № 482. Р. 383 (1525).

речи»¹⁰⁸, среди этих вещей — и документы. Известно, что Андрей Борисович Лозка, часть документов которого была уничтожена пожаром в Берестье в 1525 г., имел «местыцо» в Берестейском замке («подле вежи мурованое и озера») ¹⁰⁹. Возможно, именно там и хранилась часть его документов.

Укрепленным хранилищем документов являлись церкви, очевидно, те из них, которые были построены из камня и кирпича¹¹⁰. Например, в Полоцке таким местом хранения был Софийский собор¹¹¹. Согласно одному позднему источнику — за 1580 г., — в полоцкой Софии хранились «все листы, привилея и твердости на права и вольности, всей земли Полоцкой належачіе»¹¹². Привилей Витебской земле, изданный Казимиром, был помещен в церковь Пречистой Богоматери¹¹³.

Но архивы не спасали стены ни городских домов¹¹⁴, ни замков¹¹⁵, ни церквей¹¹⁶. Житомирский наместник Сенько Романович хранил документы в «городе Киеве», т. е. в Киевском замке, где они и сгорели, когда замок был сожжен татарами¹¹⁷. В 1525 г. в один день упомянутый уже не однажды берестейский войский Андрей Иванович Лозка получил от великого князя четыре привилея, подтверждающие владения, документы на которые погибли в пожаре в Берестье¹¹⁸. В 1502 г. господарские дворяне князя Иван и Тимофей Крошинские сообщали великому князю, что «з Божего допущанья замокъ нашъ Смоленскъ изгорел и церковь Пречистое Богоматери выгорела, и многих кн(я) зей и бояр, и мещан смоленскихъ скарбы в той церкви погорели, и которыи они мели твердости, листы на имена свои отчинньи и дединньи, и на выслу-

¹⁰⁸ ЛМ-8. № 510. Р. 368 (1510).

¹⁰⁹ ЛМ-12. № 536. Р. 419 (1525).

¹¹⁰ ЛМ-6. № 477. Р. 281 [1502].

¹¹¹ ЛМ-16. № 209. С. 154 (1533), № 293. С. 210 (1533).

¹¹² Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1886.

Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала (далее — АВАК. Т. 13). № 21. С. 65;

Якубовский И. Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журнал

Министерства народного просвещения. 1903. № 6 (далее — *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского). С. 245.

¹¹³ ЛМ-5. № 255. Р. 162 (1503); ЛМ-8. № 387. Р. 290; список: ЛМ-25. № 116. Р. 173 (1509); *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. С. 245.

¹¹⁴ ЛМ-9. № 219. Р. 181 (1516).

¹¹⁵ ЛМ-6. № 14. Р. 60 [1505], № 238. Р. 164 [1497]; ЛМ-9. № 572. Р. 318 (1516); ЛМ-12. № 179. Р. 219 (1523), № 180. Р. 220 (1523), № 533. Р. 417 (1525), № 534. Р. 418 (1525), № 535. Р. 418 (1525).

¹¹⁶ АЗР. Т. 1. № 111. С. 130 (1493).

¹¹⁷ ЛМ-4. № 104. Р. 128 [1488].

¹¹⁸ ЛМ-12. № 533. Р. 417–418 (1525), № 534. Р. 418 (1525), № 535. Р. 418–419 (1525), № 536. Р. 419 (1525).

гу отца своего и свою, которьи ж именья отец ихъ и они на нас выслужили, и теж на куплю свою, тыи вси листы в них в той же церкви погорели»¹¹⁹.

Но все-таки эти места были более надежными для хранения документов, чем, например, деревянные строения дворов на незащищенном пространстве.

Существует сравнительно много сведений о хранении документов частных лиц в столичном городе — Вильне. Выбор этого города, кроме наличия в нем каменных и кирпичных зданий, был обусловлен также и его политическими значением и статусом. В нем чаще и дольше, чем в других городах ВКЛ, пребывал великий князь. Именно в этом городе он в основном и выносил вердикты по судебным тяжбам, подтверждал пожалования — свои и своих предшественников, князей-полусуверенов, частные сделки. Как центр публичной жизни Вильна была самым подходящим городом для средоточия в ней предназначенных для использования (причем на самом высоком уровне) правовых документов.

Вместе с тем архивы были подвижны¹²⁰. Документы сопровождали их владельцев, перемещающихся с места на место как часть багажа. Это происходило не только в случаях передвижения владельцев в суд, бравших с собой «листы-твердости» для доказательства своих прав в суде, на жительство в другие свои имения. Землевладельцы забирали документы с собой и тогда, когда они надолго покидали дом, выезжая, например, на военную службу. Привилей дворянину Богдану Радивоновичу Толоконскому на именьице в Браславском повете вместе с другими листами и вещами «у воду упаль и сказалъ ся», когда Толоконский находился на господарской службе в Клецке¹²¹. У витебского боярина Юхны Болгориновича лист великого князя Александра был «взят» «поганством» — татарами, когда Юхно находился в Слуцке — очевидно, будучи на господарской службе¹²². Документы брались и в другие поездки, связанные, как можно предполагать, с коммерческой деятельностью их владельцев. Если верить словам Бориса Семеновича, он имел господарский лист, который был «на Москве» взят, когда Борис был там «пойманъ»¹²³. Вероятно, главным мотивом вывоза части архивов из имений являлась опасность похищения их со стороны злоумышленников в отсутствие хозяина.

¹¹⁹ LM-6. № 477. P. 281 [1502].

¹²⁰ На подвижность частных архивов ВКЛ обращают внимание польские исследователи, см.: Syta K. Dzieje archiwów książąt Sanguszków. S. 98–99, 100.

¹²¹ LM-12. № 657. P. 502 (1527).

¹²² LM-9. № 260. P. 196 (1511).

¹²³ LM-5. № 100. P. 79 (1495).

Однако если документы находились вне стационарных мест хранения, при владельцах, их также подстерегали опасности. Листы «замокали», «тонули» и «казились», когда их владелец был «на дорозе»¹²⁴. Великому князю бил челом берестейский староста, маршалок пан Юрьи Иванович Ильинича и сообщил, что «перво сего» ему дали тридцать служб людей лучан и унеховцов Новгородского повета и привилеем то ему подтвердили на вечность, но «как на дорозе возы его розбили и многии скарбы его забрали, там же деи в тот час и тот привилеи нашъ в него згинул»¹²⁵. Подвижность некоторых документов из общественных архивов могла послужить причиной утраты этих документов. Так, три уставных привилея Киевской земле, изданные Казимиром, Александром и Жигимонтом I Старым, погибли во время пожара в Берестье, когда они находились «в захованьи» у господарского писаря Ивана Горностая «з речъми его в дому нашомъ г(о)с(по)д(а)рскомъ», т. е. с вещами писаря, но в господарском доме¹²⁶.

Итак, архив одного владельца был часто распределен по разным местам, его отдельные части передвигались с их владельцами. Можно ли в свете приведенных фактов говорить о хранении основной части наиболее важных документов архивов в центральной резиденции владельцев? Очевидно, можно. Но, вероятно, большинство таких резиденций принадлежало средней шляхте и магнатам.

К указанным особенностям, связанных с местом хранения документов индивидуальных и общественных архивов, следует добавить еще одно. Копии отдельных видов исходящих от великого князя документов, которые были вписаны в книги Метрики ВКЛ, следует рассматривать как разновидность индивидуальных и общественных архивов подданных. О месте хранения этих копий — в Вильне — можно сказать то же, что говорилось относительно подлинных документов частных лиц, хранимых в Вильне. Пожалуй, помещение копий документов в книги Метрики было самым надежным способом их сохранения, в частности, предохранения их от пожаров, а место хранения (завершенных) книг Метрики — при великом князе, в канцелярии — являлось самым безопасным местом¹²⁷.

¹²⁴ LM-9. № 549. P. 304 (1516); LM-12. № 191. P. 226 (1523).

¹²⁵ AGAD. DP. Sygn. 7481 (1517). Подвижными магнатские архивы оставались и в XVIII в. (Syta K. Archiwa magnackie w XVIII wieku. Studium kultury kancelaryjno-archiwalnej. Toruń, 2010. S. 126).

¹²⁶ LM-224. №. 389. P. 324–325 (1529); LM-25. №. 130. P. 187 (1529).

¹²⁷ Пройдет некоторое время и о большой значимости книг Метрики как способе хранения документов будет заявлено «официально» на «самом высоком уровне» и открыто. В «предисловиях» к двум книгам Метрики (эти «предисловия» идентичны) — к книге Метрики 35 (ее ведение было начато в 1551 г.) и к книге Метрики 41 (ее ведение

Выше в основном говорилось о местах хранения индивидуальных архивов. Имели ли определенные места хранения общественные архивы? В связи с ответом на этот вопрос обратим внимание на следующий момент. Выбор мест сосредоточия архивных документов был обусловлен, на наш взгляд, не только утилитарным, но и символическим смыслом. Мы уже приводили информацию источников о том, что уставной привилеией Витебской земле находилась на хранении в церкви Пречистой Богородицы в Витебске. Мы также писали, что во второй половине XVI в. в Полоцкой Софии хранились все листы, привилеи и твердости на права и вольности Полоцкой земле. Даже в позднее время и даже архивы светских учреждений могли быть сосредоточены в церквях. По свидетельству источника, относящегося к 1651 г., магистратские книги Киева, а также земские, городские и другие книги Киевского повета находились на хранении в соборной церкви Успения Богородицы на Рынке (что также важно, по сведениям упомянутого источника основанием данной практики был давний обычай)¹²⁸. Видимо, практика хранения документов не только индивидуальных, но и общественных архивов в культовых зданиях была широко распространена в ВКЛ. Хранение документов в церквях придавало правовым актам, которые эти документы удостоверяли (отчасти самим документам), религиозный характер. По сведениям XVIII в., городские и суррогатские книги Полоцкого повета находились на хране-

было начало в 1558 г.) — говорится следующее. Все, что удерживается в памяти человека, утрачивается с его смертью. Поэтому нужные и полезные дела и вещи, касающиеся общественного блага, приходят в забвение. Однако людской разум изобрел, что «скарбы» — кому что есть дано и даровано и закреплено письмом документов от королей, князей, старших столичных панов — могут быть собраны и закрыты в одном определенном месте. Тут под «скарбами» понимаются документы, внесенные в книги Метрики. Данная преамбула является переделкой преамбулы, используемой для документов с печатью. Характерно, что подобная преамбула в данном случае применена и в отношении к книгам Метрики. Далее в «предисловиях» говорится, что Миколай Радзивилл, поступив на должность канцлера, задумал, чтобы документы, изданные королем Польским и великим князем Литовским Жигимонтом Августом, были собраны в одном месте и вписаны в данную книгу для того, чтобы тем самым в будущем они могли бы служить для жителей Великого княжества Литовского источником информации, принести этим жителям славу и дать им силу. Что новый канцлер задумал, то он и сделал (НИАБ. КМФ-18. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 62–62 об.; опубл.: Описание книг и актов Литовской Метрики / Сост. С. А. Пташицкой. СПб., 1887 (далее — Описание книг и актов Литовской Метрики). С. 271–272). Упомянутый Миколай Радзивилл был далеко не первым канцлером (он занимал должность канцлера в 1550–1565 гг.), кто стал вести книги Метрики. К моменту занятия им должности канцлера книги Метрики велись уже более ста лет. В данном случае важно другое. Власти стали понимать большую общественную значимость ведения книг Метрики и всячески подчеркивали свою причастность к этому виду деятельности.

¹²⁸ Білоус Н. Київ наприкінці XV — у першій половині XVII століття. Міська влада і самоврядування. Київ, 2008. С. 145–146.

нии в церкви Святой Софии — «w skarbkę migowaną», по правой стороне от большого алтаря¹²⁹. Очевидно, хранить документы земского значения в Святой Софии, у алтаря, было старой традицией.

Позволительно предполагать, что документы общественных архивов могли находиться также на хранении во дворах у кого-то из лидеров местного общества, в городах — центрах земель, получивших в дальнейшем магдебургское право — в городской ратуше (вместе с документами, касающимися вопросов магдебургского права).

Постройки, помещения и оборудование для хранения архивных документов

Мало что известно о специальных постройках, помещениях и оборудовании для хранения документов. Как явствует из источников, если дом сгорал, то с домом гибли и документы¹³⁰, из домов документы пропадали, когда на эти дома нападали¹³¹. Очевидно, в источниках под «домами» понимаются жилые строения. Однако архивные документы могли храниться в других строениях двора — свирнах¹³² и клетях¹³³. Последние не были специально предназначены для хранения архивов. Так, в одной из клеток, кроме документов, находился и «скарб» — оружие, «мисы», котлы, полотно, «платнеры», другие «домовые речи»¹³⁴.

Внутри строений и помещений документы помещались в ларцы и ларчики — «скрыни», «скрынки»¹³⁵ («кублы»), которые могли «замыкаться»¹³⁶ — под печать¹³⁷. О больших и маленьких скрынях (в том числе окованных железом) как резервуарах, в которых хранились архивные документы, часто говорят поздние источники¹³⁸. Содержимое скрын не ограничивалось только документами. Кроме листов в скрынях могли находиться и дру-

¹²⁹ НИАБ. Ф. 1823. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 19–20 об. Благодарю М.Д. Макарова за предоставленные сведения.

¹³⁰ LM-6. № 173. P. 135 [1496], № 210. P. 150 [1496], № 315. P. 206 [1499], № 317. P. 207 [1499]; LM-12. № 536. P. 419 (1525); LM-231. № 91. P. 92 [1541].

¹³¹ LM-14. № 390. P. 174 [1524].

¹³² LM-14. № 365. P. 163 [1524].

¹³³ LM-6. № 587. P. 341 [1498].

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ LM-6. № 429. P. 258 [1501], № 430. P. 258 [1501]; LM-9. № 28. P. 92 (1512), № 219. P. 181 (1516) и др.

¹³⁶ LM-6. № 587. P. 341 [1498].

¹³⁷ LM-16. № 209. С. 153–154 (1533), № 293. С. 210 (1533).

¹³⁸ Jankowski R. Burzliwe losy archiwum Radziwiłłów z Nieświeża od XV w. do 1838 r. S. 36–37; Ragauskienė R. Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL. P. 297, 300, 301 и др.

гие вещи. По утверждению пана Миколая Юрьевича Немировича, в скрыне, в которой хранились кватации королей Александра и Жигимонта, были также деньги, серебро и другие вещи (всех денег и вещей было на сумму около 1000 коп грошей — это большая сумма)¹³⁹. Живший в XVI в. скарбный писарь Мановский Федорович в одной скрыне вместе с документами хранил перстень, серебряный кубок, три ложки, несколько драгоценных камней, два серебряных реликвария, во второй его скрыне вместе с документами находились различные приправы: имбирь, перец, шафран, тмин¹⁴⁰.

Английский историк М. Клэнчи сравнивает средневековые архивы с дамской сумочкой, в которой лежат кольца, драгоценности, разные сувениры, несколько писем и документов¹⁴¹. Это сравнение вполне подходит и к средневековым архивам ВКЛ.

Господарские листы и привилеи, кроме того, что они обладали главной ценностью, являлись средством подтверждения прав, имели самостоятельную ценность. Они сами по себе стоили дорого: дорогим был материал для письма — пергамент, дорого обходилась подготовка текста, больших денег требовало прикрепление великокняжеской печати, и это — без учета расходов на дорогу к великому князю с целью получения документа. Известен случай, когда привилеи являлись объектом залога¹⁴². Поэтому документам было уготовано такое же место, что и другим ценностям — вместе с этими ценностями. Архивы были частью скарба. Относительно некоторых документов в источниках прямо говорится, что они хранились в скарбе¹⁴³.

Выше отмечалось, что место хранения документов в церкви придавало правовым актам, которые эти документы удостоверяли, религиозный характер. Также высказывалось предположение, что практика хранения полочанами документов земского значения в Святой Софии у алтаря могла восходить к старой традиции. Возможно, где-то у алтаря (или, может быть,

¹³⁹ РИБ. Т. 20. № 163. Стб. 1484 (1520).

¹⁴⁰ *Ragauskienė R. Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL.* P. 301.

¹⁴¹ *Clanchy M. T. From Memory to Written Record.* P. 157.

¹⁴² «Жаловал намъ восковничии городенский Игуда Богдановичъ, што жъ деи мужъ твои панъ Михаило Павша виненъ ему некоторую суму п(е)н(е)зеи, и на то записы свои ему подавалъ. А к тому в тых п(е)н(е)зех заставилъ ему прибилъя, котори мелъ на имена свои» (LM-14. № 31. P. 86–87 [1526]).

¹⁴³ LM-15. № 135. P. 168 [1533]. В частных скарбах хранились регистрационные материалы, содержащие данные о хранимых документах — реестры архивных документов: «...и жъ кгда дельчие, ку розделенью именей от короля, его м(и)л(о)сти, даные, скарбъ кн(я)зя Ильин списывали, тогды подскарбега его старого реестръ властного писанья руки его нашли...» (LM-231. № 141. P. 132, 1541 г.). Так хранить данные материалы было удобно.

в самом алтаре) церкви Пречистой Богородицы в Витебске был помещен на хранение и уставной привилей Витебской земле. В главной святыне храма — на престоле алтаря — возлежали книги Евангелия с вписанными в них вкладными записями.

По источникам данного времени трудно что-либо узнать о систематизации архивных материалов, распределении их по отдельным комплексам в зависимости от объекта владения, правового значения документов (которое выражалось в том числе в использовании того или иного материала для письма документов — пергамента и бумаги) и т. д.

Остается ответить на вопрос, кто заведовал архивными собраниями. За архивом, состоявшим из небольшого количества документов, надзирал непосредственно сам его владелец. А вот крупные архивы явно находились в ведении частных подскарбиев. Источники сохранили информацию об одном таком подскарбии, служившем князю Константину Ивановичу Острожскому и его сыну Илье, — Иване Федоровиче. По сведениям этого источника, этот Иван «весь скаръбъ предъковъ его (Василья Константиновича Острожского. — А. Г.) и отца (Константина Ивановича Острожского. — А. Г.), и брата его (Ильи Константиновича Острожского. — А. Г.): золотые гроши у готовизне, святости, клейноты, золото, серебро, перъла, шаты, зброи, и привилья, листы-твердосты на вси именья их — на своихъ рукахъ мел...»¹⁴⁴. В обязанности заведующего архивом входило, в частности, составление реестров хранящихся в этих архивах документов¹⁴⁵.

Должностные архивы и архивы учреждений

Религиозные учреждения являлись наиболее восприимчивыми к принятию правовых документов. Большое количество сохранившихся документов, которые принадлежали Святого Николы Пустынского монастырю в Киеве, говорит о том, что дело хранения документов в церковных учре-

¹⁴⁴ LM-231. № 60. Р. 60 (1541).

¹⁴⁵ LM-231. № 141. Р. 132 (1541).

ждениях было поставлено на высокий уровень¹⁴⁶. Каковы были возраст и состав архивных собраний церквей? Указанные собрания включали древнейшие документы. Это различные документы на имущественные и другие права в их пользу. У митрополита Киевского и всея Руси, епископа Смоленского Иосифа хранился «списокъ, то есть свитокъ правъ» — копия устава великого князя Ярослава Владимировича (ум. в 1054 г.) православной церкви¹⁴⁷. Такой же список имелся и у архиепископа Полоцкого и Витебского Луки¹⁴⁸. Устав князя Ярослава датируется не позднее XIII—XIV в.¹⁴⁹ К XIV в. относятся древнейшие из известных вкладных записей в книгах Евангелия. Каноники и капитула костела Святого Станислава имели привилеи польского короля Ягайлы, великих князей Витовта и Жигимонта. Приор берестейской Святой Троицы хранил привилеи Витовта и Жигимонта¹⁵⁰. В браславском костеле Матки Божьей находился на хранении «фундат» Витовта¹⁵¹.

Состав архива виленского бискупа формировали также книги с первичными записями его судебных решений («акта» бискупа). Главный состав должностных архивов (архивов местных светских властей) и архивов

¹⁴⁶ АЗР. Т. 1. № 178. С. 202 (1500), № 223. С. 369 (1506); Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 2: 1506—1544. № 2. С. 2 (1506), № 38. С. 45 (1508, 1510), № 89. С. 115 [1514], № 90. С. 116 (1514), № 95. С. 119 (1516), № 97. С. 120—122 (1516, 1517), № 102. С. 126—127 (1518), № 110. С. 135—136 (1522); Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском, подольском и волинском генерал-губернаторе. Киев, 1883. Ч. 1. Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322—1648 гг.). Т. 6. № 4. С. 9—10 (1507), № 5. С. 10—12 (1506), № 6. С. 12—13 (1506), № 7. С. 13—14 (1508), № 8. С. 14—15 (1510), № 9. С. 15—16 (1510), № 10. С. 16—18 (1512), № 12. С. 21—22 (1517) и др.

¹⁴⁷ «...которые жъ онъ права духовные выложилъ с правъ духовных грецкихъ, то есть з номоканону Восточное Церкви, и тыи права въ свитку выписаль и заказаль, абы тых дель и доходовъ церквонных, и судовъ духовныхъ нихто от светскихъ не смелъ судити и радити, полетилъ вси тыи дела духовныи в моцъ митрополита киевского и всея Руси, хто коли будетъ митрополитом, и тежъ въ моцъ епископовъ тых, котории сут под митрополею выше реченною киевскою» (ЛМ-5. № 205. Р. 126, 1499 г.).

¹⁴⁸ «...и тыи права в свитку выписаль и заказаль, абы тых дел и доходовъ церквонных, и судовъ духовныхъ нихто от светскихъ не смель судити и радити, и полетилъ вси тыи дела духовныи въ архиепископьи Полоцкии в моцъ архиепископа полоцкого и витебского, хто коли будетъ архиепископомъ тых, котории суть под архиепископнею вышеи реченою Полоцкою» (ЛМ-5. № 249. Р. 156, 1502 г.).

¹⁴⁹ Об уставе князя Ярослава Владимировича о церковных судах, его списках, редакциях и изводах, их публикации см.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов; отв. ред. А. В. Черепнин. М., 1976. С. 85—139.

¹⁵⁰ РИБ. Т. 20. № 147. Стб. 758 (1511).

¹⁵¹ ЛМ-5. № 237. Р. 148; список: ЛМ-7. № 341. Р. 562 (1500).

светских учреждений — хранимые в книгах записи первичных документов, вышедшие в результате судебной деятельности представителей местных властей (записи в книгах воевод, старост, наместников-державцев, установленных великим князем судей, «городовых», «земских» книгах Подляшья, смоленских «земских» книгах, «местских» (городских) книгах). Кроме этих записей данный состав формировали также административные и хозяйственные книги троцких городничих, в которых были записаны люди, дающие дякло¹⁵²; книги троцкого воеводы, в которых помещались данные о повинностях подданных: кто и сколько должен был давать дякло, мезлеву, косить сено¹⁵³, «реистра местский», в которых, как можно, понимать, были записаны владельцы фольварков, находящиеся под властью городских властей¹⁵⁴, приходо-расходные книги¹⁵⁵, не до конца ясные по назначению браславские «старые земские книги»¹⁵⁶, «чорные дворные» книги¹⁵⁷. В помете «про память» в отношении к группе записей указанных книг как ни в чем лучше выразилось назначение записи, предназначенной для архивного хранения.

Как можно видеть на примере хранимых в должностных архивах и архивах светских учреждений «судовых» книг, правило «получатель документа — он же хранитель (или преемник хранителя) документа» действовало не всегда. Есть и другие примеры отхода от этого правила. Например, при магистратах могли храниться подлинники некоторых частноправовых документов (источник упоминает тестамент)¹⁵⁸.

Состав должностных архивов и архивов учреждений пополнялся за счет великокняжеских документов по вопросам административного и хозяйственного управления, внешней безопасности, адресованных местным властям. Правда, далеко не все документы, направленные на адрес этих властей, оседали в их архивах. Однозначно, что там не откладывались известительные листы о пожаловании подданным. Как можно полагать, фактическим адресатом указанных листов являлись получатели пожалования, о чем свидетельствует содержание аннотированных записей этих листов в книгах Метрики: «*Ивану Киселеву лист до на-*

¹⁵² LM-6. № 198. P. 146 [1496].

¹⁵³ РИБ. Т. 20. № 379. Стб. 511 [1517].

¹⁵⁴ LM-25. № 152. P. 212 (1536).

¹⁵⁵ LM-19. № 203. P. 206 (1536).

¹⁵⁶ LM-14. № 719. P. 297 (1525).

¹⁵⁷ РИБ. Т. 20. № 383. Стб. 517 [1517].

¹⁵⁸ LM-224. № 142. P. 129 (1524), № 143. P. 130 (1524).

местника бирьштанского князя Матфея Микитинича»¹⁵⁹, «Мещанину могилевскому Сидку Хоманковичу до наместника могилевского»¹⁶⁰, «Тивуну виленскому, пану Бутриму Якубовичу Немировича до воеводы виленского»¹⁶¹, «Листъ боярину витебскому Юхну Болгориновичу до воеводы витебского пана Сопеги»¹⁶², «Попу крычевскому Исаку лист до наместника крычевского пана Юря Немировича»¹⁶³ и т. д. либо «Бояром еишишским Станку Ондровичу а брату его Матею дан листъ до наместника еишишского»¹⁶⁴ и др. Доставку известительных листов осуществляли сами получатели владения. В некоторых источниках прямо говорится, что получатели представили лист¹⁶⁵. После ознакомления с содержанием данных листов этими властями они снова передавались в руки получателя.

Впрочем, существовали некоторые исключения. Признаком данных исключений является форма издания и выдачи известительных листов. Источники выделяют «отворенные» и «защитые» листы. «Защитые» листы — сложенные в конверт и запечатанные¹⁶⁶ (печать скрепляла свободные края конверта), в отличие от «отворенных» (которые не складывались таким образом и передавались в открытом виде¹⁶⁷), были адресованы только субъекту инскрипции. Как можно судить по некоторым данным источников, «отворенные» листы, адресованные местным властям, возвращались непосредственному получателю после ознакомления с ними адресата¹⁶⁸.

¹⁵⁹ ЛМ-9. № 172. Р. 154 (1514).

¹⁶⁰ ЛМ-9. № 201. Р. 168 (1516).

¹⁶¹ ЛМ-9. № 206. Р. 171 (1516).

¹⁶² ЛМ-9. № 73. Р. 111 [1511].

¹⁶³ ЛМ-9. № 161. Р. 149 (1514).

¹⁶⁴ ЛМ-9. № 170. Р. 152–153 (1514).

¹⁶⁵ Напр.: «Здесе передь нами князь Иванъ Глинскій покладалъ листъ господарскій, што ему господарь его милость далъ васъ въ жалованье...» (АВАК. Т. 13. № 5. С. 15, 1501 г.). См. также: АВАК. Т. 13. № 5. С. 16, 1500 г.

¹⁶⁶ Ревизия пуш и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присвокуплением грамот и привилегий на входы в пуши и на земли, сост. старостою мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г. с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 162.

¹⁶⁷ ЛМ-9. № 368. Р. 236 (1516), № 506. Р. 285 (1514), № 510. Р. 287 (1514), № 511. Р. 287 (1514) и др.

¹⁶⁸ Судьи спросили: «тоть листъ, чи защитый, або отвореный былъ? И Служко поведиль передь нами, ижъ отвореный листъ былъ. Ино намъ ся то видело, ижъ Служко не слушнымъ обычаемъ вчиниль, ижъ тотъ листъ господарский въ себе задержалъ и надто его самого поималъ» (РИБ. Т. 20. № 355. Стб. 478, 1517 г.).

Сохранились известия, что листы, выданные в пользу определенной церкви (монастыря) или определенного костела, хранились стационарно в этой же церкви (в том же монастыре), в этом же костеле¹⁶⁹.

В отличие от индивидуальных и общественных архивов должностные архивы и архивы светских учреждений являлись публичными архивами. Правда, этот их статус распространялся не на все хранимые письменные материалы, а лишь «судовые» книги. Впрочем, доступиться до этих книг подданным было сложно в связи с подвижностью этой части архива. Подобно индивидуальным архивам «судовые» книги местных властей часто передвигались с их владельцами. Прекращение данного передвижения может служить признаком превращения должностных архивов в архивы учреждений. «Малоподвижными» являлись, очевидно, «городовые» и «земские» книги Подляшья, «местские» книги, «земские» смоленские книги. Эти книги, судя по всему, имели постоянное место нахождения. Таким местом для «местских» книг могла быть городская ратуша или церковь (костел)¹⁷⁰, для «городовых» книг Подляшья и «земских» книг Смоленска — резиденция представителя великокняжеской власти или церковь либо костел, для «земских» книг Подляшья — резиденция «земских» органов власти или опять же костел¹⁷¹.

Документы, сосредоточенные в костельных и церковных архивах, хранились в скарбе¹⁷², вместе с материальными ценностями и церковными реликвиями¹⁷³. Великокняжеский привилей виленским мещанам, изданный в 1536 г., обязывал этих мещан иметь «местъце» не только для скарба, но также для листов и привилеев. Эту информацию надо понимать так, что и скарб, и документы хранились в одном месте. Данная информация подтверждается следующими сведениями. Господарь предписал мещанам закрывать место хранения скарба и привилеев на четыре замка и иметь от этих замков четыре ключа (ключи должны были находиться: два ключа — у двух бурмистров католической веры и два ключа — у двух бурмистров православной веры)¹⁷⁴.

¹⁶⁹ LM-5. № 237. P. 148; список: LM-7. № 341. P. 562 (1500); LM-6. № 248. P. 170 [1498]; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1870. Т. 9 (далее — АСД, Т. 9). № 26. С. 77 (1577).

¹⁷⁰ Кяута З. Городской архив времен Великого княжества Литовского как объект комплексного исследования. С. 130.

¹⁷¹ О местах хранения земских и городских во второй половине XVI—XVIII в. см.: *Zakrzewski A. B. Budowa archiwów szlachty Trockiej // Miscellanea historico-archivistica*. 2000. Т. 11.

¹⁷² АСД, Т. 9. № 27. С. 81 (1578).

¹⁷³ *Kosman M. Archiwum kapituły Wileńskiej*. S. 43–44.

¹⁷⁴ LM-19. № 203. P. 206 (1536).

Троцкий (Тракайский) замок. 70-е гг. XIX в.

Документы, хранимые в стационарных местах, помещались в скрини, как например, упомянутый выше тестамент, находящийся при берестейском магистрате — он был помещен в «скринку местскую»¹⁷⁵.

Великокняжеский архив

Великокняжеский архив представлял собой аналог индивидуальных архивов. Он был частью скарба и хранился вместе с материальными ценностями великого князя, т. е. в самом скарбе¹⁷⁶. Таковым он был изначально и позже. По мнению М. Космана, до строительства каменного замка в Троках на острове оз. Гальва Витовт перевозил свой скарб, если существующие условия не давали гарантии безопасности, или же скарб находился в одном из виленских замков или в старом троцком замке. С момента основания замка в Троках скарб переместился в этот замок¹⁷⁷.

Скарб великого князя был местом хранения некоторых оригинальных актов, касающихся унии, привилеев ВКЛ, документов, полученных великим князем в результате заключения межгосударственных договоров, регистрации государственных и частных владений, отчетов господарских управленцев, документов, перешедших к великому князю с выморочными

¹⁷⁵ LM-224. № 142. P. 129 (1524), № 143. P. 130 (1524).

¹⁷⁶ Kosman M. Archiwum wielkiego księcia Witolda. S. 132–135.

¹⁷⁷ Ibid. S. 135–136.

или другим способом приобретенными владениями и др.¹⁷⁸ Часть этих документов зафиксирована в описи великокняжеского архива (составлена во второй половине XVI в.), содержащейся в 1-й книге Метрики. В предисловии к последней публикации этой книги сказано: «Текст описи некоторых документов свидетельствует о том, что документы были написаны, но не выданы, некоторые порваны, повреждены печати, часть документов заинтересованные лица, очевидно, не забрали»¹⁷⁹. На самом деле, тут речь должна идти, в частности, не об не выданных на руки просителей документах, а о документах, выданных великим князем, но вернувшихся к нему назад через некоторое время. Так, например, происходило в результате «спадка» на господаря выморочных владений, которые были пожалованы его предшественниками или им самим.

Собрание документов великого князя составляли оригиналы и копии. Это собрание было архивом получаемых и исходящих документов. Записи хранились на отдельных носителях (листах пергамента и бумаги) и книгах.

Великокняжеский архив был рассеян по разным местам. Согласно приписке к копии одного межгосударственного договора (за 1501 г.), его оригинал хранился в отделении скарба, находящемся в Троцком замке: «*Originale repositae s(un)t in castro Trocen(s) sub cura thesaurarii t(er)rae e(t) c(aeterum)*» [Оригинал хранится в Троцком замке, в ведении подскарбьего]¹⁸⁰. Однако по другим (правда, поздним) данным известно, что местом хранения других межгосударственных договоров был скарб в Вильне. Очевидно, там и хранились привилеи ВКЛ (в 1547 г. шляхта просила извлечь эти привилеи из скарба и передать их на хранение в другое — более доступное — место¹⁸¹).

Впрочем, господарский архив не являлся полным аналогом индивидуальных архивов. Таковым он не был в силу значительно большего количе-

¹⁷⁸ О составе архива скарба и судьбе его документов см.: *Jakubowski J.* Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy; [*Kutrzeba S., Semkowicz W.*] Wstęp // Akta unji Polski z Litwą / Wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz. Kraków, 1932 (далее — [*Kutrzeba S., Semkowicz W.*] Wstęp). S. XVII–XXVI; *Mikulski W.* Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w arciwum warszawskim Radziwiłłow.

¹⁷⁹ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymų knyga 1 / Par. A. Baliulis, R. Firko-vičius.* Vilnius, 1998 (далее — LM-1). P. 18.

¹⁸⁰ LM-5. № 532. P. 350.

¹⁸¹ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 394; *Ptaszycki S.* Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską. S. 588–589; [*Kutrzeba S., Semkowicz W.*] Wstęp. S. XVII и т. д.

ства, состава и путей поступления материалов, хранившихся в нем. В этом архиве хранились «привилеи ВКЛ», а также документы, изданные предшественниками господаря, им самим, проделавшие длинный и сложный путь (побывав в руках у разных владельцев), но вновь вернувшиеся к нему.

Та часть архива господаря, которая состояла из подлинных документов, имела особое положение. Эти документы были малодоступными для подданных, даже те из них, которые были адресованы этим самым подданным («привилеи ВКЛ»). Особое положение подлинных документов великокняжеского архива проявилось и в другом. Очевидно, пожалование господарем выслуг из фонда бывших выморочных владений не вело к передаче получателю указанных выслуг документов на данные владения. То, что попадало в эту часть архива, оставалось там навсегда.

Не только разные пути поступления письменных материалов, но и разное их положение формировали и разные комплексы (выражаясь современным языком, но понимая условность термина — фонды) внутри данного архива¹⁸². Эти комплексы хранились в разных местах. Привилеи ВКЛ, дипломатические акты, разные регистрационные материалы, отчеты, документы на приобретенные правителем владения, некоторые другие оригинальные документы сохранялись в скарбе¹⁸³. Книги, сосредоточенные в скарбе, так и назывались «скарбные» книги¹⁸⁴. Следует отказаться

¹⁸² О необходимости различать отдельные комплексы данного архива: Kennedy Grimsted P. Introduction // *The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Including an annotated edition of the 1887 Inventory compiled by Stanisław Ptaszycki / Ed. P. Kennedy Grimsted with the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa. Cambridge, Massachusetts, 1984* (далее — *Kennedy Grimsted P. Introduction*). P. 9; *Eadem. Czym jest i czym była Metryka Litewska? (Stan obecny i perspektywy odtworzenia zawartości archiwum kancelaryjnego Wielkiego Księstwa Litewskiego)* (далее — *Kennedy Grimsted P. Czym jest i czym była Metryka Litewska?*) S. 82; *Думин С.В. Литовская Метрика в XVII веке // Исследования по истории Литовской Метрики: Сборник научных трудов. М., 1989. Ч. 1. С. 88.*

¹⁸³ Некоторые источники прямо называют место хранения некоторых документов, поступивших к великому князю и его детям — скарб (LM-15. № 135. P. 169 [1533]).

¹⁸⁴ С. Пташицкий предположил, что в скарбе — его троцком отделении — хранились и книги Метрики ВКЛ, которые в дальнейшем — не позже 1511 г. — были перемещены в виленский скарб. Мнение о том, что Метрика размещалась в скарбе, было поддержано И. Сулковской-Курасёвой, П. Кеннеди-Гримстед, практически всеми современными учеными, которые, правда, не привели дополнительных доводов в его пользу (*Sułkowska-Kurasiowa I. Metryka Litewska — charakterystyka i dzieje // Archeion. 1977. T. 65. S. 92; Kennedy Grimsted P. Introduction. P. 11; Eadem. Czym jest i czym była Metryka Litewska? S. 61; Pietkewicz K. Księga 9 wpisów (записей) Metryki Litewskiej, układ i zawartość, oraz jej kontynuacja do roku 1518 z Archiwum Radziwiłłowskiego // Lietuvos Metrika, 1991–1996 metų tyrinėjimai / Sud. Z. Kiaupa, A. Urbanavičius. Vilnius, 1998. P. 20; Рыбакоў А. Арганізацыя дзяржаўнага архіва*

от мнения, согласно которому книги Метрики также хранились в скарбе. На самом деле, они оставались на хранении в канцелярии. Отсюда и одно из их первоначальных названий — «книги господарьский канцлерейский», «книги канцлерейские» и др. (в скарб в XVII в. были перемещены старые, уже неиспользуемые книги Метрики, после того как они были переписаны в конце XVI в., при этом характерно, что новые книги — книги-копии — оставались в канцелярии, точнее, в двух канцеляриях)¹⁸⁵. Сведения о хранении книг Метрики в первой половине XVI в. в канцелярии вполне согласу-

Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. С. 74. С. Кутшеба, В. Семкович и М. Косман перенесли это мнение на весь архив ВКЛ ([*Kutrzeba S., Semkowicz W.*] Wstęp. S. XVII; *Kosman M.* Archiwum wielkiego księcia Witolda. S. 138.). И только Э. Банёнис отнесся с сомнением к мнению С. Пташицкого. В введении к изданию 5-й книги Метрики этот исследователь обратил внимание на общий подход к данным С. Пташицкого: «Представленные С. Пташицким сведения вскоре стали хрестоматийными и повторялись без какого-либо критического подхода почти во всех работах, касающихся истории Литовской Метрики..» И в связи с этим отмечал: «Так, например, хрестоматийным стало лишь предположение С. Пташицкого, которое в исторической литературе стало уже утверждением, что первоначально Литовская Метрика до 1501 г. хранилась в Тракайском замке, а в 1511 г. она уже находилась в Вильнюсе». «Но ведь это предположение С. Пташицкого основывалось лишь на приписке к тексту договора 1501 г. между ВКЛ и Ливонским орденом, в которой говорилось о том, что подлинник договора хранится в Тракайском замке», — недоумевал исследователь (*Банёнис Э.* Введение // *Lietuvos Metrika (1427–1506)*. Knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5 / Par. E. Vanionis. Vilnius, 1993. P. 14). Впрочем, Э. Банёнис не привел оснований для сомнения и не высказал собственную точку зрения относительно места хранения книг Метрики. Выше мы привели содержание приписки к копии одного международного договора. Эта копия находится в одной из книг Метрики ВКЛ — 5-й книге Метрики. Основываясь на содержании документа, связанного с подтверждением владения путивальского наместника князя Богдана Федоровича Глинского (в котором говорится об отсутствии в данный момент при великом князе в Вильне книг Метрики), а также сведений именно этой записи, С. Пташицкий высказал предположение, что там же — в троцком замке — хранились и книги Метрики (Описание книг и актов Литовской Метрики. С. 4). Необоснованность взгляда о том, что процитированная запись свидетельствует о хранении книг Метрики в троцком скарбе, очевидна с точки зрения обстоятельств возникновения записи с подобным содержанием. Ибо если писарь посчитал нужным отметить в отношении к копии, что оригинал находится в определенном месте, то это означает, что оригинал хранился отдельно. Иначе говоря, какой был смысл сообщать о месте нахождения оригинала, если этот оригинал и копия находились в одном и том же месте?

¹⁸⁵ Груша А. Да некаторых праблем гісторыі Метрыкі ВКЛ (першыя гістарычныя назвы; па матэрыялах кніг Метрыкі ВКЛ першай паловы XVI ст.) // *Інфармацыйнае забеспячэнне навукі: праблемы, пошукі, рашэнні*. Мінск, 2000. С. 152–162; *Ён жа*. Канцлярыя Вялікага Княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 30–32, 92–103. О реестре оригинальных книг Метрики, оставшихся в скарбе, см.: *Антанавічюс Д.* Найдены реестры оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. // *Новости Литовской Метрики*. Вильнюс, 2010. № 12. С. 18–25; *Antanavičius D.* Originalių Lietuvos Metrikos XVI a. knygų sąrašas. P. 157–186.

ются с информацией, относящейся к XVII в. В это время монарх нанимал дома в Вильне одновременно для размещения в них как книг Метрики, так и канцелярий¹⁸⁶.

Господарский архив содержал в себе признаки одновременно индивидуального архива господаря (господствующие патримониальные воззрения, разделяемые великим князем и подданными, не позволяли рассматривать положение и статус великого князя как некую государственную должность) и общественного архива (в нем хранились оригиналы «привилеев ВКЛ», копии исходящих документов отдельным подданным, их группам и др.), а также должностного архива или архива учреждения (в книги Метрики вносились первичные записи судебных решений великого князя, другие первичные записи).

В каких случаях, как часто и на какой срок документы господарского архива могли перемещаться в архив канцлера — главы канцелярии, который использовал их в своей повседневной деятельности? Достоверных данных по этим вопросам у нас нет. Разве только можно предположить, что некоторые книги Метрики, а именно, книга Метрики 9 (1511–1516) и следующая по хронологии книга (за 1516–1518 гг.) поступили в частный архив Миколая Миколаевича Радзивилла еще при его жизни (1510–1521/1522). Очевидно, поступление в данный архив Метрики 9 (которое первоначально рассматривалось как временное) было как-то связано с ее переработкой¹⁸⁷. Если подобные поступления случались чаще и имели более широкий масштаб, то великокняжеский архив или его часть можно было бы в определенной степени квалифицировать одновременно и как должностной или даже индивидуальный архив канцлера.

Свойство великокняжеского архива проявлялось в том, что в нем мог одновременно храниться как оригинал документа, так и его копия, вписанная в Метрику. Но оригинал мог находиться на хранении в скарбе, а его вписанная в книгу Метрики копия — в канцелярии. Примером этому может служить упомянутый выше межгосударственный договор от 1501 г. Его оригинал лежал в троцком отделении скарба, а копия была записана в книге Метрики, хранившейся в канцелярии. В архиве находились на хранении как старые подлинные документы, завершившие свое движение, так и

¹⁸⁶ «na kancelarjã i chowanie akt i metryki mniejszej» (*Łowmiańska M. Dokumenty do historii kamienic, przeznaczonych na chowanie Metryki W. X. L. (1588–1712) // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 1–4. № 5. S. 300*).

¹⁸⁷ Более подробно: *Груша А.І. Кніга Метрыкі 9 (1511–1516) і рэарганізацыя канцелярыі Вялікага княства Літоўскага 1516–1522/23 г. // Весці Беларускага дзяржаўнага пед. ун-та. 2001. № 3.*

«свежеизданные» документы, только начинавшие свою жизнь (в виде копий в книгах Метрики).

О структуре архива оригинальных документов, помещенного в виленском отделении скарба, известно по описи, составленной в 70–80 гг. XVI в., но не позже 1584 г. Его содержимое было распределено по тематическому и географическому признакам. В отдельную тематическую группу были объединены присяжные листы полусуверенных князей правителям ВКЛ, документы, связанные с определением границ ВКЛ с Пруссией и Инфлянтами, некоторые другие листы¹⁸⁸. Документы, фиксирующие права на земельные владения, были собраны в группы по воеводствам. Эти отдельные группы помещались в мешки («saccus», «worek»). Бумажные документы, хранящиеся в этих мешках, были связаны в фасцикулы. Как можно судить по сведениям описи архива, составленной 26 ноября 1623 г., отдельные группы могли формировать другие документы государственной важности: дипломатические документы, привилеи ВКЛ и др. (на момент составления описи второй половины XVI в. они, видимо, были извлечены из великокняжеского архива, поэтому в эту опись они не попали). Согласно описи 1623 г. документы государственной важности были помещены в шуфляды, а шуфляды в свою очередь были вложены в скрины¹⁸⁹. Видно, что дело по усовершенствованию способов хранения архивных документов не стояло на месте. Но тот способ хранения, который запечатлен в описи второй половины XVI в., кажется, является не только архаичным, но и одним из первичных.

Заключение

Появление архивов заменило память старцев — хранителей информации о прошлом, посвященных людей. Письменно хранимая правовая информация не забывалась, не рассеивалась и не искажалась. В этом плане архив стал вместилищем объективной и достоверной информации.

С появлением документа ко всем заботам, связанным с его получением, добавилась и еще одна. Получив документ, его владелец теперь должен был хранить его, создавать для его хранения благоприятные условия. Создать

¹⁸⁸ LM-1. P. 23–25.

¹⁸⁹ Mikulski W. Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w archiwum warszawskim Radziwiłłów. S. 73; См. цит.: Antanavičius D. Originalių Lietuvos Metrikos XVI a. knygų sąrašas. P. 180.

эти условия было несложно. Документы не занимали много места. Для удобства хранения документов их складывали¹⁹⁰. В сложенном виде они могли быть помещены в небольшой резервуар. Они не стесняли владельцев, не требовали постоянного надзора и ухода.

Предел древности самых ранних документов рассмотренных архивов — время правления польского короля Владислава-Ягайлы, великих князей Скиргайлы и Витовта — указывает на период, когда правовой документ стал приобретать значение важного средства регулирования правовых отношений. Следующие факты свидетельствуют о том, какое большое значение имел документ в последующие после смерти Витовта сто лет. Сторона договора, приобретающая земельное имущество, получала вместе с этим имуществом и документы на него, и делала это во избежание возможных претензий на него в будущем со стороны прежних владельцев. Обладатели архивов изыскивали безопасные с точки зрения сохранности и удобные для использования документов места для средоточия этих архивов. Ни в одной из практик, связанных с хранением и использованием архивов, нельзя обнаружить признаков легкомысленного и нерадивого к ним отношения. Даже такая, на первый взгляд странная, как это может показаться нашему современнику, практика перемещения документов вместе с их владельцами имела главной целью сохранить документы. Создается впечатление, что символический характер выбора места хранения архивов был больше подчинен практическим задачам — сберечь документ. В функционировании архивов наиболее выразительно проявилось отношение к документу как авторитетному инструменту решения правовых вопросов.

В изучаемый период существовала объективная динамика в изменении количественного состава документов архивов. Но сведениями о том, была ли в этот период динамика внедрения наиболее оптимальных форм хранения архивных документов, автор не располагает. С какого времени существовала практика хранения документов в замках, в церквях, была ли она распространена, например, в первой половине XV в.? На эти и другие вопросы ответить пока невозможно.

¹⁹⁰ Современный исследователь без труда обнаружит в архивных документах линии сгиба, образовавшиеся в результате складывания документов, квадраты и прямоугольники, очерченные этими сгибами; эти фигуры — следы сторон сложенного документа: темные от грязи с поздними пометками и записями — внешние стороны, и чистые и свободные от пометок и записей — внутренние.

Проникновение документа в общество ВКЛ не было стремительным. Традиция медленно сдавала свои позиции. На каком-то этапе между документом и традицией устанавливался определенный баланс. Этот баланс отношений делал легким с «формальной» точки зрения способ восстановления утраченных листов. Издать новый документ на владения взамен утраченных документов господарь мог не только по сохранившейся копии, но также и по показаниям тех, кому были «зведоми» эти листы, а именно: представителей власти, кто эти листы видел, вообще, обладал информацией о данных листах. Землянка Юрьевая Юражича Ядвига жаловалась на деверей Станислава, Яна и Щасного Юражичей, что они не хотели дать ее дочке Марюхне — их братанне, причитающуюся ей часть движимого и недвижимого имущества. Между тем по этому делу был господарский суд, который вынес решение в пользу Марюхны. Имелся и судебный лист об этом деле. Но он был утрачен господарским секретарем. В рассмотрении данного дела участвовал виленский воевода и канцлер Ольбрехт Мартинович Гаштольд. Он сообщил, что у него *«есть у памети»* — этот суд действительно имел место и на нем было вынесено именно это решение¹⁹¹. Таким образом, факт существования документов часто подтверждался при помощи не каких-либо письменных записей, а памяти. Эта память восстанавливала факт существования формальных доказательств прав владельца на имущество. Но информацию о данном факте необходимо было ввести в коллективную память. Важно было придать огласке факт существования листов. Не в этом ли смысле следует трактовать недоумения некоторых лиц, когда неожиданно для них вторая сторона представляла листы, нарушающие их права? «Мы о tych листах и родивши ся ничего не слышали», — заявляла одна сторона¹⁹². Более показательны следующие слова недоумения: «Ты мне tych записей не давал ани есми очима своима их видал, ани чтучы их слыхаль»¹⁹³. Важно было также сделать общим достоянием информацию и о получении листов.

Своеобразную часть архива составляла память соседей обладателя документов, которые могли подтвердить право на владение в случае утраты документов. С соседями необходимо было поддерживать хорошие отношения, и такие отношения поддерживались, в частности, на приятельских и

¹⁹¹ LM-14. № 648. P. 268 (1528).

¹⁹² LM-6. № 483. P. 284 [1502].

¹⁹³ LM-5. № 100. P. 79 (1495).

иных «честях», «поседеньях», пирах, складах, колацеях, пиве. Таким образом, хранение документов осуществлялось в условиях сохраняющихся устных практик.

Книги Метрики ВКЛ следует квалифицировать как *разновидность индивидуального и общественного архивов подданных*¹⁹⁴. Но такой архив, как книги Метрики, для подданных был *дополнительным, факультативным* архивом. Использование книг Метрики было важным этапом в развитии письменной культуры. Но с практической точки зрения этот архив имел вспомогательное значение.

Укажем на главную черту архивов правовых документов ВКЛ. Собственно это уже относится не к архивам, а их информации. Архивная информация была децентрализована. Сведения, содержащиеся в документах, выдаваемых частным лицам, различным группам населения, лишь частично дублировались в архивах центральных и местных властей. Ни великий князь, ни местные власти часто не могли почерпнуть из своих письменных источников информацию о правах подданных и, соответственно, обязанностях по отношению к этим подданным, поскольку эта информация была зафиксирована только в документах, которые были выданы этим подданным. Господарь даже не знал о своих правах, отраженных в данных документах. Например, тот факт, что полоцкий монастырь Святого Николая на Лучне является господарским подаваньем, господарь узнал из записи в Евангелии, хранимом в этом монастыре. «И положили перед[ъ] нами бояре (полоцкие. — А. Г.) евангелъе и в[ъ] евангели записано, што тот[ъ] манастырь (на Лучне. — А. Г.) здавна подаванье нашо г[оспо]д[а]р[ь]ское»¹⁹⁵. Архивная информация часто находилась вне контроля властей. И даже если эту информацию можно было почерпнуть из письменных источников, «отворив» книги Метрики, это делалось редко.

Письменную память представляли документы и книги. Это были фрагменты памяти о заключенных договорах. Указанные фрагменты были разбросаны по разным местам — местам проживания владельцев документов и книг. С целью получения той или иной информации великий князь и местные власти требовали от подданных «положить» лист или привилей. Содержание памяти, представленной документами и книгами, относительно слабо концентрировалось в судебных и административных центрах. В ней власти еще нуждались слабо. Часто им вполне достаточно было устной информации.

¹⁹⁴ Статья, в которой мы приходим к таким выводам, находится в печати.

¹⁹⁵ ЛМ-16. № 216. С. 158 [1496].

Устройство и обустройство архивов отражают определенный этап в процессе институционализации письменности. Даже самые крупные из них, в частности, из числа тех, которые можно отнести к архивам светских учреждений, не походят на современные, имеющие изолированные помещения с их однообразными стеллажами и коробками. Большинство объектов письменной культуры имели собственные наименования: «лист», «книга», «печать», «писарь», «канцелярия» и т. д. Подобного наименования архив не имел. Он никак не назывался. Его название заменяли сборные наименования других объектов: «листы и привилья» и др. Но попав из рук издателей в руки получателя, документ, перемещаясь в соты жизненного пространства владельца, значительно изменял его материальную среду.

Ключевые слова:

архивы, документ, хранение, письменная культура

Alexander I. Hruša

“TO STORE FOREVER”**The Grand Duchy of Lithuania’s archives late XIV —
the first third of the XVI century.**

his article seeks to compile information regarding the various types of archives of the Grand Duchy of Lithuania. The diversity of storing documents, which formed a kind of peculiar appearance of the storage objects is emphasized. This diversity includes not only documents on separate sheets of parchment and paper (originals and copies) but also books, including those from the church. The composition of the original documents of individual archives defined the set of those written contracts agreed upon by the owners of these archives and their predecessors. The legal act served simultaneously as one of the ways to develop funds and to disperse archival «funds». The secular owners of ancient documents were not only magnates and “middle szlachta” but also burghers. One feature of the archives of the Grand Duchy of Lithuania was its decentralization and mobility. The choice of places for the concentration of archival documents was due not only to utilitarian considerations but also to symbolic ones. Storing documents in churches gave legal acts that certified these documents (or part of these documents) as having a religious character. The main composition of the official archives (archives of the local secular authorities) and the secular institutions were archives was the records of primary documents stored in books, released as a result of the judicial activities of the local authorities. Unlike individual and social archives, the archives of secular officials and secular institutions were public archives. However, their status extended not on all stored written materials, only for books of the court. The Grand Duke archives were scattered in different places. It is not entirely analogous to the individual archives. It wasn’t only due to the much bigger quantity, structure and types of materials stored in it; part of the archives of the ruler, which consisted of original documents, had a special status. The Grand Dukes’ archives simultaneously contained the artifacts of individual and public archives, as well as the official or institution archives. Storing documents in the archives of the Grand Duchy of Lithuania was undertaken in the spirit of oral practices. The fact of existence of documents was often not confirmed by means of written records but by memory. In this regard, it was important to make public the existence of and receipt of documents. Archived information in the Grand Duchy of Lithuania was decentralized. The information contained in the documents issued to individuals of different population groups was only partially duplicated in the archives of the central and local authorities.

Груша | Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент, директор Центральной научной
библиотеки имени Я. Коласа НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

А. Дубонис

ДВЕ МОДЕЛИ ЛИТОВСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА РУСИ (XIII — НАЧАЛО XIV ВЕКА)

Овладение Полоцком и Новогрудком

Трагические походы дружин литовской знати, направленные на территорию соседних балтских племен, русских и польских княжеств, были естественной ступенью хозяйственного, социального и политического этапа развития этноса. Этот процесс был связан с углублением неравенства в социально-экономических отношениях, возникновением власти монарха и потребностями дружины, которая была главной его опорой. Такие походы в исторических источниках впервые фиксируются в 1159–1162 гг. в междоусобной борьбе минских и полоцких князей. На протяжении следующего столетия подчинение земель Руси и использование их ресурсов в своих целях стало главным направлением политики литовских монархов.

Возможно, рассматривая Литву как неполноценное государство¹ и считая себя даже более униженными, чем оказавшиеся некогда «под литовским гнетом» их соотечественники, историки Российской империи XIX в. от Н.Г. Устрялова до М.К. Любавского создали и закрепили кон-

¹ Филлошкин А. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 563, 570.

цепцию литовской экспансии на русские земли². Из ее постулатов для нашего исследования важны, по крайней мере, два: во-первых, эквивалентными способами экспансии признавалось не только завоевание, но и мирное присоединение³; во-вторых, завоеватели получили политическую мощь и средства от завоеванных русских, вследствие чего Великое княжество Литовское от самого его создания было полурусским государством⁴. Ввиду обрусения завоевателя, ставшего частью русской нации (продолжавшей традиции Киевской Руси), литовское проникновение, подобно заманиванию стаи голодных волков в западню, было лишь незначительным событием в сравнении с победой русской цивилизации над литовскими племенами.

В.Т. Пашуто применил такое понимание к новой, советской модели истории. Поскольку в Советском Союзе номинально функционировала псевдонезависимая Литовская Советская Социалистическая Республика, Пашуто, под воздействием польской и немецкой историографии, не спешил растворять литовский этнос в русской стихии и видел возможность его независимого социального и политического развития, но дальнейший прогресс и возможность сохранения этнической идентичности видел только в феодальном синтезе со славянами⁵.

Пашуто не акцентировал проблемы завоевания, поскольку Литовскому государству недоставало экономических и политических сил прочно подчинить белорусские и украинские земли⁶. Поэтому о завоевании он говорил, тщательно подбирая синонимы: проведение более активной политики в отношении Полоцка, Новгорода и Смоленска, литовское наступление, постепенное проникновение, распространение влияния на Черную Русь, политика наступления на Русь, захват и удержание Черной Руси, включение земель в состав Литвы⁷; и реже — захват, завоевательные действия⁸, насильственное распространение власти литовских феодалов на белорусские,

² Там же. С. 562–569. См. также: *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса: какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839; *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. М., 1915.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 16–17, 35.

⁵ *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 295–301.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 375, 376, 380, 387, 388.

⁸ Там же. С. 368, 389.

украинские и русские земли⁹. Занятие Литвой территорий Руси происходило с согласия местных феодалов, потому что они пошли на стовор с менее развитыми литовскими феодалами. В его основу был положен принцип договора-*ряда*. Эта добровольная поддержка обеспечила успех расширения литовской власти на Руси¹⁰. Таким образом, военно-принудительные меры для расширения литовской власти на Руси в постулатах Пашуто не были столь важны.

Постсоветская белорусская историография подвергла критике даже такую урезанную модель литовской экспансии, дав ей наименование «савеука-летувіская канцэпцыя»¹¹. Такое белорусское «открытие» изумляет, потому что историография советской Литвы не осмелилась воспользоваться даже редуцированными терминами Пашуто, когда речь заходила о литовских завоеваниях на Руси, употреблялись понятия «овладение», «контроль», «политическое преобладание», «набеги», «присоединение древнерусских земель», «подчинение»¹². Радикальный критик концепции Пашуто А.К. Краўцэвіч утверждал, что исследователи никогда не приводили никаких прямых или косвенных достоверных фактов о том, что литовцы нападали на Новогрудок, Гродно, Волковыск, Минск, Полоцк или на другие города будущей Беларуси, следовательно, не было ни конфронтации, ни завоевания¹³. Краўцэвіч попытался доказать, что ядро Литовского государства сложилось на землях верхнего и среднего течения Немана, где существовала мирная славяно-балтская контактная зона. Здесь в ходе ассимиляции балтов славянами в XIII в. образовалась новая этническая общность — белорусы¹⁴. Балты переняли восточнославянскую политическую организацию и старобелорусский язык, ставший государственным. В то время регион получил название Литва и расширился до Минска и Вильно (Вильнюса). Согласно концепции Краўцэвіча, не может быть и речи о литовском завоевании и экспансии на Русь, поскольку они сами были славянами (белорусами)-лицувинами, и тем самым не могли завоевать сами себя. Не пользуется доверием термин «литовское завоевание» и в белорусской академической историографии. Она отдает предпочтение понятию «экспансия» или дру-

⁹ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин А.В. Указ. соч. С. 301.

¹⁰ Там же. С. 295–296.

¹¹ Краўцэвіч А.К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1998. С. 50, 57, 65, 94.

¹² История Литовской ССР (С древнейших времен до наших дней). Вильнюс, 1978. С. 37, 39, 41, 42.

¹³ Краўцэвіч А.К. Указ. соч. С. 95, 129–130.

¹⁴ Там же. С. 96, 174.

гим тщательно подобранным синонимам¹⁵. Однако термины «экспансия» и «завоевание» (применительно к русским княжествам) вновь вернулись в литовскую историографию¹⁶.

Несколько главенствующих точек зрения из историографий стран, некогда затронутых «литовской экспансией» в Средневековье, свидетельствуют о том, как идеологические и геополитические изменения в XIX—XX вв. воздействовали в научных трудах на развитие понятия о действиях литовских дружин и великих князей на территории Руси. Следует отметить, что белорусская историография особенно быстро «избавилась» от фактографической и источниковедческой стороны вопроса, стремясь найти новые теоретические модели, которые должны были обосновать независимую государственность от России¹⁷. С другой стороны, проведенные за последние десятилетия исследования и публикация новых источников, касающихся этноконфессиональных, геополитических и территориальных изменений в Литве, Ливонии и русских княжествах в XIII в., позволяют расширить старую проблематику новыми идеями, новыми интерпретациями менее использованных фактов и их композициями, структурировать литовское проникновение на Русь в соответствии с типом действия, важностью подчиняемой территории и в хронологическом порядке. Хронологический выбор XIII в. важен не только потому, что в то время началась экспансия, но и по масштабу этой экспансии. Из целого ряда подчиненных в будущем русских территорий Великого княжества Литовского в течение этого периода были присоединены только две: Полоцкое княжество и этнически смешанные земли верхнего Немана с Новогрудком, Городно, Волковыском и Слонимом. При этом успехи Литвы на Руси в XIII в. выглядят скромно в сравнении с триумфом великого князя Гедимина (*Gediminas*) (1316—1341).

Литовская знать не скрывала намерений взять под свой контроль русские земли, и это уже не было устремлением дружины грабителей. В середине XIII в. ранняя власть монарха в лице короля Миндовга (*Mindaugas*) сформулировала их желания в качестве одной из задач внешней политики Литовского королевства, придав ей важный атрибут из арсенала католической Европы — идеологию христианства. В своих грамотах от 17 июля

¹⁵ Гісторыя Беларусі. Т. 2 (Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага). Аўтары: Ю. Бохан, Г. Галенчанка і інш. Мінск, 2008. С. 73 (интеграция с Литвой, переход под власть Миндовга), 78 (экспансия на Русь), 79 (включение в состав ВКЛ), 81 (присоединение берестейщины).

¹⁶ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. Т. 1. С. 77.

¹⁷ Рецензия А. Дубониса на указ. соч. А.К. Краўцэвіча, см.: Lithuanian historical studies. № 4. 1999. С. 151—157; Гістарычны альманах. Т. 5. Гародня, 2001. С. 162—167.

1251 г. и 6 марта 1255 г. папы Иннокентий IV и Александр IV поддержали короля Литвы в его намерении встать в ряд миссионеров католической веры. Одним из объектов литовского миссионерства должны были стать блуждающие на неверном пути жители Русского королевства, а другим — соседние племена и земли язычников. Ради Христа король собирался их победить силой¹⁸. В этой деятельности Миндовг, еще не будучи повелителем христианского королевства, накопил личный опыт: навязал свое политическое влияние северным ятвягам¹⁹, взял под свой контроль земли в верховьях Немана, а также усилил литовское влияние в Полоцке.

Два первых объекта литовской экспансии за пределами своих этнических границ были типологически идентичны — это были две крупнейшие коммерческие магистрали в Восточной и Центральной Европе. Первая проходила по реке Припяти и соединяла черноморскую и гданьскую торговлю при посредстве рек Буга и Вислы²⁰. Другая — это Даугавский (Двинский) водный путь.

С момента появления в Ливонии первых католических миссионеров в 1184 г. Генрих Латвийский в Ливонской хронике писал о грабежах и разбое литовцев на торговом пути по Даугаве, как о традиционном занятии — латыши, ливы и русские якобы убегали, как заяц от охотника, увидев даже небольшой отряд литовцев²¹. Дружины литовской знати по-

¹⁸ Грамота папы Иннокентия IV от 17.07.1251 г. королю Литвы Миндовгу по поводу принятия под опеку престола святого Петра его самого со всей семьей и всех подчиненных ему земель см.: *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae* (далее — VMPL). Т. 1 (1217–1409). Ed. A. Theiner. Romae, 1860. № 102 (С. 49): «... Nos... Regnum Luthawie, ac terras omnes, quas per divine virtutis auxilium iam eripuisti de infidelium manibus, vel eripere poteris in futurum, in ius et proprietatem beati Petri suscipimus...»; Грамота папы Александра IV от 06.03.1255 г. королю Литвы Миндовгу по поводу распространения католической веры на Руси и на соседних территориях язычников, см.: там же. № 123-2 (С. 61): «...Cum itaque, sicut ex parte tua propositum coram nobis, tu contra Regnum Russie ipsiusque habitatores in infidelitas devio constitutos indefessa strenuitate decertans, nonnullas terras ipsius Regni tue subiugaveris dicioni, nos attendentes, quod te terras habente predictas, vicine paganorum et infidelium regiones de facili poterunt tuo dominio subici et acquiri cultui christiano, tuis benigne precibus annuentes, prefatas terras tibi tuisque successoribus, absque catholicorum quorumlibet preiudicio, auctoritate apostolica confirmamus...»

¹⁹ Подробнее см.: *Dubonis A. Yatvingians in the genesis of Lithuanian anti-teutonic orientation // Lithuanian Historical Studies. No 11. 2006. С. 17–32.*

²⁰ *Пришляк В. Середньовічні шляхи Галицько-Волинських земель в епоху Романовичів // Галичина та Волинь у добу Середньовіччя. До 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 222–223.*

²¹ Резюмируется в сюжете от 1209 г., см.: *Henricus de Letis. Chronicon Livonicum vetus // Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 1. Riga, und Leizig, 1853. XIII. 4; Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. XIII. 4 (далее — ГЛ; цитируются абзацы хроники). Некоторые важные фрагменты Хроники и комментарии см.: *Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь (конец XII в. — 1270 г.). Тексты. Перевод. Комментарии. М., 2002. С. 77–192.**

Князь Миндовг.

Гравюра из «Описания европейской Сарматии» А. Гваньини. XVI в.

степенно расширяли свое влияние на племена Даугавского бассейна и на эстонские земли, занимаясь разбоем и собирая дань, которая, предполагается, уже становилась традиционной²². В первые десятилетия XIII в. на берегах Даугавы стремительно росло литовское военное присутствие, здесь оно становилось силой, противостоявшей немецкой католической колонии в Ливонии²³.

Параллельно появились первые признаки утверждения литовской политической власти. Посылаемым литовской знатью дружинам местные жители давали проводников и предоставляли материальное обеспечение при форсировании Даугавы. Совершая походы в Ливонию или возвращаясь оттуда, литовцы отдыхали в замке Селпилса. Герсикский князь Висвалдис (Всеволод), православный латыш, примерно в 1203–1209 гг. взявший в жены дочь знатного литовца Даугеруте (Daugirutis), во время походов на Русь, Ливонию и Эстонию часто командовал их дружинами и заботился о провианте. Родственная связь между Даугеруте и Висвалдисом (Всеволодом) гарантировала последнему военную помощь литовцев, в том числе и против Риги, так как они считали его одним из своих *quasi unus ex eis*.

²² Пауцто В.Т. Указ. соч. С. 369.

²³ Dubonis A. Du šimtai pskoviečių Saulės mūšyje (1236) (Dėl Naugardo I metraščio žinutės) [Двести псковичей в битве при Сауле (1236). (По поводу заметки в Новгородской I летописи.) Резюме. С. 23–24] // Lituanistica. 1990. Nr. 1. С. 13–15.

Ливонские же правители эффективно воспрепятствовали распространению литовского влияния: в 1207 г. был занят Селпилс, а в 1209 г. — Герсик (лат. *Jersika*)²⁴. Тем не менее Висвалдис (Всеволод), даже став вассалом рижского епископа, не прервал связей с литовцами и далее поддерживал с ними дружественные отношения против немцев²⁵.

Аристократия (князья, знать), руководящая литовскими дружинами, еще не была в состоянии извлечь политическую выгоду из благоприятной военно-политической ситуации на Даугаве. В условиях еще продолжавшегося процесса политического объединения Литвы и образования власти монарха самостоятельно действовало несколько литовских дружин, представляющих интересы различных групп знати. Сердца одних клонились к ливонским христианам и христианству, другим были близки Новгород и Полоцк и не нравилась немецкая католическая миссия в Риге, третьих заботила прежде всего военная добыча, которую мог бы предложить щедрый наниматель²⁶.

Более опытным соседям не было чуждо желание манипулировать литовцами. Это особенно хорошо давалось покорителям Ливонии. С 1217 г. немцам пришлось вести тяжелую войну с Новгородом. Новгородская правящая элита местных язычников («латыголу» и эстонцев) считала своими подданными и брала с них традиционную дань. Немцам удалось насыпать литовские дружины на новгородские и псковские волости, притом рижский тыл оставался относительно спокойным²⁷. Немцы воспользовались старой враждой между Литвой и Новгородом: в 1183–1236 гг. источники отмечают более десятка набегов литовских дружин на Новгородскую землю. В то время новгородцы часто были не в силах отразить нападения литовцев, а с конца XII в. даже прекратили походы на Литву²⁸. Крайняя дата 1236 г. указана не случайно, поскольку в сентябре этого года отряд в 200 псковичей с новгородцами пошел на Литву в рядах войск ордена меченосцев и западноевропейских паломников, но был разгромлен при Сауле (Шяуляй).

²⁴ Там же. С. 14; *Dubonis A. Naugardas prieš Lietuvą: Saulės mūšio (1236 m.) epizodo liudijimas apie politinių santykių permainas tarp lietuvių ir jų šiaurės rytų kaimynų [Novgorod against Lithuania: the battle of Saulė (1236) as an indicator of political changes in relationships between Lithuanians and their North-East neighbours. Summary. С. 10–11] // Lituanistica. 2009. Nr. 1–2. С. 3; Аунс М. Политическая структура древней Латгалии XII — начала XIII в. // Известия АН Латвийской ССР. 1982. № 9. С. 56.*

²⁵ Гл. XIII.4, XVIII.9: призывает литовцев на помощь в 1215 г.

²⁶ *Dubonis A. Naugardas prieš Lietuvą. С. 4.*

²⁷ *Dubonis A. Du šimtai pskoviečių. С. 15–16.*

²⁸ Там же. С. 13.

Полоцк.
Гравюра XVI в.

Русские ходили в качестве союзников Ливонии — в первую очередь ордена меченосцев²⁹ — с 1224 г., когда заключили мирное соглашение с Ригой. Оно возобновилось после короткой войны в 1233–1234 гг. Это сближение Новгорода и Риги, длившееся с перерывом около 15 лет³⁰, представляло угрозу для Литвы.

После битвы при Сауле литовские дружины на несколько лет оставили в покое Новгород и Ливонию; последнюю — на более длительное время. Три новых литовских похода были направлены на Смоленскую (1239 г.³¹) и Новгородскую (1240, 1245 г.³²) Русь, на перекрестки старых торговых маршрутов Восточной Европы, меньше пострадавшие от монголо-татарского нашествия (1238–1240 гг.). Направления этих походов шли через Полоцкую и Витебскую земли. Эти земли, принадлежащие к Даугавско-Днепровскому торговому пути, в то время находились под

²⁹ Selart A. Confessional Conflict and Political Co-operation: Livonia and Russia in the Thirteenth Century // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500*. Alan V. Murray [Publ.], Aldershot, 2001. С. 159–161.

³⁰ Кучкин В.А. Борьба Александра Невского против Тевтонского ордена // *Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто*. М., 1999. С. 130–131; *Dubonis A. Naugardas prieš Lietuvą*. С. 5–7.

³¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 15 (вып. 1): Рогожский летописец. М., 1965. Стб. 29, 33.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.–Л., 1950. С. 78–79.

пристальным взглядом смоленских князей, семьи владими́ро-суздальского великого князя и киевского великого князя Ярослава Всеволодовича³³. Тем не менее литовские дружины уже не выпускали из рук этого направления, и в течение нескольких десятилетий Полоцк оказался во власти Литвы³⁴. Враждебные отношения Ярослава и его сыновей к литовцам можно описать словами из Жития князя Александра Невского о том, как князь побеждал литовцев: «...и начаша оттоле блюсти имени его»³⁵.

В 50-е гг. XIII в. по мере укрепления Миндовгом своей власти как «самодержца» в Литве его враждебность к Ярославичам углублялась. В 1248 г. в битве с литовцами погиб один из сыновей уже покойного Ярослава, московский князь Михаил. Вскоре суздальский князь Ярослав, брат покойного и будущего святого Александра Невского, разгромил литовцев у Зубцова³⁶. Разбитое войско было послано Миндовгом; во главе его стояли дядя Миндовга, жемайтский князь Викинт (Vykintas), и два племянника — Товтивил (Tautvilas) и Эдивид ((G)edvydas). Это была крупная военная кампания, которая затронула не только Суздальскую, но, согласно Галицко-Волынской летописи³⁷, и Смоленскую землю. Между тем Миндовг овладел вотчинами племянников и сосредоточил в своих руках всю власть в Литве. Победенные в 1249 г. с просьбой о помощи бежали в Галицко-Волынское княжество к шурину Товтивила и Эдивида, князю Даниилу. Против Миндовга Даниил собрал коалицию, состоящую из русских, половецких, жемайтских, ятвяжских, ливон-

³³ По поводу смоленского влияния на Полоцк см.: Кучкин В.А. О древнейших Смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 106; Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 233—234; Кузьмин А.В. Торопецкая знать в XIII веке. Из истории Смоленской земли // *Russia Mediaevalis*. Т. X, 1. [2001]. С. 60—62. Александр Невский взял в жены дочь полоцкого князя Брючислава, см.: НПА. С. 77; в 1245 г. преследовал литовскую рать до Витебска, см.: там же. С. 79. Вторая жена Александра Невского — витебская княжна, см.: *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201—1264). Biografia polityczna*. Kraków, 2012. С. 330.

³⁴ Часть исследователей все еще придерживается мнения, что литовский князь Товтивил правил в Полоцке уже в 1239—1245 гг., см.: *Paszkievicz H. Jagiellonowie a Moskwa*. Т. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933. С. 62—64; *Сагановіч Г.* Інфлянцкія немцы ў Полацку ў сярэдзіне XIII і пачатку XIV ст. // *Беларускі гістарычны агляд*. Т. 7. Сшытак 1(12). Менск, 2000. С. 99—102. Их аргументы малоубедительны, см.: *Паушто В.Т.* Указ. соч. С. 51, 376; *Gudavičius E. Mindaugas*. Vilnius, 1998. С. 203, 212.

³⁵ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 434.

³⁶ ПСРА. Т. 1: Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. С. 201.

³⁷ Галицко-Волынський літопис. Дослідження. Текст. Коментар (далее — ГВА). Київ, 2002. С. 112, 268—269; *Gudavičius E.* Указ. соч. С. 212—213.

Князь Ярослав
Всеволодович.
Фреска церкви
Спаса на Нередице.
Около 1246 г.

ских и от части владими́ро-суздальских³⁸ сил. В Литве началась война за власть³⁹.

Главным конкурентом Миндовга стал Товтивил, впервые в исторических источниках упоминаемый как неприятель владими́ро-суздальских Яро-славичей на Даугавско-Днепровской торговой магистрали в 1248 г. Имея поддержку Ливонии и Даниила Галицкого, Товтивил в борьбе с Миндовгом пошел на неординарные решения: в 1250 г. крестился в Риге. В итоге в том же году по Литве и Жемайтии ударили войска магистра Ливонского ордена Андреаса фон Вальвена⁴⁰. Радикальные решения предпринял и Миндовг: заключил мир с орденом, крестился в 1251 г., а в 1253 г. папа римский поднял Литву до ранга королевства. Однако, несмотря на то, что Товтивил проиграл войну Миндовгу, Даниил Галицкий продолжал оказывать помощь шурина. При заключении мира в 1254 г. между Миндовгом и Даниилом о Товтивиле

³⁸ Это может быть увязано с женитьбой Андрея Ярославича на дочери Даниила Галицкого примерно в 1250–1251 гг. Предполагается, что тесть и зять свой союз могли направить и против брата Андрея Александра Невского, и против татар, не исключено, и против Литвы, см.: *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 309, 312–314.

³⁹ *Gudavičius E.* Указ. соч. С. 213–214; *Гудавичюс Э.* История. С. 51–54; *Дубоніс А.* Каралеўства Міндовга // *Arche.* Пачатак. №. 9. 2009. С. 12.

⁴⁰ *Gudavičius E.* Указ. соч. С. 214–219.

не упоминалось (об этом договоре см. ниже), но в 1262 г. Товтивил сидел в Полоцке как «Полотъскыи князь Товтивиль»⁴¹. Высказывается мнение, что этот договор дал ему возможность вернуться в Литву и занять полоцкий стол⁴². С другой стороны, 1262 г. уже открывал этап мирных отношений Литвы с Новгородом, которые были направлены против Ливонии⁴³. До этой даты о литовском правителе Полоцка можно говорить только как о предположении. Историки согласны в том, что набеги литовцев и полочан на Смоленскую (Воищина) и Новгородскую (Торжок) земли в 1258 г. были организованы полоцким князем Товтивилом⁴⁴. А в нападении на Новгородскую землю в 1253 г.⁴⁵ он не принимал участия, так как летом того года совместно с галицко-волынским князем Даниилом участвовал в походе на Чехию, оказывая помощь венгерскому королю⁴⁶. Литовскую рать на Новгород в 1253 г. мог направить только Миндовг. Его набег на Русь можно увязывать с одновременным нападением Ливонии на Псков в том же 1253 г.⁴⁷ Синхронизация ударов Литвы и Ордена указывает на то, что во второй половине 1250 г. подписанный договор между литовским королем и магистром Ливонии о мире оставался в силе⁴⁸. Приходим к выводу, что пока Миндовг и Даниил не помирились в 1254 г., Товтивил не стал полоцким князем.

И все-таки есть источники, которые позволяют понять, как Товтивил получил княжение в Полоцке. Обратим внимание на цитированное ранее разрешение папы римского от 6 марта 1255 г., согласно которому королю Миндовгу было разрешено взять под свою власть часть земель Русского королевства. В современных документах папской курии одно такое уже существовало — Галицко-Волынское. Им правил «rex Russie (Ruscie), primus rex Ruthenorum» Даниил⁴⁹. С Даниилом Миндовг жил в мире, поэтому понтифик не мог благословить литовскую экспансию в этом направлении. Другим «русским королевством», оказавшимся в центре внимания Миндовга,

⁴¹ НПА. С. 83.

⁴² Пауцто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 281; *Gudavičius* Е. Указ. соч. С. 242.

⁴³ *Dubonis* А. *Naugardas prieš Lietuvą*. С. 8.

⁴⁴ НПА. С. 82; Пауцто В.Т. Указ. соч. С. 381.

⁴⁵ НПА. С. 80.

⁴⁶ ГВА. С. 114, 276; *Dąbrowski* D. Указ. соч. С. 336–339.

⁴⁷ НПА. С. 80.

⁴⁸ *Gudavičius* Е. Указ. соч. С. 221–222; *Гудавичюс* Э. История Литвы. С. 52–53.

⁴⁹ Матузова В.И., Назарова Е.А. Указ. соч. С. 356–361, 366. В посланиях папы римского Александр Невский в 1248 г. титулуется как «dux Susdaliensis» и «rex Novgardiae», см.: там же. С. 262, 268. Для сравнения о титуле короля Руси Даниила: *Dąbrowski* D. Указ. соч. С. 360–363.

могло быть лишь Полоцкое княжество. Этот термин использовала канцелярия рижского архиепископа и Ливонского ордена, им же воспользовалась канцелярия папы римского — например, в подтвердительной грамоте понтифика от 20 августа 1264 г. о подчинении орденом Латгалии, которую полоцкий князь Константин («rex Ruthenorum») с братьями подарил в своем королевстве «in suo regno Rusciae»⁵⁰.

Наряду с этим термином в структуре провинции Ливонской церкви уже до 31 марта 1255 г. существовало суффраганное Русское епископство Рижской епархии, которое относилось к Полоцку⁵¹. В Рижской церкви в начале XIV в. существовало мнение, что католическое епископство в Полоцке появилось во времена Товтивила⁵². Попытки Риги основать подконтрольное ей русское католическое епископство связаны с борьбой архиепископа и магистра из-за территориального расширения за счет Латгалии. Орден от претензий Церкви на эти земли успешно защищался, опираясь на вышеупомянутый дар полоцкого князя Константина⁵³. Именно эти права на собственность ордена в Латгалии запрещал нарушать Миндовгу («absque catholicorum quorumlibet preiudicio»)⁵⁴ папа римский в марте 1255 г., давая ему разрешение на расширение власти Литовского королевства на Руси.

Также существовали и права рижского архиепископа на Русское епископство, которые вместе со всей Рижской церковью под свою опеку обязался взять понтифик, примерно спустя три недели после выдачи королю Миндовгу разрешения расширять его королевство за счет Руси⁵⁵. Как видим, в борьбе за Полоцк в 1255 г. столкнулись три политические силы региона. Король Миндовг действовал заодно с магистром Ливонского ордена. Он уступил ордену южную Селонию, третью часть которой орден только после продолжавшихся почти год споров передал архиепископу в 1256 г.⁵⁶ На стороне Миндовга и магистра должен был быть князь Константин

⁵⁰ Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Bd. 1 (1093–1300). Hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1853. № 380 (Стб. 484–485); Русско-Ливонские акты [далее — РЛА]. Собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 13 (№ 25а); Сэларт А. Полацкі князь Канстанцін і гісторыя Інфлянцтаў у трэцяй чвэрці XIII ст. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 11. Менск, 2004. С. 15.

⁵¹ Папа римский берет под свою опеку рижского архиепископа с его ливонскими епископствами (31.03.1255 г.), см.: VMPL. № 124 (С. 61–62); Сэларт А. Указ. соч. С. 12–14.

⁵² Там же. С. 11, 19.

⁵³ Там же. С. 16–19.

⁵⁴ VMPL. № 123-2 (С. 61).

⁵⁵ См. ссылку № 51.

⁵⁶ LUB. Bd.1. № 286–287 (Стб. 371–373) (дар Миндовгом Селонии ордену); № 288 (Стб. 373–374) (раздел Селонии между рижским архиепископом и орденом).

(представитель местной княжеской династии или происходивший из смоленских князей⁵⁷, но княживший в Полоцке до Товтивила), подаривший Латгалию последнему⁵⁸.

В такой запутанной политической ситуации Полоцкий стол и занял Товтивил. В данном случае важна не дата его появления в Полоцке, но комплекс политических сложившихся обстоятельств, открывший ему путь на княжение. В 1255 г. успешно функционировал военно-политический союз Миндовга с Ливонским орденом: орден устоял перед территориальными претензиями рижского архиепископа, Миндовг принялся овладевать Русским королевством. Товтивил, как полоцкий князь, устраивал всех. Христианин-католик, он всего несколько лет тому назад был другом и соратником ливонских правителей во время войны против Миндовга, пользовался уважением в Рижской церкви. В то же время он примирился со своим дядей — королем Миндовгом⁵⁹, пусть и наверняка не вернув своей вотчины в Литве. В то время влияние на Полоцк дома рассорившихся владими́ро-суздальских Ярославичей не прослеживается.

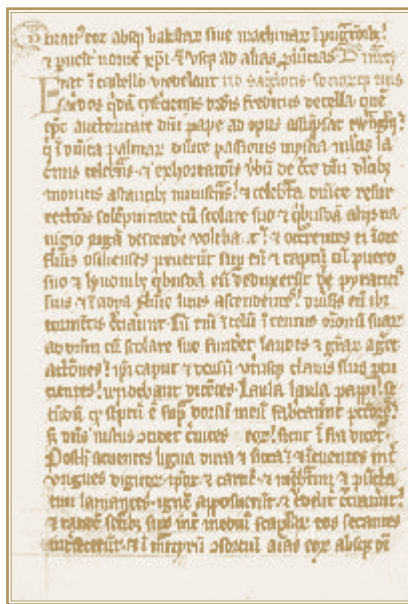
Политические сделки и манипуляции предоставили возможность литовской знати, баронам короля Миндовга, посадить своего князя в стратегически важном военном и торговом центре у Даугавы. Присоединение Полоцка к Литовскому государству началось относительно мирно, но затянулось на несколько десятилетий. Отношения местных элит с литовской властью, сначала католиками, а потом язычниками, проходили через этап кондоминиума, позволявшего Полоцкой земле лавировать между Литвой и Ливонией, наряду с ослабевающим влиянием владимирских и смоленских князей.

В пользу данной модели правления Полоцком свидетельствуют и последующие события. Товтивил, став вместе с Тренятой (Treniota) участником рокового для короля Миндовга заговора, должен был погибнуть от руки первого в промежутке между осенью 1263 г. (убийство Миндовга) и 1 мар-

⁵⁷ Сэларт А. Указ. соч. С. 19.

⁵⁸ Личность Константина и годы его правления в Полоцке полностью не установлены. Историографию мнений кратко см.: Сэларт А. Указ. соч. С. 3–4. Сэларт уверен, что Константин владел Полоцком с Герденем после гибели Товтивила в 1263 г., см.: там же. С. 19–20. Константин правил в Полоцке до вокняжения Товтивила: Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй пол. XIII — нач. XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 37–38. С другой стороны, он приводит ошибочные аргументы, опираясь на буллу папы Иннокентия IV от 23.05.1254 г., в которой нет информации ни о каком-либо даре Константина.

⁵⁹ Помогал Миндовгу зимой 1258/59 г. отразить вторгнувшиеся в Литву войска темника Бурундая, см.: Дубоніс А. Каралеўства Міндовга. С. 17.

Страница
манускрипта
«Хроники Ливонии».
XIII в.

та 1264 г.⁶⁰, не исключена и дата до Рождества 1263 г., ибо в то время Полоцком правил новый литовский князь Гердень (Girdenis)⁶¹. На Полоцком столе его посадил («Литва посадиша свои князь в Полотьскѣ»⁶²) либо Тренята, либо Войшелк (Vaišelga) Мидовгович. Вместе с Гердедем в Полоцке княжил некий Изяслав, считавший Войшелка своим сюзереном и от себя пообещав то же, о чем Гердень договаривался с Ливонией, — свободную торговлю на Даугаве⁶³. Изяслав в своих обещаниях не касался проблемы дара Константина Ливонскому ордену и других вопросов, связанных с политическими отношениями, которые выражены в документе Герденя.

После гибели Герденя от руки псковского князя Довмонта (Daumantas) в мае—июне 1267 г.⁶⁴ правление Полоцком стало меняться. О восстано-

⁶⁰ Миндовг убит осенью, см.: ГВА. С. 126. Об убийстве Товтивила рассказ идет в статье под датой 6771 мартовского года, см.: НПЛ. С. 83—84; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 271—272.

⁶¹ Договор полоцкого князя Герденя о мире и торговле с Ливонским орденом датируется 28 декабря 1264 г., но считается, что 1263 г. более правильная дата, см.: РЛА. С. 11—13 (№ 25а); по поводу даты см.: *Хорошкевич А.Л.* Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Т. 1. С. 85.

⁶² НПЛ. С. 84.

⁶³ РЛА. С. 11—13 (№ 25б). А.В. Кузьмин ошибается в датировании правления Изяслава после Герденя, см.: *Кузьмин А.В.* Опыт комментария. С. 38. Войшелк отошел от власти в Литве в 1267 г., в том году и погиб. Стало быть, Изяслав не мог быть «в воли Молшелгове» после гибели Герденя в мае—июне 1267 г.

⁶⁴ О роковом для Герденя походе Довмонта известие дается после пожара в Новгороде 23 мая 6775 г. (т. е. в 1267 г.), см.: НПЛ. С. 85. О гибели Герденя см.: ПСРА. Т. 4. Ч. 2. Пг., 1917. С. 224—225.

лении некогда потерянного влияния размышляли в Новгороде. В конце 1267-го — начале 1268 г. князь Юрий Андреевич вместе с новгородцами обсуждали возможность похода на Литву и на Полоцк, но место этого в январе повернули против датского короля — на Раквере в Северной Эстонии⁶⁵. Похоже на то, что в Полоцке возросло влияние князя из числа местной (возможно — смоленской) династии. В семидесятые годы XIII в. упоминается полоцкий князь Константин (Безрукий)⁶⁶, которому адресованы поучения владыки полоцкого Симеона⁶⁷.

Хотя литовские князья в Полоцк вернутся только в период правления Гедимины (1316–1341), но влияние литовского правителя на княжество сохранялось. Тройдень (Traidenis) (1268–1282) в начале своего правления вместе с полочанами и, возможно, витебчанами смог блокировать торговлю по Даугаве в таких масштабах, что весной 1270 г. этот торговый путь для немецких купцов Рига закрыла. Продвижение купцов по нему должно было возобновиться только после того, когда русские компенсируют ливонцам причиненный убыток⁶⁸. Остается лишь догадываться, не растущий ли суверенитет литовского правителя заставил полоцкого владыку Симеона перебраться в Тверь, ближе к благосклонной к нему семье покойного великого князя Ярослава Ярославича⁶⁹, что может свидетельствовать об интересах дома владими́ро-суздальских Ярославичей в Полоцке.

Литовская власть в Полоцке ослабла в 1274–1277 гг., когда Ливонский орден отвоевал Даугавпилс (Динабург) у Тройденя. Полочане заключили мир с Ливонией, но около 1278 г. Тройдень заставил их арестовать немецких купцов, а их товары и имущество передать ему в Литву⁷⁰. Литовское влияние на Полоцк и даже своего рода зависимость прослеживаются в

⁶⁵ НПА. С. 85–86. Поход в источниках Ливонии датируется январем — февралем 1268 г., см.: Hermann de Wartberge, *Chronicon Livoniae // Scriptores rerum prussicarum*. Bd. 2. Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. С. 46.

⁶⁶ В новейшем исследовании предполагается, что под одним именем Константина одновременно жили два князя: Полоцкий и витебский (последний носил прозвище Безрукого), см.: Кузьмин А.В. Опыт комментария. С. 40.

⁶⁷ В 1273 г. еще епископ полоцкий, см.: там же. С. 40 (ссылка № 46); в 1274 г. — Тверской, см.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Половина 2. М., 1911. С. 28.

⁶⁸ LUB. Bd. 1. № 418 (Стб. 531); Dubonis A. Traidenis. Monarcho valdžios atkūrimas Lietuvoje (1268–1282) [Трайдянис. Восстановление власти монарха в Литве (1268–1282)]. Резюме. С. 233–241]. Vilnius, 2009. С. 95–96.

⁶⁹ Кузьмин А.В. Опыт комментария. С. 40.

⁷⁰ Dubonis A. Traidenis. С. 99–100, 131–132.

Князь Довмонт присягает Пскову. Гравюра Б.А. Чорикова. XIX в.

80-е гг. XIII в.⁷¹ Об этом влиянии говорит и тот факт, что в торговле Полоцка и Витебска в конце XIII в. закрепился литовский серебряный слиток — «изрой», вытеснивший смоленскую гривну⁷².

На рубеже XIII—XIV вв. политическая ситуация в Полоцке достигла максимального напряжения, чем воспользовался великий князь Литовский. Старые конфликты рижского архиепископа и рижан, с одной стороны, и Ливонского ордена — с другой, в конце XIII в. переросли в войну, ибо орден попытался ограничить их торговые отношения с язычниками. Товары через Ригу на Запад — воск, шкуры и дорогие меха — в увеличивающихся количествах поставляли литовский монарх, его бояре и подконтрольные им земли Руси⁷³.

⁷¹ *Paszkievicz H. Jagiellonowie a Moskwa*. Т. 1. С. 147. Направления литовских походов на Тверь в 1285 г. (см.: ПСРА. Т. 18: Симеоновская летопись. С.Пб., 1913. С. 81) и в Новгородские земли 1285—1286 гг. (см.: НПА. С. 326) шли исключительно через Полоцкую и Витебскую земли.

⁷² В Полоцко-Витебском Подвинье стал функционировать серебряный слиток изрой, идентичный литовским серебряным слиткам, см.: *Бектинев Ш.И.* Полоцко-Витебская денежно-весовая система XIII—XIV вв. // *Lietuvos archeologija*. Т. 18. Vilnius, 1999. С. 154—155; *Бектинев Ш.И.* Смоленские грамоты и денежное обращение на территории современной Беларуси в XII—XIV вв. // *Памяць стагоддзяў на карце Айчыны*. Мінск, 2007. С. 347—348, 352.

⁷³ *Пауцто В.Т.* Указ. соч. С. 420; *Rowell S.C.* Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe 1295—1345. Cambridge, 1994. С. 57—58; *Гудавичюс Э.* Указ. соч. С. 80.

В конфликт вмешался великий князь Литовский Витень (Vytenis) (1295–1315). Он ограничил политические связи Полоцка с Ливонией. Они ценились обеими ветвями Немецкого ордена, в Пруссии и Ливонии, вместе с памятью о щедром полоцком князе Константине⁷⁴. Витень заключил военно-политический союз с рижским архиепископом и горожанами. Архиепископ Фридрих и рижане в ходе конфликта изображали братьев ордена не как распространителей и защитников веры, но как ее разрушителей и гонителей христиан. Фридрих в письме папе от 14 сентября 1305 г. обвинял орден в обидах, причиненных Ливонской церкви, и в том, что орден сдал язычникам (литовцам) Полоцк, принадлежавший Рижской епархии: «<...> dicti fratres <...> castrum nomine Plozk, quod est in paganorum frontariam consistutum, pertinens ad archiepiscopum, infidelibus dimiserunt»⁷⁵.

Орден оказался в незавидном положении. В 1311–1312 гг. было проведено расследование предъявленных ему обвинений⁷⁶, и он подвергся отлучению, которое, впрочем, скоро было снято⁷⁷. Расследование проводил посланный в Ригу личный папский капеллан Франциск из Молиано⁷⁸. В вопросе, касающемся Полоцка, свидетели духовного сана рисовали идиллическую картину о бездетном полоцком князе, который, приняв католичество, свою землю даровал Рижской церкви. Однако враждебная деятельность Ливонского ордена, направленная против архиепископа и неофитов, привела к краху христианства в Полоцке. Полочане, не выдержав гонений братьев, призвали на помощь литовцев, которые выгнали или извели христиан, т. е. католиков. Само собой разумеется, прокуратор ордена на опросах опровергал эти утверждения тем, что расширения католицизма в таких масштабах не могло быть, поскольку жители Полоцка всегда оставались православными.

Материалы опроса свидетелей, собранные Франциском из Молиано, интересны и ценны, но в контексте данного исследования их достоверность

⁷⁴ Константин — благодетель Немецкого ордена в его Статутах XIV в., см.: Сэларт А. Указ. соч. С. 16–17.

⁷⁵ LUB. Bd. 2. Hrsq. von F. G. Bunge. Reval, 1855. № 616 (Стб. 27).

⁷⁶ Папа Климент V от 19.06.1310 г. предоставляет полномочия архиепископу Бременскому Иоанну и канонику Равеннскому Альберту из Милана на проведение расследования жалоб по поводу произвольных деяний Немецкого ордена и нанесенных им обид христианам Ливонии, см.: LUB. Bd. 2. № 630 (Стб. 50).

⁷⁷ Mažeika R.J., Rowell S.C. Zelatores Maximi: Pope John XXII, Archbishop Frederick of Riga and the Baltic Mission 1305–1340 // Archivum Historiae Pontificiae. No 31. 1993. С. 51.

⁷⁸ Das Zeugenverhör des Franciscus de Moliano (1312). Bearb. von A. Seraphim. Königsberg, 1912. С. 27, 57, 169. Сэларт А. Указ. соч. С. 16–17; Варонін В. А. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2009. С. 33–34.

вызывает сомнения. Например, обиды ордена, нанесенные молодой католической церкви Полоцка, и ее крах охарактеризованы почти теми же словами, как и обиды, причиненные королевству Миндовга. Такую формулировку находим и в устах окружения рижского архиепископа еще до начала расследования в 1311–1312 гг.⁷⁹ Информация о впечатляющем развитии католицизма в Полоцке в более глубоком осмыслении трактуется как ненадежная⁸⁰.

С другой стороны, в информации находят место и некоторые достоверные факты. В ней можно усмотреть лавирование Полоцка между Ригой, орденом и Литвой; возможно, в Полоцке в начале XIV в. правил некий князь из русской династии, более симпатизирующий Ливонии, нежели Литве⁸¹. Сомнений не вызывает и факт взятия язычниками литовцами Полоцка под свой контроль. С точки зрения интересов экспансии Литвы, более удобного времени могло и не быть, чем то, при котором орден был ослаблен борьбой с рижанами. Стало быть жалоба архиепископа папе римскому в 1305 г. по поводу нанесенных орденом обид является единственной надежной датой, подтверждающей овладение Полоцка Витенем⁸². Начавшийся процесс закрепления власти Вильны в Полоцке был мягким. Он выделялся отчетливым признаком кондоминиума между литовским монархом и местным духовным авторитетом: в 1309 г., договариваясь о торговле зерном в Полоцке с рижскими церковными иерархами и горожанами, местный епископ Яков именовал Витеня своим сыном: «<..> от Якова, епискупа полотьского, бровстови, намѣстнику пискуплю, и дѣтемъ моимъ ратманом <..> съ сыномъ моимъ с Витенемъ <..>»⁸³. Спустя десятилетие Гедимин в своих по-

⁷⁹ См.: *Das Zeugenverhör*. С. 44, 62, 98. Ср.: фрагмент жалобы из обвинений рижского архиепископа, посланных папе римскому в 1299 г., см.: *LUB*. Bd. 1. № 584 (Стб. 738): «quod rex Lettowie, qui cum toto regno suo ad fidem conversus fuerat, ac praelatos et clericos, sicut alii principes christiani, in regno suo habebat, propter duritias eorundem fratrum exorbitavit a fide cum toto populo dicti regni ita, quod non sunt ibidem praelati, clerici aut religiosi, et ad huc in huiusmodi exorbitatione persistunt».

⁸⁰ В реальности событий сомневаются: *Paszkiewicz H.* Указ. соч. С. 160 (ссылка № 7); *Саганович Г.* Указ. соч. С. 105; *Сэларт А.* Указ. соч. С. 11–12, 24. Отчасти фактам доверяет: *Варонін В. А.* Указ. соч. С. 35–37.

⁸¹ В.А. Воронин указывает на Суреле (Свееле) «*Surele (Sweele)*», посланного великим князем Владимирским и Новгородским Андреем в 1293 г. на переговоры в Ливонию, см.: там же. С. 38–40. Догадка автора ошибочна: «*Surele (Sweele)*» — это Кирил (Кюрил), см.: *Rowell S.C.* *Between Lithuania and Rus': Dovmont-Timofey of Pskov, his life and cult* // *Oxford Slavonic papers (New Series)*. Vol. 25, 1992. С. 15.

⁸² Дата 1307 г. занятия Полоцка Литвою — источниковедческое недоразумение, созданное Мацеєм Стрыйковским в XVI в., см.: *Варонін В. А.* Указ. соч. С. 35.

⁸³ *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans = Gedimino laiškai*. Parengė S. C. Rowell. Vilnius, [2003]. С. 18.

сланиях (1323 г.) и в договоре с Ливонией (2 октября 1323 г.) уже рассматривал Полоцк как неотъемлемую часть Великого княжества Литовского и видел значение города в роли врат литовской торговли с Ганзой, Псковом и Новгородом⁸⁴. В 1326 г. княжество полностью оказалось под властью Вильны, где стал княжить Войни (Vainius), «брат Гѣдиминвъ князя литовьского Войни полотскыи князь»⁸⁵.

Полоцк относительно мирно, без кровавых войн оказался в подчинении Литвы, но даже мирная экспансия проводилась с использованием силы, а не добровольно⁸⁶. Вынужденные обстоятельствами, полочане вместо Ливонии или Новгорода, владими́ро-суздальских князей выбрали язычников литовцев. Политический тыл Полоцка, будь он на Руси, будь в Ливонии, оказался слишком слаб, чтобы оказать своевременную помощь полочанам в сдерживании натиска политических и коммерческих амбиций литовской монархии.

В другом древнерусском городе Новогрудке великий князь Витень уже вел себя как хозяин: построил там католический костел и просил у прибывшего в Ригу папского легата Франциска из Молиано (1312 г.) прислать двух братьев францисканцев для службы в нем⁸⁷. Принадлежность этой территории литовскому монарху ни у кого не вызывала сомнений. В 1314 г. рыцари ордена ходили на Новогрудок, в их понимании расположенный на земле Кривичей «in terra Crivicie», и нанесли там Литве болезненные удары, католический костел тоже был сожжен⁸⁸. Присоединение к Литве Новогрудка и других к нему относимых русско-ятвяжских земель верхнего Немана, как и в случае Полоцка, затянулось на несколько десятилетий, но тут литовскую экспансию сопровождали кровопролитные войны и переделы территории.

Походы литовских дружин на южную, юго-восточную и юго-западную Русь в начале XIII в., где простирались земли Галицко-Волынского княжества, не были частыми. От Литвы Волынь отделяли болотистые и лесистые земли верхней Припяти и ее притоков, где лежало Турово-Пинское княжество, а на северо-запад от него простирались ятвяжские земли, а далее на

⁸⁴ Там же. С. 60, 72–75.

⁸⁵ НПА. С. 98.

⁸⁶ *Norkus Z. Ar Lietuvos Didžioji Kunigaikštija buvo imperija [Was the Grand Duchy of Lithuania an Empire? Summary. P. 424] // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir paveldo «dalybos» [Традиция Великого княжества Литовского и «раздел» наследия]. Vilnius, 2008. С. 239, 245–246.*

⁸⁷ *Chartularium Lithuaniae. С. 38–39.*

⁸⁸ *Petri de Dusburg Cronica terre Prussie // SRP. Bd. 1. Hrsg. von Th. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. § 322 (315); Rowell S.C. Lithuania ascending. С. 196.*

Князь Витень.
Портрет начала XVIII в.

западе волынские. Ятвяжские поселения на юге и города на севере Волыни разделяли стокилометровые болотистые пуши⁸⁹. На территориях этих древнерусских княжеств переплетались важные торговые пути, которые были частью огромной торговой днепровско-вислинской магистрали, соединявшей черноморскую и балтийскую торговлю. Периферийная ветвь этого пути шла по Неману⁹⁰. На берегах южных притоков верхнего Немана и на нем самом в XI–XII вв. выросло несколько древнерусских ремесленных, торговых и военных городов: Новогрудок, Городно, Слоним и Волковыск. Согласно исследованиям Ф.Д. Гуревич, Новогрудок буквально «тонул» в море искусных ремесленных изделий и импортных товаров из мастерских Византии, Сирии, Египта, Северного Причерноморья, Ирана, Силезии, Рейнского бассейна, Средней и Северной Европы и из земель балтов⁹¹. В городе селились богатые ремесленники и купцы, окна домов у некоторых из них были застекленные, а внутренние стены жилья украшали фрески⁹².

⁸⁹ Кучинко М. Проблема етноплемінних і адміністративних меж Волинської землі кінця X — середини XIV ст. // Галичина та Волинь. С. 191–192, 196–197.

⁹⁰ Пришляк В. Середньовічні шляхи Галицько-Волинських земель в епоху Романовичів // Там же. С. 222–223.

⁹¹ Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Посад — околный город. Л., 1981. С. 10–11, 113, 150–154.

⁹² Там же. С. 10–11, 121, 123.

В посаде обнаружен жилой квартал, где жили высококвалифицированные златокузнецы и ювелиры⁹³. Удачно выбранное место принесло киевскому форпосту на литовско-ятвяжско-древнерусском порубежье процветание, на что указывают торговые, производственные и конфессиональные связи Новогрудка с Киевским княжеством⁹⁴.

Дружины литовской знати в данный регион стали ходить позднее, чем в земли Даугавской (Двинской) торговой магистрали и Новгорода. Более интенсивное проникновение началось в первой трети XIII в. Лидирующей в этом процессе землей стала собственно Литовская земля между реками Нярис (Виляя) и Нямунас (Неманом). Хотя земли литовских племен не охватывали верхнюю часть Немана, реально Литовская земля стала прямым соседом Городно и Новогрудка.

Литовскому проникновению глубже на юг от указанных городов могли содействовать ятвяги, которые со времен киевского великого князя Владимира I Святославича находились в противостоянии с русскими княжествами: Волынью, Пинском⁹⁵. Именно с ятвягами литовцы провели первый набег на Владимир Волынский в 1210 г.⁹⁶ С другой стороны, объединенные военные литовско-ятвяжские предприятия сворачивались. Интересам литовской знати стал отвечать новый партнер — волынский князь Даниил Романович, ставивший себе цель собрать под свою власть все галицко-волинские владения.

Литовско-волинское партнерство было укреплено договором 1219 г., которому с литовской стороны присягу дала пара десятков литовских князей, представители из большинства литовских земель, с Живинбудом (*Živinbudas*) на челе, а с волынской — Даниил и его мать⁹⁷. После этого Литва обрушилась на земли краковского князя Лешка Белого и владения черниговских князей — соперников Даниила. Действия литовских дружин для дома галицко-волинских Романовичей стали важным инструментом в

⁹³ Там же. С. 130–132, 136.

⁹⁴ Из Киевской и других южнорусских земель приходил основной поток импортных изделий, предметов культа и письменных принадлежностей (бронзовых писал), см.: там же. С. 154.

⁹⁵ Нариси з історії дипломатії України/ Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2001. С. 69.

⁹⁶ Совместный литовско-ятвяжский поход проведен в 1210 г., см.: ГВЛ. С. 78–79: «...литва же и ятвязе воеваху, и повоеваша же Турискъ и около Комова оли и до Червьня ... беда бо бе в земли Вьлодимерьстїй отъ воеванїа литовьскаго и ятвязскаго». Дата согласно: *Грушевський М.* Хронологія події Галицько-Волинської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. 1901. Кн. 3. С. 9–10, 62.

⁹⁷ ГВЛ. С. 84.

борьбе за власть в юго-западной Руси⁹⁸, литовцы стали союзниками Даниила Романовича. Следуя своим военно-политическим соображениям, он открывал перед ними возможности более безопасно грабить польские земли. А переманив Литву на свою сторону, оставил язычников ятвягов наедине⁹⁹ с христианскими соседями: русскими и польскими князьями и набирающим силу Немецким орденом. Сотрудничество Миндовга с Даниилом продолжалось и в тридцатые годы XIII в.¹⁰⁰ Их совместные действия в историографии иногда определяются как согласованные¹⁰¹.

С другой стороны, Миндовг набрался военно-политического опыта, силы, власти и богатства, которые расширяли его возможности захвата территорий за пределами расселения литовского этноса. Первой самостоятельной военной акцией Миндовга на юге Литвы, уже в лице литовского монарха, стало овладение русскими городами в верховье левобережного Немана, в то время находившимися в поле интересов Романовичей¹⁰². В литовской литературе отмечено, что Новогрудок, Городно, Слоним, Волковыск и Здитов во власти литовцев оказались в сороковые годы XIII в.¹⁰³

Литовское завоевание происходило на фоне татарского «потопа» на Руси. Разрушительные последствия татарщины напрямую ощутил Даниил Галицкий, так как при подготовке к походу на Запад главное войско татар зимой 1240/41 г. стояло на землях Галицко-Волынского княжества¹⁰⁴. Тата-

⁹⁸ *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 95, 102–104, 150.

⁹⁹ В историографии слишком часто ставится не совсем корректный акцент на литовско-ятвяжское военно-политическое единство, на сотрудничестве между ними. Ятвяги уже до образования Литовского королевства в середине XIII в. вызывали второстепенный интерес в политике Миндовга, см.: *Dubonis A. Yatvingians.* С. 17–32.

¹⁰⁰ Против Конрада Мазовецкого в 1238 г., см.: ГВЛ. С. 98: «По томъ же лете Даниль же възведе на Кондрата литву, Миньдога, Изяслава Новгородьского»; *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 204–206. Против черниговского князя Ростислава Михайловича в 1238–1239 гг. в борьбе Даниила за Галич, см.: ГВЛ. С. 98: «...прійде вѣсть Данилу ... яко Ростиславъ съшель есть на Литву ... изыде Даниль съ вои ис Холма, и бывшую ему третій день у Галичи...»; *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 206.

¹⁰¹ *Paszkiewicz H.* Указ. соч. С. 65.

¹⁰² Нариси з історії дипломатії. С. 68–69. Даниил насылает на Конрада Мазовецкого Новогрудского князя Изялава, см.: ссылка № 100. Данный Изяслав мог числиться в служебных князьях дома галицко-волыньских Романовичей. Они эффективно использовали эту социальную институцию, см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań–Wrocław, 2002.* С. 274.

¹⁰³ *Гудавичюс Э.* История. С. 48–49; *Баранавічы Т.* Новогрудок в 13 в.: История и миф // *Castrum, urbis et bellum. Баранавічы, 2002.* С. 30.

¹⁰⁴ *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 220.

ры нанесли болезненный удар по власти дома Романовичей¹⁰⁵, не раз проходили через их владения и в 1242–1245 гг. заставили их признать сюзеренитет Орды¹⁰⁶. Князь Миндовг не мог остаться в неведении о происходившем на землях приятеля. Для военной агрессии литовского монарха сложились благоприятные военно-политические обстоятельства. В галицко-волынской летописи четко фиксируется период литовско-волынского противостояния в 1241–1245 гг.: князь Василько Романович стережет Волынь от литовских набегов (1241 — первая половина 1242 г.), в 1243–1245 гг. на Волынь совершают набег подданный Миндовга Айшвно Рушкович (Vaišnys Ruškaitis) и сестричник великого князя Ленгвень (Lengvenis)¹⁰⁷. В данный период конфронтации наверняка и произошло литовское завоевание Новогрудка и остальных городов вышеупомянутого региона Немана¹⁰⁸.

Неожиданный поворот в политике Миндовга не привел к разрыву с Даниилом Галицким: соседи снова договорились о помощи. Литва была нужна Даниилу, так как он собирался с силами на решающую схватку за власть в Галицко-Волынском княжестве. Очевидно, они договорились перед победоносным для Даниила Ярославским сражением 17 августа 1245 г. Литовский князь послал Даниилу свое войско, но оно не успело вовремя¹⁰⁹. Нет сомнений в том, что мирная договоренность оставила Новогрудок и другие города за Миндовгом. Новейшие генеалогические исследования отчасти могут засвидетельствовать, что для подкрепления дружбы замуж за Даниила была выдана племянница Миндовга — дочь его покойного брата Довспрунга (Dausprungas), сестра Товтивила и Едивида¹¹⁰. Остается лишь

¹⁰⁵ Там же. С. 226.

¹⁰⁶ *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków, 2011. С. 230–231.

¹⁰⁷ ГВА. С. 104: в первую половину 1241–1242 гг. «Василько же князь остьль бе стеречи земле отъ литвы, послаалъ бяше воя своя съ братом»; там же. С. 106: в 1243 г. «...прійдоша литва и воеваша околѡ Пересъпници, Айшвно Рушковичь...»; в 1244 г. (и до августа 1245 г.) «...воеваша литва околѡ Мелници, [Лековни], великъ плень прияша. Данило и Василко гнаста по нихъ до Пинска... побегшимъ литве, избиты быша и плень весь отъяша, а самъ Лонъкъгвени бодень утече...». Даты согласно: *Грушевський М.* Хронологія. С. 30–32. Набег Ленгвеня 1234 г. датирует: *Nagirnyj W.* Указ. соч. С. 221. Но это не отменяет других доказательств конфронтации Миндовга с Даниилом в начале сороковых годов XIII в.

¹⁰⁸ В ГВА отчасти отразилась жестокость мер утверждения литовской власти в Новогрудке: «...Войшелкъ же нача княжити в Новѣгородци, в поганьствѣ будя, и нача проливати крови много: убивашеть бо на всякъ день по 3 по 4...», см.: ГВА. С. 127.

¹⁰⁹ ГВА. С. 107.

¹¹⁰ Женитьба Даниила датируется периодом 1242–1248 гг. Исчерпывающее исследование см.: *Dąbrowski D.* Rodowód Romanowiczów. С. 75–76: 1246–1248 m.; *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 252–253: 1242–1245 m. Автор генеалогии частично колеблется с выбором более конкретного периода.

Князь Даниил Галицкий на фоне Львова.
 Портрет XVII в.

догадываться о политической дальновидности Даниила при выборе жены из семьи будущих соперников Миндовга в борьбе за власть в Литве. Но в некотором роде такой выбор отражает напряженность в отношениях Миндовга и Даниила.

Несколько лет спустя между Миндовгом и его племянниками вспыхнула война за власть, и Даниил стал на сторону шуринов, отклонив просьбу Миндовга не оказывать им помощь¹¹¹. Война за власть в Литве, в которой принял участие Даниил, закончилась крещением Миндовга в 1251 г. и его коронацией в 1253 г.¹¹² С Даниилом Миндовг помирился в последнюю очередь. Хотя с мирным предложением к королю Руси он обращался первым в 1252 г., но лишь в 1254 г. мир был заключен, а между правителями установлены более тесные родственные связи¹¹³. Король Литвы через мирного посредника, своего сына Войшелка¹¹⁴, сделал серьезные уступки. Во-первых, в жены сыну Даниила Шварну была отдана дочь Миндовга. Во-вторых,

¹¹¹ ГВЛ. С. 112.

¹¹² См. ссылку № 39.

¹¹³ Gudavičius E. Указ. соч. С. 241–242.

¹¹⁴ Там же. С. 242.

другой сын Даниила Галицкого, Роман, получил от литовского короля в держание Новогрудок, а Войшелк от себя передал Слоним и Волковыск¹¹⁵. В-третьих, была создана благоприятствующая ситуация для возвращения в Литву врага Миндовга Товтивила, в близком будущем — полоцкого князя¹¹⁶. В-четвертых, — и это должно было быть большим ударом для Миндовга — из активной военно-политической деятельности был убран Войшелк. Он отправился в Холм к Даниилу, где при неясных обстоятельствах постригся в монахи — есть предположения, что в Холме он находился в качестве заложника¹¹⁷.

Хотя Миндовг оставался сувереном всех только что завоеванных Литвой русских городов верхнего Немана, все же присутствие в них ленника Романа ограничивало его власть. В Новогрудке образовался кондоминиум, где Миндовг был сюзереном, а князь из дома Романовичей — вассалом. Правитель Литвы не смирился с территориальными потерями и номинальной властью и при первой же возможности восстановил там свои права. Кровавую возможность для него дал поход татар на Литву зимой 1258/59 г., в котором в принудительном порядке принимали участие галицко-волынские князья¹¹⁸. Войско темника Бурундая не только нанесло военный удар Миндовгу, но и принесло огромные материальные и военные потери для Даниила и Василька в Галиче и на Волыни. В такой разрухе при неясных обстоятельствах Войшелк оставил Холм. Он пленил новогрудского князя Романа Даниловича¹¹⁹ и воссоединился с войском отца Миндовга и полоцкого князя Товтивила, которое упорно преследовал Василько¹²⁰. В итоге галицко-волынские князья не смогли предотвратить возвращения литовского владычества в русские города верхнего Немана, но в ходе борьбы за власть в Литве после убийства Миндовга (1263 г.) они не упустили возможности овладеть ими, в первую очередь Новогрудком. В этом им содействовал великий

¹¹⁵ ГВА. С. 117.

¹¹⁶ См. ссылку № 42.

¹¹⁷ Версия добровольного пострижения Войшелка вызывает обоснованные сомнения, см.: Вілкул Т.А. Галицко-Волинський літопис про постриження литовського князя Войшелка // Український історичний журнал. 2007. № 4. С. 26–37; Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 31.

¹¹⁸ ГВА. С. 122–123.

¹¹⁹ Из плена Роман не вернулся. Д. Домбровски убедительно доказывает, что смерть Романа связана с его литовским пленением, см.: *Dąbrowski D. Rodowód Romanowiczów*. С. 116–124.

¹²⁰ ГВА. С. 123: Данило «...еха к Волковыеску, ловя няти ворога своего Вышелка и Тевтивила ... и не обрѣте его, бѣста бо великую лєсть учинила, я Вышелкѣ сына его Романа».

Князь Лев Данилович на фоне Львова.
 Портрет XVII в.

князь Литвы Войшелк (1264–1267). Он боролся за стол отца и мстил его убийцам, а Романовичи направляли ему военную помощь. Политическая сделка привела к провозглашению Василька Романовича отцом, т. е. сюзереном, Войшелка, этим гарантируя Романовичам верховную власть в Литве¹²¹.

Среди конкретных уступок в пользу Романовичей меньше всего сомнений вызывает передача Новогрудка во владение шурина Шварну¹²², передача же всей Литвы ему в правление представляется малообоснованной¹²³. Сомнения опираются на информацию хроники Яна Длугоша, где он, используя независимый от галицко-волинской летописи польский ис-

¹²¹ Дубонис А. Борьба за литовский престол после смерти короля Миндаугаса (1264–1268 гг.) // Украина в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Випуск 4. Київ, 2004. С. 134–136; Дубонис А. Шварн Данілавіч і папяровыя ілюзії праваслаўнай Літвы // *Silva rerum nova*. Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі (Athenaeum. Commentarii historiae et culturae. Vol. 12). Уклад. А. Дзярновіч, А. Семянчук. Вільня-Мінск, 2009. С. 100–101.

¹²² Послы краковского князя Болеслава Стыдливого в 1266 г. наносят визит «Шварнови сущю в Новѣгородѣ», см.: ГВЛ. С. 129; *Paszkiewicz H.* Указ. соч. С. 117 (ссылка № 1).

¹²³ Дубонис А. Шварн Данілавіч. С. 101–104.

точник¹²⁴, сообщал, что роковая для Войшелка ссора с князем Львом Даниловичем произошла из-за русских земель «pro terris Russiae»¹²⁵. Понятно, что Льва разозлила передача брату Шварну Новогрудка и других городов между Неманом и Припятью. Этим Войшелк подписал себе смертный приговор в 1267 г.¹²⁶

Наследство Миндовга силой оружия воедино стал собирать князь Кернаве (Керново) Тройдень в 1267–1268 гг. Отвергнув претензии на Литву, как на собственность «отца» Войшелка Василька Романовича, он завладел Новогрудком и остальными городами региона¹²⁷. Само собой разумеется, что в процессе перехода из литовских рук в русские и обратно города приходили в упадок. Поэтому Тройдень расширял масштабы литовской военной экспансии, взявшись за нетронутые прежде земли. На Пасху 1274 г. он приказал городенцам занять Дорогичин на Буге¹²⁸. Именно Тройдень начал пользоваться новыми инструментами из арсенала утверждения на завоеванных землях: проводил колонизацию завоеванных территорий и их аннексию, создавая там для себя нерусскую военно-территориальную опору. На Городенщине и Слонимщине начиная с 1274 г. он поселил несколько групп балтов — бартов, скаловов и др., — бежавших из Пруссии в Литву после подавления Немецким орденом восстания¹²⁹, а также продолжил начатое еще Миндовгом расселение литовцев на верхнем Немане¹³⁰.

Захват Литвой важного для Волыни торгового города на Буге, Дорогичина, и расселение пруссов на приграничных с Волынью землях привели к новой войне Литвы с галицко-волынскими князьями. С трудом удерживая экспансию Тройденя, они обратились за помощью в Орду. Хан Менгу-Тимур послал им темника Ягурчи и он, вместе с галицко-волынскими

¹²⁴ *Dąbrowski D.* Czy Jan Długosz pisząc siódmą księgę «Annalium» korzystał z *Kroniki haličko-wolyńskiej* lub źródła jej pokrewnego? // *Ruthenica*. Т. 3. Ред. В. Ричка, О. Толочко. Київ, 2004. С. 170, 184.

¹²⁵ *Ioannes Długosius.* *Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*. Lib. 7, 8. Varsaviae, 1975. С. 157: «Leo dux Russiae ... cum ... Voysalko ... pro terris Russiae, quas idem Voysalk sui iuris facere nitebatur, in simultates et odia perveniens, prefatum Woysalk in quodam rure se continentem circumventum obtruncat».

¹²⁶ Дубонис А. Шварн Данилович. С. 103–104.

¹²⁷ Военные действия Тройденя с Львом Даниловичем в 1274–1276 гг. идут из-за Городна, Новогрудка, Слонима, Турийска на Немне, Дорогичина, см.: ГВЛ. С. 131–132.

¹²⁸ Там же. С. 131.

¹²⁹ Там же. С. 132; *Dubonis A.* *Traidenis*. С. 85–87, 111–115.

¹³⁰ *Dubonis A.* *Lietuvos didžiojo kunigaikščio leičiai: iš Lietuvos ankstyvųjų valstybinių struktūrų praeities* [«Leitis» of the Grand Duke of Lithuania: From the History of the Early State Structures of Lithuania. Summary. С. 147–157]. Vilnius, 1998. С. 74–76.

Вид замка в Новогрудке в начале XVI века.
Гравюра XIX в.

силами, смоленскими, брянскими и турово-пинскими князьями, зимой 1275/76 г. пошел на Новогрудок¹³¹. Заняв посад, войско собиралось в поход на Литву, но военачальники поссорились и повернули обратно. Война Тройденя со Львом и его двоюродным братом, волынским князем Владимиром Васильковичем, закончилась мирным договором 1276–1277 гг.¹³² О чем стороны договорились, навсегда останется тайной, так как галицко-волынская летопись коротко сообщает лишь о том, что «по семь же умирилася и начяста быти въ велици любви». Анализ косвенных данных привел к следующим выводам. Дорогичин вернули Волыни, Новогрудок и Городно остались за Тройденем, но города южнее от них — Волковыск и Слоним — отошли к дому Романовичей¹³³. В итоге договором о мире Тройденя со Львом были закреплены первые результаты литовских завое-

¹³¹ ГВЛ. С. 131. На дату 1275–1276 гг. указывает: М. Грушевський. Хронологія події. С. 49. Он прав. Поход Орды на Литву отмечен в других летописях. Симеоновская и Тверская летопись подают одну и ту же дату — 6783 г., см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 74: «Того же лѣта ходиша Татарове и Рустіи князи на Литву, не успѣвше ничто же, възвратишася назадъ»; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 405: «Того же лѣта ходиша Татарове и Рустіи князи на Литву, и не успѣвъ ничтоже». В Симеоновской летописи дата мартовская, см.: Бережков Н.Г. Хронология. С. 26. ГВЛ указывает на зимнюю пору похода. Это зима 1275/76 г.

¹³² ГВЛ. С. 132.

¹³³ Dubonis A. Traidenis. С. 115–117.

ваний на Руси. Литва и Галицко-Волынская Русь строго выполняли условия мирного договора, их не смогла посорить даже Орда в лице хана Ногая, повторно ходившая с галицко-волынским войском на Новогрудок зимой 1277/78 г. под предводительством темника Мамшея¹³⁴. Новогрудок и Городно на несколько столетий стали неотъемлемой частью Великого княжества Литовского.

С другой стороны, Волковыск и Слоним были переданы правителями Литвы в руки Романовичей ненадолго. Когда агрессия Немецкого ордена против Литвы стала набирать силу, литовские князья, братья Будивид (Butigeidis) и Буйвид (Butvydas), родоначальники династии Гедиминовичей, в 1289 г. помирились с князем Владимира Волынского Мстиславом Даниловичем. В знак дружбы они передали ему во владение Волковыск. Это указывает на то, что Тройдень или следующий монарх Литвы при неизвестных обстоятельствах могли отнять город у волынского князя¹³⁵. Принадлежность Слонима не известна, хотя можно предполагать, что он находился в руках Литвы наряду с Волковыском.

Подводя итог приведенным в статье размышлениям, приходится согласиться с часто высказываемыми в историографии мнениями, что истоки литовской экспансии на Руси и завоевание части древнерусских княжеств берут свое начало в грабительских походах литовских дружин в направлении богатых торговых артерий Восточной Европы, проходивших реками Даугава (Двина), Днепр, Припять, Буг, на которых располагались богатые города. К грабительской активности литовцев подталкивала не столько скудность местных природных ресурсов, сколько глубокие социальные перемены, которые обусловили несопоставимо большую потребность в материальных богатствах, особенно тех, которыми можно было подчеркнуть свое социальное положение и удовлетворить потребности дружины. Но лишь с появлением единой власти монарха Литвы, способной сконцентрировать военно-политический потенциал для реализации своих хозяйственных, коммерческих и фискальных задач, разрозненные грабительские набеги литовских дружин превратились в завоевание соседних нелитов-

¹³⁴ ГВА. С. 133–134; *Dubonis A. Traidenis*. С. 117–119.

¹³⁵ ГВА. С. 151: «Тогда же литовский князь Будикидь и братъ его Буйвидъ даша князю Мьстиславу городъ свои Волковыескъ, абы с ними миръ деръжалъ».

ских земель. Немецкая католическая колония в Риге отняла у литовцев возможность совершать набеги на Ливонию, и новообразованное государство Восточной Европы со всей силой навалилось на ближайших восточных соседей — Полоцк и русские города верхнего Немана.

Завоевание и овладение землями Руси для местных жителей не было милым и ожидаемым. Правители русских княжеств и боярство не торопились признавать над собой власть язычников и стремились сохранять самостоятельность, как, например, в Полоцке. Но иногда, оказавшись в воле более сильных, превращались в заложников в военно-политических комбинациях соседей. Неприятие власти язычников и возможности противостояния зависели от их традиционных связей со своими метрополиями на Руси. С другой стороны, Литва, как весомая военная сила, слишком часто становилась желанной фигурой в играх крупных политических деятелей Руси, поэтому враждебное отношение к Литве одних для других становилось «любовью и дружбой» к Литве, что в итоге еще шире открывало ворота для литовской экспансии на Русь.

Для XIII в. можно констатировать две модели литовской экспансии: мирную и военную. В Полоцкой земле она проходила относительно мирно, что было обусловлено коммерческим значением столицы, исстари налаженными связями и торговлей между Русью и Ригой (и Ганзой) и интересом литовского монарха сохранять жизнеспособность торгового пути, который приносил ему исключительную пользу. Притом из-за Полоцка конкурировало несколько политических сил региона: Ливония (орден и рижский архиепископ), Литва, владими́ро-суздальские князья и Новгород. Их соперничество, в чем нетрудно убедиться, практически элиминировало использование прямой военной силы.

Новогрудок и другие русские города верхнего Немана Литва завоевала с помощью военной силы. В отличие от Полоцка, удар по его коммерческому процветанию нанесла татарская инвазия, которая прервала традиционные связи региона с Киевщиной и Северным Причерноморьем. Новогрудок и другие города остались большой приграничной зоной между Литвой и Галицко-Волынским княжеством. Овладение этой огромной территорией между Неманом и Припятью для их обоих имело стратегическое значение. Поражение было равнозначно потере важнейшей коммерческой артерии Данциг (Гданьск)–Висла-Буг и Припять–Днепр–Причерноморье. Из-за Новогрудка Литва с Галицко-Волынским княжеством воевала несколько раз. Победа досталась Великому княжеству Литовскому, которое в XIV в. стало пожинать политические и коммерческие плоды от контроля над важными торговыми путями.

Роль Орды в истории литовской экспансии в XIII в. неоднозначна. Сомнений не вызывает аксиома, что наступление татар на Русь подорвало силы ее княжеств противостоять литовской экспансии. Но, с другой стороны, Орда скоро стала силой, которая пришла на помощь некоторым княжествам Руси в их борьбе с Литвой, на что указывает поход Бурундая в 1258–1259 гг.¹³⁶ Избегая угрозы Орды, великие литовские князья пошли на политический сговор с ней — первым был Тройдень¹³⁷, — и уже на исходе XIII в. Орда не препятствовала расширению Литвы за счет русских княжеств.

¹³⁶ Убедительное наблюдение Д. Домбровского, см.: *Dąbrowski D.* Указ. соч. С. 409.

¹³⁷ В 1280 г., когда Тройдень еще находился у власти в Литве, литовцы с галицко-волынским войском и воинами Ногая ходили на Краков, оказывая помощь Льву Даниловичу в его попытках занять Краковский стол. См.: ГВЛ. С. 135. Льву помогали литовцы, см.: *Летопись Краковских францисканцев // Monumenta Poloniae historica. (Pomniki dziejowe Polski). Wyd. A. Bielowski. Т. 3. С. 50: «[...] Leo rex Russye venit cum magno exercitu Tartarorum, Lytuanorum ac Rutenorum volens ducatum Cracovie et Sandomirie possidere».*

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское, литовская экспансия, русские княжества, литовское завоевание.

Arturas Dubonis

TWO MODELS OF LITHUANIAN EXPANSION IN RUSSIA (XII — EARLY XIV CENTURY):

Takeover of Polotsk and Novohrudak

The origins of the Lithuanian expansion in Rus originated via predatory expeditions of the Lithuanian Druzhina in the direction of the trade arteries of Eastern Europe passing through Daugava (Dvina), Dnieper, Pripyat and Bug. But only with the advent of a single authority, the monarch of Lithuania, were they capable of focusing their military-political potential for the realization of their economic, commercial and fiscal goals. The raids of Lithuanian Druzhina turned into a conquest of neighboring non-Lithuanian lands. The German colony in Riga robbed the Lithuanians of the opportunity to raid Livonia, and the newly created state of Eastern Europe forcefully put pressure on their nearest neighbors to the east — Polotsk and the Russian cities along the upper Neman.

During the XIII century, it is possible to state two models of Lithuanian expansion: civilian and military. Expansion took place in the Polotsk region relatively peacefully, which was due to good connections and trade between Rus and Riga (and Hansa) and the interest of the Lithuanian monarch to retain a viable trade route that brought him exclusive benefits. Novohrudak and other Russian cities on the upper Neman won by military force in the fight against the Principality of Galicia-Volhynia. Beyond doubt, the offensive of the Tatars towards Rus undermined the forces of its principalities to resist the Lithuanian expansion. On the other hand, the Orda became a force that came to the aid of some principalities of Rus in their fight against Lithuania. The Grand Lithuanian Dukes colluded with the Orda in the second half of the XIII century, and, as a result, the Orda did not prevent expansion of Lithuania at the expense of some Russian principalities.

 | Дубонис Артурас |

доктор гуманитарных наук, старший научный сотрудник Института
истории Литвы (Вильнюс, Литва)

А.В. Казаков

«ЗА ЕГО К НАМ ВЕРНУЮ СЛУЖБУ...»

Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых в Великом
княжестве Литовском

Великое княжество Литовское было традиционным прибежищем для эмигрантов из «нелитовской» Руси. Во второй половине XV—XVI в. представители разных слоев феодального сословия, решивших покинуть родину, направлялись на запад. Земли под властью Ягеллонов становились для них новым домом, который предлагал им иные условия жизни. С одной стороны, Великое княжество Литовское привлекало выходцев из подвластных Москве территорий как преимущественно русское по составу населения государство. С другой стороны, к началу XVI в. в экономическом, социальном, правовом и культурном плане оно уже достаточно отличалось от тех русских земель, которые никогда не были под властью литовских князей¹. Это обстоятельство требовало от эмигрантов проявления способности к адаптации в новой для них среде.

Исследовательский интерес к проблеме эмиграции из Великого княжества Московского в Великое княжество Литовское/Речь Посполитую в последнее время усилился. Важную роль в изучении этого вопроса играет

¹ Попытка сравнения двух государств: *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996.

просопографический подход, позволяющий на примере конкретных лиц увидеть возможности, особенности и трудности адаптации московских эмигрантов. По-прежнему внимание историков привлекают кризисные периоды (придворная борьба в малолетство Ивана Грозного, времена Ливонской войны) и наиболее яркие фигуры, особое место среди которых продолжает занимать князь Андрей Михайлович Курбский². Отдельные очерки были посвящены князю-авантюристу Семену Федоровичу Бельскому и современнику Курбского Владимиру Заболоцкому³. Однако эпоха первой трети XVI в. также не лишена персонажей, достойных того, чтобы вывести их из тени своих более знаменитых соотечественников. Среди таких лиц — Иван Тимофеевич Юрлов из рода Плещеевых.

Факт его отъезда известен из источников, давно введенных в научный оборот. Но российские исследователи, этот факт отмечавшие, судьбой Юрлова в Великом княжестве Литовском почти не интересовались⁴. Достаточно скудные сведения о нем содержатся в работе Адама Бонецкого, посвященной шляхте Великого княжества Литовского в XV—XVI вв.⁵ Некоторую информацию о его семье мы находим в исследовании Юзефа Вольфа⁶. Самый полный на сегодняшний день обзор сведений о Юрлове принадлежит украинскому историку Игорю Тесленко⁷. Однако он использовал лишь те источники, которые были опубликованы на момент подготовки его работы.

² Из недавних крупных монографических работ см.: *Филлюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007; *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1–2.

³ *Кром М.М.* Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. 2000. Вып. 4. С. 98–115; *Зайцев И.В.* «Позабыв бога, и наше жалованье, и свою душу...» (Приключения князя Семена Федоровича Бельского) // У источника = Ad fontem: сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 298–317; *Ерусалимский К.Ю.* Московский боярич, литовский староста, королевский дворянин: Европейская карьера В.С. Заболоцкого // Российская история. 2011. № 4. С. 88–102.

⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 258; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 197; *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 116; *Анхимюк Ю.В.* Документы и записи Плещеевых в разрядной книге из собрания Забелина // Русский дипломатарий. 2001. Вып. 7. С. 31.

⁵ *Boniński A.* Poczec rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI w. Warszawa, 1887. S. 114.

⁶ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 10, 293.

⁷ *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів // Соціум. Альманах соціальної історії. 2004. Вип. 4. С. 140–144.

При изучении биографии Ивана Тимофеевича мы коснемся его жизни в Москве, причин и обстоятельств отъезда, а также проанализируем его положение в Великом княжестве Литовском. Представляется интересным, насколько успешно он адаптировался к новым условиям и какое место занял в среде местной шляхты, а также какие факторы способствовали и препятствовали этой адаптации. Кроме того, следует сравнить его успехи с достижениями других московских эмигрантов конца XV — первой половины XVI в. Основным источником, позволяющим осуществить цель данной работы, являются документы Метрики Великого княжества Литовского.

Родоначальником Плещеевых, которые на рубеже XV—XVI вв. представляли собой очень разветвленный род, считается боярин Федор Бяконт, происходивший из Черниговской земли⁸. Самым известным из его сыновей был Алексей, митрополит всея Руси. Собственно Плещеевы пошли от другого сына Бяконта — Александра Плещея. Ближайшие предки Ивана Тимофеевича зарекомендовали себя верными слугами московских великих князей. Его дед Михаил Борисович сыграл значительную роль в борьбе Василия Темного против Дмитрия Шемяки, выступая на стороне первого. Именно он в 1446 г. возглавил успешный рейд на Москву, в результате которого город был взят «изгоном»⁹.

Отец Юрлова Тимофей Михайлович (по прозвищу Юрло) был вторым из семи сыновей Михаила Борисовича. Он участвовал в походе 1469 г. против Казани, был разбит татарами и попал в плен. В 1498 г. находим его в великокняжеской думе в чине окольного. По вполне резонному предположению А. А. Зимина, окольным он стал еще раньше, так как его младший брат Петр упоминается с этим чином в 1487 г., и вряд ли он мог получить его раньше Тимофея в нарушение старшинства.

Двое из шести братьев Тимофея, Андрей и уже упомянутый Петр, также были заметны на службе великим князьям. Андрей был окольным, неоднократно посылался Иваном III с различными важными миссиями. В 1479 г., во время конфликта Ивана со своими братьями, Андрей ездил к ним с поручением. Также он сопровождал великую княгиню Софью на Белоозеро в 1480 г., ездил вместе с братом Петром в Молдавию сватать Елену Стефановну в 1482/83 г., присутствовал на приеме посла Священной Рим-

⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории. С. 247; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 195. По другой версии, основанной на самой ранней редакции жития митрополита Алексея, Бяконт происходил из знатного рода литовских бояр (см.: Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 267).

⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 195; Веселовский С. Б. Исследования по истории. С. 253.

ской империи в 1490 г. Достаточно богатой была служебная биография Петра. Как уже отмечалось выше, вместе с братом он участвовал в сватовстве Елены Стефановны, вел переговоры с послами короля Польского и великого князя Литовского Казимира (1487 г., в чине окольного), был новгородским (1490–1495 гг.), а затем и козельским (1499 г.) наместником, возглавлял посольство в Великое княжество Литовское (1503 г.). В родословии Петр упоминается как московский и дмитровский боярин¹⁰. По предположению А.А. Зимина, он мог в конце жизни перейти на службу в Дмитровский удел, на границе с которым находились его владения¹¹.

Мы видим, что Плещеевы той ветви, к которой принадлежал И.Т. Юрлов, занимали прочные позиции при московском дворе. Его отец и двое дядей входили в великокняжескую думу. Тем не менее, в результате перипетий, обстоятельства которых не донесли до нас источники, Юрлов оказался в Великом княжестве Литовском. Что могло заставить его покинуть Москву, где положение его родичей сулило и ему весьма неплохие карьерные перспективы?

В попытке ответить на этот вопрос обратим внимание на судьбы сыновей Тимофея Юрла. Сведения о них довольно скудны. Известно, что Иван, который был старшим (Иван Большой), имел братьев Василия, Юрия, Дмитрия и Ивана Меньшого. Юрий и Дмитрий до своей смерти ничем не отличались. Согласно родословию, а также летописному сообщению, они были убиты в бою с силами Ливонского ордена на озере Смолин в 1502 г., когда московские полки потерпели поражение¹². Потомства Юрий и Дмитрий не оставили. Иван Меньшой тоже не был замечен и, по мнению С.Б. Веселовского, умер в молодом возрасте¹³.

Двое старших братьев Иван и Василий упоминаются в разрядах под 1495 г. В составе многочисленной свиты они сопровождали великого князя в его поездке к Новгороду¹⁴. В Разрядной книге под 1508 г. Василий упоминается среди воевод, которые «из удела от князя Семена Ивановича

¹⁰ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. Ч. 1. М., 1787. С. 299.

¹¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 199.

¹² Родословная книга. Ч. 1. С. 300; В летописи упоминается о гибели в Смоленском сражении только Юрия (Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб., 1859). А.А. Зимин ошибочно полагал, что фраза «убиты на Смолене» указывает на город Смоленск (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 197). Возможно, он находился под влиянием С.Б. Веселовского, допустившего эту ошибку раньше (Веселовский С.Б. Исследования по истории. С. 258).

¹³ Веселовский С.Б. Исследования по истории. С. 258.

¹⁴ Разрядная книга. 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 47.

посылоны были...»¹⁵. Не стоит понимать это так, что Василий перешел на службу в Калужский удел. Скорее, здесь видим обычную для того времени практику, когда из Москвы в уделы посылались воеводы для совместных с тамошним войском действий. К тому же Калужский удел был только что создан для Семена Ивановича, и власть его там была «больше номинальна, чем реальна»¹⁶.

Далее о судьбе Василия узнаем из родословия: он попал в опалу и был отправлен великим князем в Кириллов монастырь¹⁷. Когда это произошло и по каким причинам, неизвестно. Однако можно сделать предположение, что два события — бегство Ивана в Великое княжество Литовское и пострижение «в опале» его брата — были связаны между собой. А.А. Зимин и С.Б. Веселовский предполагали, что Василий впал в немилость из-за побега брата¹⁸. В отсутствие каких-либо сведений об обстоятельствах этой истории возможны и иные предположения, которые без новых источников останутся всего лишь догадками. Например, двое братьев могли чем-то здорово провиниться перед Василием III. Иван, спасаясь от государева гнева, покинул страну, чего не удалось совершить его брату, впоследствии постриженному в иноки. Есть косвенное свидетельство против того, что один только отъезд Ивана повлек за собой опалу брата. Подобным репрессиям не подвергся младший из Юрловых, Иван Меньшой. Возможно, это произошло как раз потому, что он не имел отношения к делам старших братьев¹⁹.

Что касается характерных причин, толкавших русскую знать к эмиграции в Великое княжество Литовское во второй половине XV — первой трети XVI в., то с уверенностью можно говорить только об одной — политической (если чуть расширить это причинное поле, то можно говорить о конфликте с властью). Переход в разряд подданных великих князей литовских был путем спасения для элит Руси, потерпевших поражение в противостоянии с Москвой. Кроме того, это давало им хотя бы теоретическую надежду на реванш при поддержке из Вильны. Прежде всего это касается последних властителей Твери и Рязани — Михаила Борисовича (отъехал в 1485 г.) и Ивана Ивановича (1521 г.), а также удельных князей Василия Ярославича Боровского и Серпуховского (1446 г., в том же

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 98.

¹⁷ Родословная книга. Ч. 1. С. 300.

¹⁸ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 197; Веселовский С.Б. Исследования по истории. С. 258.

¹⁹ В.Д. Назаров полагал, что бегство Ивана Тимофеевича негативно сказалось на карьерах других Плещеевых (Назаров В.Д. Свадебные дела. С. 116).

из-за неурядиц на родине), да и просто авантюризм (как в случае с вышеупомянутым С.Ф. Бельским).

Принятой в историографии датой отъезда Ивана Тимофеевича Юрлова является 1510/1511 г.²² Однако, по мнению И. Тесленко, это произошло еще раньше, во время правления короля и великого князя Александра. Основанием для такого предположения стало сообщение волынского шляхтича Иоахима Ерлича в своей Хронике о том, что Юрлов, якобы являвшийся его предком, был дворянином Александра²³. Как показал украинский исследователь, вывод Ерличем своего рода от Юрлова является фальсификацией, что, разумеется, не исключает правдивости сведений относительно биографии московского эмигранта. Однако гипотеза о более раннем отъезде Юрлова документально не подтверждается: о его службе Александру нет никаких сведений. К тому же в одном из привилеев Ивану Тимофеевичу Сигизмунд говорит, что тот «приехал *до нас на нашу имя* от великого князя московского, и *мы* пожаловали его... (здесь и далее курсив мой. — А.К.)»²⁴.

Первое упоминание о присутствии Ивана Тимофеевича в Великом княжестве Литовском относится к 10 февраля 1511 г. Этим днем датированы посольские речи Сигизмунда к Василию III, отправленные в Москву из Петрикова с полоцким воеводой Станиславом Глебовичем. Кроме всего прочего, Глебович должен был просить Василия отпустить подданных Сигизмунда, которые находились в его руках. Среди них была названа жена Ивана Юрлова (без упоминания имени), а также супруга еще одного эмигранта — князя Ивана Львовича Борятинского²⁵.

В отношениях Вильно и Москвы период 1508–1512 гг. был отмечен дипломатической активностью, что нашло отражение в материалах 7-й книги Метрики²⁶. Великие князья Сигизмунд и Василий обменивались посольствами и посланиями. Одним из основных вопросов, которые обсуждались во время этих контактов, было освобождение людей. Государяи высказывали взаимные просьбы отпустить домой их слуг, которые находились в соседнем государстве. Речь также шла и о воссоединении семей: среди лиц, выдачи которых требовали обе стороны, упоминались жены перебежчиков. Од-

²² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 197; Назаров В.Д. Свадебные дела. С. 116; Анхимюк Ю.В. Документы и записи Плещеевых. С. 31.

²³ Тесленко І. Родинний клан Єрличів. С. 144; Южнорусские летописи. Киев, 1916. С. 111.

²⁴ Литовская метрика (далее — ЛМ). Кн. 9. Вильнюс, 2002. С. 179, № 217.

²⁵ ЛМ. Кн. 7. Вильнюс, 2011. С. 207–208, № 91.

²⁶ Там же. См. документы № 45, 50, 54, 55, 57, 70, 72, 74, 75, 78, 80, 89, 90, 91, 95, 98, 101, 105, 106, 115, 116, 123.1, 124, 131.1, 131.2.

нако ни в Москве, ни в Вильне не спешили предпринимать реальные шаги для решения этого вопроса, и он поднимался вновь и вновь.

Супруга И. Юрлова упоминалась трижды: во время посольства Станислава Глебовича (см. выше), в письме Сигизмунда Василию III от 4 июня 1511 г. и в ответе Сигизмунда московскому послу в конце лета — начале осени 1512 г.²⁷ Интересно, что жена князя Борятинского фигурирует в дипломатических материалах чаще. Более того, Василий III как бы не замечает в перечне лиц супругу Юрлова, лишь однажды упоминая просьбу Сигизмунда отпустить ее, в то время как несколько раз комментирует просьбу о выдаче жены князя Борятинского. Причем на страницах посольских книг ошибочно назван сам Юрлов, а не его супруга²⁸. Видимо, личность Ивана Тимофеевича московскую дипломатию не очень интересовала. В конце 1512 г. Василий III начал против своего западного соседа очередную войну, которая затянулась на 10 лет. В этих условиях вопрос обмена людьми утратил актуальность; Юрловой, чье происхождение остается неизвестным, так и не было позволено выехать к мужу.

Материалы посольств дают нам некоторый ориентир относительно времени отъезда И. Юрлова. Вопрос о возвращении его супруги, как и жены князя Ивана Борятинского, впервые был поднят в начале 1511 г. Следует обратить внимание на то, что самое раннее упоминание о самом Борятинском в Великом княжестве Литовском относится к маю 1509 г.²⁹ Следовательно, если предположить, что он отъехал к Сигизмунду незадолго до этого, то с момента отъезда и до первой просьбы виленского двора о разрешении его супруге выехать вслед за мужем прошло около двух лет. С известной долей вероятности мы можем экстраполировать эти наблюдения на случай с Юрловым. Как уже было отмечено, Василий Юрлов в 1508 г. был воеводой в Коломне, т.е. еще не впал в немилость. Таким образом, учитывая допущение о существовании связи между опалой Василия и отъездом Ивана, можно предположить, что последний выехал в Великое княжество Литовское между 1508-м и началом 1511 г. В.Д. Назаров отмечал, что там Юрлов получил значительные пожалования³⁰. Сохранившиеся документы Метрики позволяют в этом убедиться.

²⁷ Там же. С. 208, 216, 263, № 91, 98.1, 131.2.

²⁸ «...говорил (посланник Сигизмунда. — А.К.) о том, чтоб государь отпустил к королю князя Богдана Глинского, Ивана Юрлова, Сенку Жеребятича, Миколая Сангаловича з жонами и з детми, да княж Иванову княгиню Борятинского...» (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487–1533. С. 498).

²⁹ АМ. Кн. 8. Вильнюс, 1994. С. 414, № 565.

³⁰ Назаров В.Д. Свадебные дела. С. 116.

На первых порах Юрлов, видимо, не получал от господаря земель, а находился на содержании скарба (государственной казны), как это бывало с московскими выходцами. Например, князь Иван Дмитриевич Губка Шуйский, который впервые упоминается в качестве обывателя Великого княжества Литовского в июле 1537 г., еще и к 1542 г. не получал земельных владений от Сигизмунда. Последний прямо об этом сказал в ответ на челобитье Шуйского, назначая ему годовое содержание в 80 коп. грошей литовских³¹.

Первое упоминание о пожаловании Юрлову датировано 27 июня 1514 г. Формально это было послание господарской Рады трокскому воеводе Григорию Остику с сообщением о том, что Юрлову дано «шесть земель пустых» в Дорсунишской волости. Это значило, что на основе данного листа Остик должен был его «увязати», т.е. ввести во владение этими землями. В документе отсутствует указание на соответствующий великокняжеский привилей. Любопытно, что сам трокский воевода назван среди тех радных панов, по распоряжению которых этот лист был выдан. Из его содержания мы также узнаём, что еще раньше («перво сего») Юрлову было дано 60 служб крестьян в той же волости. Кроме того, он был назван ясвоинским наместником, т.е. к 1514 г. уже занимал уряд (официальную должность), пусть и далеко не первого порядка³². Господарский привилей на этот уряд не сохранился.

К началу 1516 г. имущественное положение Юрлова укрепилось. 26 января Сигизмунд выдал ему подтвердительный привилей на вышеупомянутых 60 тяглых крестьян и 6 пустощин, а также на 30 человек «куничников» и 15 путных слуг в Ясвоинской волости, обязанностью которых было ходить на войну и обеспечивать Ясвоинь сеном. В своей грамоте Сигизмунд отметил, что подтверждает вотчинное право «пана» Юрлова на владение всем перечисленным за его верную службу и по ходатайству своей рады³³.

В дальнейшем москвитин расширял свои владения, причем происходило это не только благодаря пожалованиям, но и в результате сделок. 13 мая 1520 г. в Торуне господарь выдал Юрлову подтвердительный привилей на все его новые приобретения. С начала 1516 г. он купил у вдовы Григория Остика «дворец» Яновский в Швинтыниках со всеми угодьями, а у некото-

³¹ Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко: 1533–1540. Литовская метрика. Книга судных дел № 9. (Кн. № 228) М., 2008. С. 93–96, № 35; Метрыка Вялікага Княства Літоўскага (далее — МВКА). Кн. 28: Кніга запісаў (1522–1552). Менск, 2000. С. 79, № 28.

³² ЛМ. Кн. 9. С. 232, № 358.

³³ Там же. С. 178–180, № 217; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 140.

Гродно.

Немецкая гравюра конца XVI в.

рых ойрагольских бояр — земли в Пошущеве, которые находились недалеко от Ясвоини, вверх по реке Шушве (впоследствии новый владелец основал там имение, которое стали называть «Новым двором»³⁴). В результате судебного дела, обстоятельства которого остаются неизвестными, Юрлов получил «городище у Дорсунишсках и земли около того городища». Наконец, городенский староста Юрий Николаевич Радзивилл «дал» ему подворье Гордеевское с огородом в Городне (Гродно), напротив двора пана Мартина Хребтовича (такое соседство вряд ли стало случайным, о чем будет сказано ниже). Сигизмунд подтвердил право эмигранта на безусловное владение всеми этими приобретениями³⁵.

2 декабря 1522 г. государь удовлетворил просьбу Юрлова и пожаловал ему два двора в Вилькейской волости Гоижово и Поневяжи с 33 крестьянскими службами и четырьмя пустошчинами³⁶. Новые владения Ивана Тимофеевича находились неподалеку от Ясвоини и тех земель, которые он приобрел у ойрагольских бояр. Этот привилей примечателен тем, что в

³⁴ Archiwum Główne Akt Dawnych. Zbiór dokumentów pergaminowych (далее — AGAD ZDP). Sygn. 5897.

³⁵ АМ. Кн. 10. Вильнюс, 1997. С. 72, № 61; Тесленко І. Родинний клан Єрличів. С. 140.

³⁶ АМ. Кн. 12. Вильнюс, 2001. С. 173, № 96; Тесленко І. Родинний клан Єрличів. С. 140.

нем Юрлов был впервые назван господарским дворянином. Через 6 дней, 8 декабря, он просит у Сигизмунда выдать ему очередное подтверждение владельческих прав на новоприобретенные имения, что и было сделано. Из соответствующего акта мы узнаём, что Юрлов получил из рук великого князя 21 пустошину в Ясвоинской волости, где он был наместником, а также дом в Вильне на Татарской улице, который ранее принадлежал другому эмигранту — некоему Грыде «псковитину». Кроме того, Юрлову также достались четыре пустошины в Дорсунишской волости от канцлера и виленского воеводы Ольбрахта Гаштольда. Всю эту собственность Сигизмунд подтвердил просителю в вотчину «для его к нам верное и справедливое службы и хотячы его заховати охотнейшого ку службе нашої, на жеданье Панов Рад наших...»³⁷.

В некоторых из своих имений Юрлов мог держать корчмы с правом изготавливать и продавать там спиртные напитки («мед и пиво шинковать»). Соответствующий привилей был дан ему господарем в Кракове 18 июня 1525 г., а 15 сентября 1526 г. в Варшаве было выдано подтверждение³⁸. Корчмы находились в Новом дворе на реке Шушве, во дворе Поневяжи, в Дорсунишском повете «за рекою за Кревнею», а также в имении Доргунь в Городенском повете, полученном в качестве приданого³⁹. Прося Сигизмунда подтвердить ему право на корчмы, москвитин заодно позаботился и о подтверждении права на очередную «куплю» — еще одного дома в столице, приобретенного за 37,5 коп. грошей. Он находился «у в улицы идучы до Светого Бернардына» по соседству с домом земского подскарбия Богуша Боговитиновича⁴⁰.

Чтобы дополнить картину владений Ивана Юрлова в Великом княжестве Литовском, нужно еще упомянуть, что он держал в заставе, т.е. взял в качестве залога за долг, имения Лынтупы за 300 и Олону за 100 коп грошей. Их владелец Николай Николаевич Ильинич, известный как большой транжира⁴¹, так никогда и не вернул деньги. Об этом свидетельствует то, что эти имения оставались в руках Юрлова до его смерти, а потом ими распорядилась его вдова⁴². 23 июня 1527 г. Сигизмунд приказывал жемайтскому ста-

³⁷ ЛМ. Кн. 12. С. 177–178, № 104; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 140.

³⁸ Там же. С. 388, 470, № 489, 610; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 141.

³⁹ Этим имением ранее владел тесть Юрлова Мартин Богданович Хребтович (*Ryżewski G. Ród Chreptowiczów herbu Odrowąż.* Kraków 2006. С. 60–61; ЛМ. Кн. 8. С. 246–247, № 294). Подробнее о матримониальных связях Юрлова см. ниже.

⁴⁰ ЛМ. Кн. 12. С. 470, № 610.

⁴¹ *Boniecki A.* Poczec rodów. S. 96.

⁴² МВКЛ. Кн. 30: Кніга запісаў (1480–1546). Мінск, 2008. С. 130, № 57.

росте Станиславу Станиславовичу Кезгайле увязать Юрлова в имение вдовы боярина Прокопа Розвары, которую заподозрили в убийстве ее нового мужа Богдана Плюскова. Имение это находилось в Тондягольской волости, что было недалеко от ойрагольских владений Ивана Тимофеевича⁴³.

Как явствует из этого обзора, за период 1511–1527 гг. московский эмигрант, не имевший в Великом княжестве Литовском ничего, превратился в зажиточного землевладельца. В основном его имения были сконцентрированы в юго-восточной части Жемайтии, на территории соседствовавших Ясвоинской, Ойрагольской, Вилькийской, Тондягольской волостей. Недалеко от них находились земли в Дорсунишской волости Ковенского повета и в Городенском повете Трокского воеводства. Все эти имения тянулись вдоль реки Неман или его притоков. Небольшой анклав находился в Швинтыниках Трокского повета, расположенных совсем недалеко от Вильны. Юрлову принадлежали два дома в самой столице и еще один в Городно. Взятая в заставу Олона находилась в Троцком повете, а Лынтупы лежали на значительном удалении от остальных имений — на северо-восток от Вильны. Любопытно, что соседом Ивана Тимофеевича по дорсунишским владениям был другой эмигрант, прибывший из Москвы в 1495 г. вместе с княжной Еленой Ивановной — князь Матвей Микитинич. Он владел двором Езно, а также держал в заставе господарское имение Бирштаны⁴⁴. Вполне возможно, что их владения соседствовали еще и в Швинтыниках. По крайней мере, это имение фигурирует в завещании князя Матвея, составленном в 1539 г.⁴⁵

Главная резиденция Юрлова, видимо, находилась в его жемайтских владениях. Косвенно об этом свидетельствует то, что там он хранил свой архив. Во время судебного разбирательства по спору о трех пустоштинах с неким Васькой Быховцем Иван Тимофеевич не мог документально подтвердить свои права владения и говорил, что привилей на эти земли находится в Жемайтии⁴⁶.

Обратимся к источнику, мимо которого не проходит ни один исследователь, изучающий феодальное землевладение на Беларуси и в Литве первой половины XVI в., — перепись войска Великого княжества Литовского

⁴³ ЛМ. Кн. 14. Вильнюс, 2008. С. 377–378, № 874.

⁴⁴ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 116; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 153–154.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 389. Литовская метрика. Д. 23. Л. 150 об.

⁴⁶ В краткой записи об этом деле нет ни даты, ни места слушания (Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 20: Литовская метрика. Книги судных дел. СПб., 1903. Стб. 1174, № 458).

1528 г. По данным этой переписи, Иван Юрлов должен был приходить в ополчение с 18 всадниками⁴⁷. В соответствии с нормами того времени землевладелец был обязан отправлять на войну одного конного воина с каждого восьми принадлежавших ему крестьянских служб⁴⁸. Таким образом, на 1528 г. Юрлов владел 144 службами. Однако рассмотренные выше источники о его пожалованиях и приобретениях заставляют усомниться в достоверности этой цифры.

Если сложить все крестьянские службы, которые упоминались в выданных Юрлову привилеях, то получим сумму 138, что на первый взгляд подтверждает правильность данных переписи 1528 г. Однако, в этом случае придется допустить, что его доргуньское, швинтыникское и тондягольское имения, а также взятые у Н.Н. Ильинича в заставу Лынтупы и Олона все оставались незаселенными. Это едва ли возможно хотя бы потому, что только за имения Ильинича было дано 400 коп. грошей. Каких-либо форсмажорных обстоятельств, могущих привести к неестественной убыли населения (мор, вражеское вторжение), в то время не наблюдалось. Кроме того, у нас нет полной информации о недвижимом имуществе Юрлова. Его завещание, которое могло бы помочь в составлении целостной картины, увы, не сохранилось, если вообще существовало.

Почему же размер военной повинности Юрлова оказался заниженным? Очевидно, что механизм осуществления переписи войска 1528 г. создавал условия для злоупотреблений. Шляхта сама переписывала своих людей, а затем передавала сведения уполномоченным лицам. Разумеется, любой землевладелец был заинтересован в том, чтобы нести наименьшие расходы по снаряжению воинов и их содержанию в ополчении. Можно предположить, что Юрлов воспользовался возможностью «уменьшить» количество своих крестьян⁴⁹.

Московский эмигрант, как и иные землевладельцы, вступал в конфликты со своими подданными, соседями и местной администрацией. Информация об этом сохранилась, главным образом, в 14-й книге Метрики. Записи достаточно лапидарны, часто не имеют даты и датированы приблизительно.

⁴⁷ Перепис войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. МВКЛ. Кн. 523. Кн. Публічных спраў 1. Мінск, 2003. С. 52.

⁴⁸ Там же. С. 49.

⁴⁹ То же наблюдение относится и к князю Матвею Микитиничу. Размер его повинности равнялся 79 всадникам. Однако только с бирштанского двора он должен был выставить 65 воинов (по данным реестра 1503 г.), тогда как Бирштаны были лишь одним из многих его владений (Перепис войска. С. 54; АМ. Кн. 6. Вильнюс, 2007. С. 290, № 494; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 153–155).

В Вилькейской волости крестьяне Юрлова отказывались ему подчиняться, а местный державца Александр Ходкевич их защищал. Господарь приказал ему усмирить и вернуть Юрлову тех его подданных, что ему принадлежали и были перечислены в соответствующем привилее⁵⁰. Где-то в 1523–1524 гг. вилькейский боярин Юрий Наркович жаловался на Юрлова за то, что тот «вступал» в его земли, собирал его урожай и косил сено. Сигизмунд приказал А. Ходкевичу разобраться с этим инцидентом. Как выяснилось, Юрлов хозяйничал на земле, данной ему в вотчину, и дело было решено в его пользу⁵¹. Остается неизвестным, как закончилось судебное разбирательство москвитина с Васькой Быховцем о трех землях, упоминавшиеся выше⁵².

Однажды у Юрлова возник конфликт и с его соотечественником Матвеем Микитиничем. Езненский наместник последнего Нечай пленил людей Юрлова, забрал у них коней и другое имущество. Несмотря на распоряжение трокского воеводы князя Константина Острожского, Нечай отказывался этих людей отпустить. Сигизмунд вынужден был вмешаться и приказал Микитиничу найти управу на своего наместника. И в этом случае мы не знаем, чем завершился конфликт⁵³.

В то время, когда Ясвоинь была дана господарем в заставу жемайтскому бискупу князю Николаю Николаевичу Радзивиллу, его наместник в этом дворе Андрей Держкович присвоил имущество Юрлова, которое там оставалось. Господарский приказ вернуть отнятое владельцу был проигнорирован, после чего разобраться в ситуации пытался К. Острожский. Правым в этом конфликте нашли Юрлова. Видимо, он все же получил свое имущество обратно⁵⁴. В 1525 г. люди Ойрагольской волости вступали во владения москвитина, о чем тот пожаловался господарю. Сигизмунд приказал жемайтскому старосте Станиславу Яновичу довести до сведения этих людей, где находятся границы владений Юрлова, которые нельзя пересекать⁵⁵.

Летом — осенью 1524 г. Иван Тимофеевич обратился к господарю с жалобой на вилькейского боярина Словика Ивашковича. Тот задолжал Юрлову мед, рожь и овес в немалых объемах, которые должен был вернуть еще весной того же года. По условиям договора Словик, в случае невозврата долга к обозначенному сроку, был обязан передать Юрлову свое имение в

⁵⁰ ЛМ. Кн. 14. С. 188, № 438.

⁵¹ Там же. С. 122, 319–320, № 122, 776.

⁵² РИБ. Т. 20. Стб. 1174, № 458.

⁵³ ЛМ. Кн. 14. С. 188, № 439.

⁵⁴ Там же. С. 206, № 502.

⁵⁵ Там же. С. 319, № 775.

Вилькейской волости. Однако Юрлов не получил ни того, ни другого. Сигизмунд приказал А. Ходкевичу установить, действительно ли такое соглашение имело место, и, в случае положительного результата, восстановить справедливость⁵⁶.

Как уже было сказано выше, супруге Юрлова не было позволено выехать к мужу. В Великом княжестве Литовском он женился вторично. Его избранницей стала Ганна, дочь пана Мартина Богдановича Хребтовича, напротив дома которого в Городно Юрлов получил свой⁵⁷. Время заключения брака точно неизвестно, но произойти это должно было до января 1516 г., когда в подтвердительном привилее Юрлову упоминается его жена⁵⁸. Здесь будет уместно сказать несколько слов о новых родственниках Ивана Тимофеевича.

Предком Хребтовичей был некий Якуб, живший в XV в. и оставивший о себе крайне скудные сведения. Известность же приобрело поколение внуков Якуба, детей Богдана Хребтовича⁵⁹. Последний имел семерых сыновей, четверо из которых — Иван Литавор, Василий, Мартин и Федор — занимали различные государственные (центральные и местные) и придворные посты при великих князьях Александре и Сигизмунде. Самое высокое положение занял младший Федор: он был подскарбием дворным, а затем и земским (в 1502—1509 гг.). Уряд дворного подскарбия, маршалка господарского, а также наместника в нескольких великокняжеских волостях и городах занимал Иван Литавор. Он также посылался с дипломатическими миссиями в Москву и Польшу. В 1500 г. в битве на Ведроши он попал в плен и вернулся на родину лишь через 9 лет, получив дорогичинское наместничество и маршалковство. Достаточно скромными на фоне других братьев выглядят достижения Василия: он фигурирует лишь как наместник Владимирский и Здолбицкий⁶⁰.

Что же касается Мартина, тестя Юрлова, то его карьера поначалу развивалась успешно. В 1496 г. он упоминается в качестве конюшего дворного, в 1497 г. — как наместник Зблянский, а позже, в 1501 г., и Жолудоцкий. В 1502—1504 гг. Мартин Богданович был подскарбием дворным,

⁵⁶ Там же. С. 187, 206—207, № 435, 503.

⁵⁷ AGAD ZDP. Sygn. 5897. Гжегожу Рыжевскому, который посвятил роду Хребтовичей большое исследование, не было известно о существовании Ганны Хребтовны (Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 58). И. Тесленко отмечал, что Юрлов был женат на Ганне неизвестного происхождения (Тесленко І. Родинний клан Єрличів. С. 143).

⁵⁸ Супруга Юрлова упомянута без имени в стандартной формуле для подобных актов: «..потвержаем... ему самому и его жене, и их детям...» (АМ. Кн. 9. С. 179, № 217).

⁵⁹ Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 19.

⁶⁰ Boniecki A. Poczet rodów. S. 27—30. Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 36—65.

в 1505–1509 гг. занимал уряды земского конюшего и ловчего⁶¹. Женился он на Ганне, сестре братьев Львовичей Глинских, бывших очень влиятельным родом при Александре⁶².

В 1509 г. карьера Мартина и Федора драматично прервалась. Они были обвинены в связи с мятежным князем Михаилом Львовичем Глинским и арестованы, разделив судьбу некоторых других лиц, в том числе новгородского воеводы и подчашего Альбрехта Гаштольда. Веских доказательств их участия в заговоре, впрочем, не обнаружили, поэтому спустя два года все были освобождены⁶³. В отличие от Гаштольда, который вскоре стал занимать воеводские уряды и в итоге стал канцлером и виленским воеводой, т.е. первым лицом в государстве после монарха, Мартину и Федору места в элите не нашлось. Только в 1524 г. Мартин стал трокским конюшим и господарским маршалком, а около 1526 г. умер⁶⁴.

Очевидно, что братья Хребтовичи имели прочные позиции при великом князе Александре. Занимаемые ими уряды делали их членами господарской рады. Однако при Сигизмунде они утратили свое положение по субъективным причинам (ложное обвинение Мартина и Федора, долгий плен Ивана Литавора). Тем не менее Хребтовичи оставались зажиточными землевладельцами. По переписи 1528 г. единственный сын Мартина Богдан должен был выставлять в ополчение 17 воинов, сын Федора Юрий вместе со своей матерью — 13 воинов⁶⁵. Если верить этим данным, то зять Юрлова был самым богатым из своего поколения Хребтовичей после Яна Литавора⁶⁶.

Таким образом, Юрлов породнился с известным в княжестве родом. Но на момент брака, который произошел где-то между 1512 и 1516 гг.,

⁶¹ Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 57, 59.

⁶² Ibidem. S. 63–64.

⁶³ Братья Хребтовичи стали жертвами обострившейся борьбы между магнатскими группировками. Мятеж М. Глинского был удобным случаем для передела земель, так как имения его сторонников подлежали конфискации. В действительности же Мартин и Федор Глинского не поддерживали. Единственное, что могло бросить тень подозрения на Мартина, так это его брак с родной сестрой братьев Львовичей Глинских (*Шніп М.А.* Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе: дыс. ... канд. гіст. навук. БДУ, Мінск, 2009. С. 93–95).

⁶⁴ Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 59–60; *Малиновский И.И.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901. С. 12.

⁶⁵ Перапіс войска. С. 50, 54, 56. У Мартина был еще один сын Меркурий, видимо, умерший до составления переписи 1528 г. (*Boniecki A.* Roczet rodów. S. 29; *Ryżewski G.* Ród Chreptowiczów. S. 64). В 1522 г. господарский дворянин Меркурий Мартинович Хребтович был послан увязать Юрлова во дворы Гоижово и Поневяжи (*АМ. Кн. 12.* Вильнюс, 2001. С. 173, № 96).

⁶⁶ Ryżewski G. Ród Chreptowiczów. S. 69.

представители этой фамилии потеряли место в высших эшелонах власти. Тем не менее следует признать, что создание родственных связей с Хребтовичами было для эмигранта, не имевшего корней в местном социальном грунте, очень удачным шагом. К тому же он увеличил свои владения за счет приданого.

Непросто складывалась карьера самого Ивана Тимофеевича в качестве урядника. Как отмечалось выше, в 1514 г. он уже был назван наместником Ясвоинской волости, которая находилась в юго-восточной части Жемайтии. Где-то до мая 1517 г. господарский боярин Шатила получил там из рук Юрлова пустошину⁶⁷. Последний раз в качестве ясвоинского наместника Юрлов упоминается в подтвердительном привилее от 13 мая 1520 г., а около 1525 г. этот уряд был дан князю Михаилу Осовицкому. В документах 1520-х гг. Юрлов фигурирует только как пан и господарский дворянин. Лишение его уряда было связано, видимо, с недостатком денег в скарбе: Ясвоинь была заставлена жемайтскому бискупу князю Николаю Николаевичу Радзивиллу⁶⁸. Когда точно это произошло, неизвестно. По мнению Эугениуса Савищеваса, Юрлов был ясвоинским наместником еще в ноябре 1524 г.⁶⁹ Однако есть все основания усомниться в этом. Уже в октябре 1524 г. Сигизмунд писал к Н.Н. Радзивиллу по поводу жалобы на его наместника в Ясвоини Андрея Держковича со стороны Юрлова, т.е. Радзивилл уже держал это имение в заставе. Документ не имеет места и даты, однако издатели 14-й книги Метрики определили ее достаточно точно, основываясь, видимо, на датах иных актов. Известно, что в октябре 1524 г. Сигизмунд находился во Львове. В недатированном письме он отмечает, что князь Острожский «здесь, будучи у во Львове» рассказывал ему о результатах своего расследования по поводу конфликта между Держковичем и Юрловым. Причем, судя по содержанию письма, до октября 1524 г. Радзивилл получил в заставу Ясвоинь, назначил туда своего наместника, тот присвоил себе имущество Юрлова, который пожаловался Сигизмунду. Господарь послал своего дворянина с приказом Держковичу вернуть присвоенное имущество владельцу. Когда тот не подчинился, ра-

⁶⁷ ЛМ. Кн. 9. С. 377, № 613. Здесь Юрлов назван «Юрловичем». В оригинале того же акта, однако, сохранена исходная форма патронима — Юрлов (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 293. Оп. 1. Д. 33). Подробнее о трансформациях имен эмигрантов см.: Казаков А.В. Имена русских эмигрантов на фоне антропонимии Великого княжества Литовского (конец XV — первая половина XVI в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2009. Вып. 4. С. 236–239.

⁶⁸ ЛМ. Кн. 12. С. 388, № 488.

⁶⁹ Saviščevas E. Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais. Vilnius, 2010. P. 294.

зобратъся в инциденте был послан Острожский, о чем он докладывал Сигизмунду во Львове⁷⁰. Все это должно было произойти до октября 1524 г. К тому же последний раз в качестве ясвоинского наместника Юрлов упоминается в привилее от 13 мая 1520 г., а 2 декабря 1522 г. он был назван лишь господарским дворянином⁷¹. Поэтому, вероятнее всего, Иван Тимофеевич лишился наместничества где-то между этими датами и уж точно не занимал уряд к октябрю 1524 г.⁷²

Лишение уряда без веских оснований и без замены его на более высокую или аналогичную позицию был случаем хоть и не исключительным, но редким. Видимо, правящие круги Великого княжества Литовского срочно нуждались в средствах. Вполне возможно, что господарь предложил самому Юрлову взять Ясвоинь в заставу, но у того не оказалось нужной суммы. Например, в 1518 г. Сигизмунд отдал двор Бирштаны в заставу Матвею Микитиничу, который до этого был там наместником⁷³.

Отдавая Ясвоинь в заставу жемайтскому бискупу, господарь обещал Юрлову подыскать что-нибудь взамен, но так и не сделал этого. После окончания срока заставы, где-то до июня 1525 г., ясвоинское наместничество было пожаловано князю Михаилу Осовицкому. Раньше он получил в держание Дорсунишки и Скерстомонь взамен своих имений, которые в результате последней войны оказались по ту сторону московской границы. Однако господарь аннулировал свое пожалование и дал Осовицкому Ясвоинь⁷⁴. Юрлов же 14 июня 1525 г. при поддержке радных панов получил в качестве компенсации за отнятый без причины уряд «экспектатыву» — привилей, который гарантировал ему ясвоинское наместничество после смерти Осовицкого. Через четыре дня Юрлов получил разрешение держать четыре корчмы в своих имениях, не платя налогов⁷⁵.

⁷⁰ АМ. Кн. 14. С. 206, № 502.

⁷¹ АМ. Кн. 10. С. 72, № 61; АМ. Кн. 12. С. 173, № 96.

⁷² Э. Савищевас в своей датировке основывался на данных актов росейнского земского суда 1588–1591 гг., где содержится краткий пересказ более раннего документа от ноября 1524 г., в котором Юрлов фигурирует как ясвоинский наместник. Вероятно, дата ошибочная (Опись документов Виленского Центрального Архива древних актовых книг. Вып. 2. Вильно, 1903. С. 132, № 461). Более полное содержание того же акта (с той же датой) см. в: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1863. С. 244–245, № 207.

⁷³ АМ. Кн. 11. Вильнюс, 1997. С. 50–51, № 14. Интересно, что великий князь дважды нарушал условия заставы, давая Бирштаны иным лицам, но Микитиничу каждый раз удавалось сохранить это богатое имение за собой (АМ. Кн. 10. С. 61, 113, № 44, 120; АМ. Кн. 1. С. 82, № 359).

⁷⁴ АМ. Кн. 12. С. 476, № 620.

⁷⁵ Там же. С. 388, № 488, 489; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 141.

Москвитин явно не остался этим удовлетворен и повел борьбу за Ясвоинь, снова используя поддержку первых лиц княжества. 22 сентября 1526 г. Сигизмунд вновь дает Юрлову привилей на желаемое наместничество. Об этом его просили королева и великая княгиня Бона, а также, как и ранее, члены рады. Причем они собрали и предоставили господарю информацию о землевладении Осовицкого. Выяснилось, что он «мает се на чом поживити»⁷⁶. Сигизмунд, учитывая просьбу супруги и радных панов, а также прежние заслуги эмигранта, удовлетворил его челобитье⁷⁷.

Однако история и на этом не закончилась. Осовицкий бил челом господарю, снова прося Ясвоини. Свою просьбу он аргументировал тем, что его владения разорены москвой и татарами и взять с них нечего. 10 ноября 1526 г. ясвоинская держава досталась ему окончательно⁷⁸. Юрлову же снова был выдан экспектативный лист⁷⁹. Но он ему так и не понадобился, так как Осовицкий его пережил. Подводя итог этим перипетиям, нужно сказать, что Юрлов лишился своего уряда в непростых для Великого княжества Литовского условиях. Потеря Смоленщины вызвала проблему эгзулянтов — шляхты, которая предпочла оставить свои имения на захваченных неприятелем землях и сохранить верность Сигизмунду. О таких лицах виленский двор был обязан позаботиться, дав им новые владения. Однако земельного фонда в распоряжении господаря оставалось все меньше и меньше. К тому же десятилетняя война с восточным соседом стала серьезным испытанием для финансов Великого княжества Литовского. Доступным способом получения быстрых денег, необходимых для расчета с наемниками, была застава государственных имений, и виленский двор активно им пользовался. В это тяжелое время Юрлов и потерял ясвоинское наместничество. Решающим фактором, склонившим чашу весов не в пользу Юрлова, стало непростое имущественное положение эгзулянта Осовицкого.

⁷⁶ Нужно отметить, что любой уряд был источником дохода.

⁷⁷ ЛМ. Кн. 12. С. 468, № 608; *Малиновский И.И.* Сборник материалов. С. 13–14; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 141.

⁷⁸ ЛМ. Кн. 12. С. 476, № 620. Судя по переписи 1528 г., Осовицкий уступал Юрлову в имущественном положении, но был далеко не беден: размер его военной повинности равнялся 7 всадникам (Перепіс войска. С. 54). Эту историю можно рассматривать как один из примеров практики выдачи так называемых заочных листов: господарь часто удовлетворял просьбы челобитчиков, не проверяя информации, которую они сообщали. Не исключено, что Осовицкий этим и воспользовался, намеренно преувеличивая свою нужду. Подробнее о проблеме заочных листов см.: *Груша А.* «Просите и дано будет вам (Мф. 7:7)». Еще раз к вопросу о «заочных» листах канцелярии Великого княжества Литовского // *Соціум.* Вип. 8. С. 255–279.

⁷⁹ 27 июня 1527 г. (ЛМ. Кн. 14. С. 378, № 875).

План города Вильно.
Европейская гравюра. 1599 г.

Видимо, после окончания этой истории Иван Тимофеевич Плещеева Юрлов, как он сам себя именовал, прожил недолго. Последнее прижизненное упоминание о нем датируется 30 января 1529 г., когда он записал своей жене Ганне 1000 коп грошей на некоторых жемайтских имениях⁸⁰. А в 1532 г. она уже распорядилась домом в Вильно, «выслугой» своего мужа⁸¹. Вспомним, что Юрлов впервые упоминался в 1495 г., наверняка будучи уже совершеннолетним. Значит, на момент смерти ему было как минимум около 50 лет.

Жизнь Ивана Тимофеевича Юрлова в Великом княжестве Литовском являет собой пример достаточно успешной адаптации московского эмигранта в местном социуме. Он приобретает обширные владения, занимает уряд местного значения, берет в жены представительницу известной фамилии. Какое же место занимает Юрлов среди эмигрантской элиты

⁸⁰ AGAD ZDP. Sygn. 5897. Это единственный известный акт, выданный самим Юрловым. Он сохранился в копии 1538 г.

⁸¹ ЛМ. Кн. 230. Вильнюс, 2001. С. 67, № 55; Тесленко І. Родиний клан Єрличів. С. 141. Это известно из более позднего документа, в котором упоминается продажный лист на этот дом, данный Ганной Юрловой князю Богдану Дмитриевичу Глушонку (Огинскому) в 1532 г.

своего времени? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим краткий обзор положения иных эмигрантов той эпохи в Великом княжестве Литовском⁸². Это не только позволит нам сравнить Юрлова с другими лицами, но и даст общую картину тех возможностей, которые открывались перед эмигрантами в не совсем чужой, но все же новой для них социокультурной среде.

В период конца XV — середины XVI в. самыми высокими позициями отличался князь Матвей Микитинич, служебник королевы Польской и великой княгини Литовской Елены Ивановны. Данный пример едва ли может быть показателен, так как своим положением этот неясного происхождения князь был обязан близости к монаршей семье⁸³. Елена сделала его наместником во многих своих имениях, полученных из рук ее супруга. Со смертью своей покровительницы Микитинич лишился этих урядов, кроме одного — Бирштанского. Как уже было отмечено, размер его военной повинности измерялся 79 всадниками, что превышало аналогичный показатель у ряда высокопоставленных лиц государства⁸⁴.

Князь И.Л. Борятинский урядов в Великом княжестве Литовском не занимал. По переписи 1528 г. он должен был выставлять в ополчение 7 воинов. Женат он был на княжне Марии из обмельчавшего и обедневшего рода князей Вяземских, живших по обе стороны литовско-московской границы⁸⁵.

Среди имений князя Д.И. Шуйского, выехавшего из Москвы до лета 1537 г., известен только двор Теревунь в Берестейском повете. Правда, позиции этого эмигранта несколько укрепил брак с Марией Богдановной из младшей линии рода Боговитиновичей. Должностей Шуйский не занимал⁸⁶.

Более интересными представляются судьбы князя С.Ф. Бельского и И.В. Ляцкого. В отличие от Шуйского и Юрлова, эти двое занимали высокие

⁸² Здесь оставим вне поля зрения московскую служилую мелкоту, обратив внимание лишь на эмигрантов первого порядка.

⁸³ Московские источники о нем ничего не знают. Потомки князя Матвея стали именоваться Головчинскими (от названия одного из имений — Головчин), а позднее стали использовать титул Ряполовские. В. Безроднов попытался установить генеалогическую связь между Микитиничем и Ряполовскими (*Безроднов В. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) // Генеалогический вестник. СПб., 2001. Вып. 3. С. 30–34*). На мой взгляд, он пришел к ошибочным выводам (*Казакоў А.У. Князь Мацвей Мікіцініч: паходжанне і эміграцыя // Studia Historica Europae Orientalis. Минск, 2008. Вып. 1. С. 77–83*).

⁸⁴ *Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 116–118; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 153–155; Перапіс войска. С. 54.*

⁸⁵ *Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 8–9; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 155–156; Перапіс войска. С. 54.*

⁸⁶ *Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 521–522; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 163–165.*

позиции при московском дворе, на момент отъезда в 1534 г. были воеводами в Серпухове. Ляцкий имел еще чин окольного и был известен как искусный полководец. Немаловажно, что их переход на службу к Сигизмунду произошел накануне очередной войны, которая получила название Стародубской (1534–1537 гг.). Вскоре после отъезда Бельский стал господарским наместником в имениях Стоклишки, Кормялово и Жижморы Трокского воеводства. Однако уже в 1536 г. он покинул Великое княжество Литовское с целью осуществления своих амбициозных планов и, потерпев неудачу, в 1541 г. вернулся, после чего прожил еще несколько лет. Имениями на вотчинном праве он не владел⁸⁷.

Куда лучше свои возможности использовал Ляцкий. Сигизмунд сделал его наместником в имениях Высокий Двор и Желудок того же Трокского воеводства. Приблизительно через 10 лет он упоминается как державца в Медниках. Это наместничество находилось на первом месте в списке урядов столичного Виленского воеводства, тогда как высокодворское — только на 13-м среди урядов воеводства Трокского (державка Бельского занимала 14-е место⁸⁸). Ляцкий также имел некоторые владения на вотчинном праве, однако, как представляется, они не были обширными. Необходимо отметить, что Иван Васильевич являлся одним из самых образованных людей своего времени. Он помог немецкому картографу Антонию Виду составить карту Московии. Как говорил сам А. Вид, Ляцкий был пожалован Сигизмундом «из-за своей мудрости и одаренности в искусстве»⁸⁹.

Наконец, нельзя не упомянуть о последнем великом князе Рязанском Иване Ивановиче. Как известно, он бежал из заточения в Москве в 1521 г. Сигизмунд пожаловал его Стоклишским наместничеством, которое после его смерти в конце 1533-го — начале 1534 г. досталось С.Ф. Бельскому (вместе с Кормялово и Жижморами). Иван Иванович отметил лишь тем, что наделал долгов⁹⁰. Похоже, что бывший рязанский властитель попросту спивался⁹¹. За 20 лет пребывания в Великом княжестве Литовском почти не

⁸⁷ Кром М.М. Судьба авантюриста. С. 101, 106, 108–114; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 6; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 159–162.

⁸⁸ Кром М.М. Судьба авантюриста. С. 108, прим. 64; ЛМ. Кн. 7. С. 609, № 373.

⁸⁹ Boniecki A. Poczety godów. S. 164; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 68–69; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 162–163.

⁹⁰ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 411; Казакоў А.У. Лёсы маскоўскай знаці. С. 159.

⁹¹ Посетивший Ивана Ивановича новгородский купец Кузьма Патрикеев говорил, что он «пьет добре и просто, как не государственной обычей» (Сметанина С.И. Новый документ о пребывании рязанского князя Ивана Ивановича в Литве // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. С. 16).

оставил о себе сведений и последний тверской князь Михаил Борисович, которого уже не было в живых к 1505 г.⁹²

Из этого обзора видно, что Юрлов отличался от других эмигрантов размерами своих владений. Прежде всего это касается его сравнения с князем Борятинским. Оба приехали в Великое княжество Литовское в одно время, и о них есть сведения в переписи 1528 г. Борятинский был в 2,5 раза «беднее» Юрлова и должностей не занимал. В одном ряду с ним можно поставить и князя Шуйского. Самых больших успехов в качестве урядника достиг Ляцкий, но он имел куда более высокие стартовые позиции, чем Юрлов. Однако при этом Ляцкий не мог похвастать такими же владениями. Правда, здесь нужно учесть, что земельный фонд в распоряжении государя за 10–30-е гг. XVI в. значительно сократился, о чем было сказано выше. Можно предположить, что, если бы Ляцкий (со всем своим «весом» начала 30-х гг.) отъехал к Сигизмунду на рубеже первой и второй декады, вполне возможно, что он мог бы достичь более высокого имущественного положения, нежели Юрлов. Примечательно, что механизм адаптации на начальной стадии у них обоих был одинаков: получение незначительного уряда в первое время после приезда в княжество, чуть позже (или одновременно) пожалование кое-каких земель в вотчину. В дальнейшем же многое зависело от них самих.

Что позволило Ивану Тимофеевичу Юрлову достичь своего положения в Великом княжестве Литовском, кроме известности рода, к которому он принадлежал? Здесь необходимо обратить внимание на то, что за его спиной часто стояли первые вельможи государства, радные паны. По их просьбе («на причину панов рад наших», «на жеданье панов рад наших») государь выдал Юрлову привилеи 26 января 1516 г. и 8 декабря 1522 г.⁹³ Как мы уже увидели, во время борьбы за ясвоинское наместничество за Юрлова ходатайствовала не только рада, но даже Бона. Иван Тимофеевич верно служил Сигизмунду, что тот неоднократно отмечал в своих привилеях стандартными формулировками типа «для его к нам верное и справедливое службы». Однако, учитывая благосклонность к Юрлову радных панов, можно предположить, что пользу он приносил не лично великому князю, а Великому княжеству. Прося Сигизмунда вернуть Юрлову ясвоинскую державу, паны рада, видимо, напомнили ему о заслугах москвитина, конкретизируя их. Об этом свидетельствует то, что в соответствующем привилее вместо стандартной формулы было написано: «памятаючи на его верныи а

⁹² Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy*. S. 547–548.

⁹³ АМ. Кн. 9. С. 179, № 217; АМ. Кн. 12. С. 179, № 104.

пильными послуги, иж он нам, пану своему, заслужовал, як часу битвы великое под Оршою з великим князем московским и в ынших битвах и послугах»⁹⁴.

В чем могли заключаться эти «послуги»? Очевидно, что Юрлов как землевладелец должен был идти на войну во главе своего почета (совокупности воинов, выставленных с имений шляхтича). Формулировка «часу битвы великое под Оршою» делает его участие в этом сражении гипотетическим⁹⁵. Однако нет сомнений, что Юрлов каким-то образом в Оршанской кампании 1514 г. отличился. Возможности проявить себя на военном поприще было предостаточно: война между Вильной и Москвой длилась 10 лет, т.е. около половины того времени, что Юрлов провел в Великом княжестве Литовском. Видимо, не случайно в привилее говорилось о неких «ынших битвах и послугах». Что подразумевалось под иными «послугами», трудно сказать. В дипломатических миссиях Юрлов не участвовал. По крайней мере, об этом не находим сведений в источниках. Не исключено и даже вполне возможно, что москвитин мог предоставить актуальную для виленского двора информацию в условиях начавшейся в 1512 г. войны с Москвой. В отличие от И.В. Ляцкого и С.Ф. Бельского, Юрлов важных постов не занимал, однако он принадлежал к старомосковской знати и был близок ко двору (вспомним, что он назван среди лиц, которые сопровождали великого князя в 1495 г.). Следовательно, кое-какой информацией он мог обладать, например, о состоянии московских военных сил, отношениях между воеводами и т.п. Известно, что Бельский и Ляцкий вскоре после отъезда присутствовали на «секретных совещаниях», видимо, как информаторы⁹⁶. Кто составлял круг участников таких совещаний, догадаться нетрудно: монарх и самые высокопоставленные радные паны. Вполне возможно, что и Юрлов присутствовал на подобных заседаниях. В таком случае не удивительно, что члены рады еще и в 1526 г. помнили его заслуги и просили за него великого князя.

Необходимо добавить, что «пожалование» эмигранта из высших кругов московской знати было немаловажно в условиях начавшейся войны. Это служило примером для потенциальных «государевых изменников»,

⁹⁴ Ам. Кн. 12. С. 468, № 608.

⁹⁵ Если все же Юрлов участвовал в Оршанской битве, то там он мог столкнуться в буквальном смысле лицом к лицу со своими родичами. Трое Плещеевых числились среди оршанских пленников, еще двое погибли в этом сражении (Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. 2002. Вып. 7. С. 149–196; Родословная книга. Ч. 1. С. 303).

⁹⁶ Kroniki Bernarda Wapowskiego (1480—1535) / z życiorysem i objaśnieniami J. Szujskiego // Scriptores Rerum Polonicarum. T. 2. Cracoviae, 1874. S. 251; Кром М.М. Судьба авантюриста. С. 106.

которые могли рассчитывать на то же самое, если бы они решились перейти на службу к Сигизмунду. Прямые обращения эмигрантов к своим соотечественникам с призывом последовать их примеру начнут практиковаться позже, во времена Ливонской войны. Однако уже на начало XVI в. Великое княжество Литовское стало традиционным прибежищем для служилого люда из «московской» Руси. В условиях все возрастающей враждебности между двумя государствами в интересах виленского двора было хорошо позаботиться об эмигрантах. Переход слуг от московского великого князя к литовскому можно рассматривать и через призму давнего права феодала на отъезд, которое, однако, в то время в Москве уже не признавалось.

Многие «послуги» Юрлова, кроме того, что были проявлением лояльности к местной власти, обеспечили москвитину необходимую поддержку в первое время его пребывания в Великом княжестве Литовском. Однако имущественное положение москвитина явилось результатом не только пожалований, но и его собственной предприимчивости и рачительности. Как мы увидели выше, некоторые имения он купил, иные взял в заставу, возможно, смекнув, что их владельцу вряд ли удастся вернуть деньги. Насколько можно судить по сохранившимся источникам, Юрлов располагал немалыми суммами. Заботясь о подтверждении своих прав на приобретенные имения, москвитин не жалеет средств на поездку к господарю в Краков, Варшаву и Торунь. Кроме того, он дает в долг деньги и материальные ценности⁹⁷. После смерти Юрлова его жена Ганна унаследовала не только имения, но и немало наличных денег и движимого имущества, в том числе драгоценностей⁹⁸.

И все же нельзя не задать вопрос: какие могли быть препятствия и трудности на пути интеграции москвитина в местный социум?

Необходимо упомянуть о том, что в Великом княжестве Литовском существовал официальный запрет господарю раздавать имения и уряды иностранцам. Эта норма впервые появилась в общеземском привилее Казимира 1447 г., затем повторялась в привилеях его сыновей Александра и Сигизмунда и в итоге была закреплена в трех Статутах 1529, 1566 и 1588 гг. Однако она была направлена против проникновения в Великое княжество

⁹⁷ Кроме упоминавшегося разбирательства между Юрловым и Словиком Ивашковичем, о кредиторской деятельности москвитина свидетельствует перечисление украденных у его вдовы вещей, среди которых были «листы вызнаныи пана Яна Ильинича на триста коп грошей, а Богдана Хрептовича — на полтора ста коп, а Грышка Германовича — на две копе грошей» (ЛМ. Кн. 19. Вильнюс, 2009. С. 81, № 28).

⁹⁸ «...злото, сребро, пенези и иншии многии рухомыи речи» (МВКЛ. Кн. 30. С. 130, № 57).

польской шляхты⁹⁹. К эмигрантам же из иных земель эта норма на практике не применялась. На примере Юрлова (да и других москвичей) видно, что даже в случаях его конфликтов с местным нобилитетом апелляций к этому правовому запрету не происходит. И вообще, никаких следов враждебности местного населения к Юрлову как к чужаку-москвитину в источниках не находим. Последнее наблюдение верно и в отношении других москвичей, современников Ивана Тимофеевича. В потере им ясвоинского наместничества какой-либо этнической подоплеки не прослеживается: как видно, этот уряд был взят у Юрлова, а затем отдан князю Осовицкому по иным соображениям.

Что же касается вопроса о православных в Великом княжестве Литовском, то в историографии на протяжении XIX—XX вв. существовали разные взгляды: от утверждения об угнетенном положении православия до идеи о том, что православное население свободно исповедало свою веру и практически не знало ограничений. Именно второй взгляд получил существенную поддержку в последнее время¹⁰⁰. Даже из практики занятия нескольких самых высоких урядов только католиками могло быть исключение, что видно на примере князя Константина Острожского. Случай Юрлова также показателен: православный иноземец не просто занимал локальный уряд; он был волостным наместником в Жемайтской земле, где господствовало католичество¹⁰¹. Род Хребтовичей, с которым породнился москвитин, также был православным, за исключением Яна Литавора¹⁰². Как было показано выше, это вероисповедание не мешало зятю Юрлова и его братьям занимать высокие посты. Существование благоприятного климата для православных было немаловажным фактором успешной адаптации московских выходцев в Великом княжестве Литовском.

Итак, перед нами предстает московский эмигрант, который, используя все имеющиеся возможности, не просто с легкостью адаптируется в

⁹⁹ *Dąbkowski P.* Stanowisko cudzoziemców w prawie litewskim w drugiej połowie XV i w XVI wieku (1447–1588). Lwów, 1912. S. 19.

¹⁰⁰ *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 81–82. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003. S. 194–196, 200–201.

¹⁰¹ Это замечание касается и князя Матвея Микитинича.

¹⁰² Кшиштоф Петкевич отмечал, что о вероисповедании Хребтовичей времен Александра нет точных данных, однако он предполагал, что они были католиками (*Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. S. 112). Но, как показал Г. Рыжевский, ряд свидетельств в пользу православия делает такое предположение несостоятельным. В частности, имеются сообщения о том, что Мартин и Федор были похоронены в православной церкви Святого Дмитрия в своем родовом имении Щорсы (*Ryżewski G.* Ród Chreptowiczów. S. 73–75).

Великом княжестве Литовском, но и занимает достаточно прочные позиции в среде шляхты. Он пользуется всей полнотой прав, которыми был наделен местный нобилитет, не испытывая трудностей ни из-за своего происхождения, ни из-за веры. Лишенный авторитета и опыта военачальника, как у Ивана Ляцкого и князя Семена Бельского, не будучи фаворитом великой княгини, как Матвей Микитинич, Юрлов достигает своего положения благодаря верной службе виленскому двору и собственной заботе о своем благосостоянии. Его жизнь в Великом княжестве Литовском является примером максимальной разницы между стартовыми позициями эмигранта-москвитина и достигнутым им статусом.

В заключение стоит сказать несколько слов о потомках Юрлова. Его дочери вступили в брак уже после смерти отца. Старшая, Ганна, вышла замуж за скарбного господарского и державцу аинского Микиту Андреевича, а после его смерти — за господарского дворянина Юрия Едка (Кухмистровича), который одно время служил Боне¹⁰³. Барбара, средняя из сестер, стала женой князя Юрия Боровского, а младшая Катерина вышла сначала за князя Матвея Богдановича Глушонка (Огинского), а затем за Григория Богдановича Воловича¹⁰⁴. Ганна Хребтовна также вступила в повторный брак, став женой Мартина Подсудковского¹⁰⁵. Иван Тимофеевич Плещеева Юрлов потомков мужского пола, увы, не оставил¹⁰⁶.

¹⁰³ МВКЛ. Кн. 28. С. 67, № 18; МВКЛ. Кн. 30. С. 78, 90, № 12, 22. AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. III. Nr. 28. S. 23; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 145.

¹⁰⁴ МВКЛ. Кн. 30. С. 130–131, № 57; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 293. *Boniecki A.* Poczet rodów. S. 114; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 145.

¹⁰⁵ ЛМ. Кн. 20. Вильнюс, 2009. С. 286–288, № 209. *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 144.

¹⁰⁶ По словам Иоахима Ерлича, у Юрлова был сын Василий. Однако это не подтверждается другими источниками. В частности, во время споров вокруг наследства Ивана Тимофеевича ни о каком его сыне не упоминается (МВКЛ. Кн. 30. С. 130–131, № 57; ЛМ. Кн. 230. Вильнюс, 2001. С. 67, № 55; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. S. 293; *Boniecki A.* Poczet rodów. S. 114–115; *Тесленко І.* Родинний клан Єрличів. С. 145–146). Видимо, отсутствие в княжестве рода, который бы именовался Юрловыми или Плещеевыми, и позволило Ерличу сделать Ивана Тимофеевича своим предком.

Ключевые слова:

И.Т. Юрлов, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, эмигрант.

Alexander V. Kazakov

«FOR HIS LOYAL DUTY TO US...»:

**Ivan Timofeevich Yurlov, of Pleshcheyev kin,
in the Grand Duchy of Lithuania.**

The article focuses on the life of Ivan Timofeevich Yurlov, of Pleshcheyev kin, in the Grand Duchy of Lithuania. It considers the situation of the Pleshcheyev kin in the Grand Duchy of Moscow, the circumstances and possible reasons of I.T. Yurlov leaving and analyzes his position in the Grand Duchy of Lithuania. The article notes that I.T. Yurlov became a prosperous landowner, on one hand thanks to the award of the Grand Duke Sigismund, on the other hand — thanks to private enterprise. His acquisition of a sufficiently high social status contributed to his marriage with the representative of a well known family in the Principality — Chreptowicz. I.T. Yurlov's career as an «uryadnik (constable)» developed with controversy, for subjective reasons.

The main factor by which I.T. Yurlov managed to take a high position in the environment of the local Szlachta (gentry), was his faithful service at the Vilna court — it seems that it was mainly his participation in hostilities against their former sovereign during the war years 1512–1522, including the Orsha campaign of 1514. His loyal service to the Grand Duchy of Lithuania provided I.T. Yurlov the support of top officials. Among other Moscow natives of that era, I.T. Yurlov is one of the most successful examples of the integration of immigrants into the society of the Grand Duchy of Lithuania, which had become a prerequisite for Muscovites' favorable socio-cultural climate that existed in the country at that time.

 Казакoв Александр Владимирович

кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Беларуси
и политологии Белорусского государственного технологического
университета (Минск, Беларусь)

Р. Яворский, Д. Шульц*

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1385—1569 гг. В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX—XXI В.

Исследование отношений Польского королевства с Великим княжеством Литовским является одним из самых важных направлений польской историографии. Вряд ли это может вызвать удивление — польско-литовский союз на столетия определил историю польского народа и государства. Можно даже

сказать, что его последствия (несмотря на то, что уния распалась вместе с III разделом Речи Посполитой в 1795 г.) до сих пор дают о себе знать, к примеру, в отношениях современной Республики Польша с ее восточными соседями.

В короткой статье невозможно подробно рассмотреть даже хотя бы главные направления исследований. Поэтому ее текст решено разделить на три части: в первой дается характеристика наиболее крупным польским историкам, которые посвятили свои работы проблематике польско-литовских отношений в Средние века и в старопольский период (до 1569 г.); остальные две части посвящены рассмотрению двух проблем, вокруг которых польские историки вели оживленные дискуссии (причем не только между собой), а именно Кревского акта 1385 г. и Люблинской унии 1569 г.

* Перевод с польского А.Б. Плотникова

Крупнейшие представители польской историографии — исследователи отношений Польского королевства с Великим княжеством Литовским

К первой половине XIX в. относятся работы «отца польской историографии» и так называемой «лелевелевской» исторической школы Иоахима Лелевеля, исследователя истории не только Литвы, но и Польши¹. Затем, чуть позднее, свой вклад в изучение польской и литовской истории внесли Юзеф Шуйский² и Казимир Стадницкий³.

Однако особая интенсификация исследования интересующей нас проблематики произошла только на рубеже XIX—XX вв., когда писали и публиковали свои работы такие историки, как Анатолий Левицкий, Франтишек Черный, Михал Бобжиньский, Станислав Кутшеба, Владислав Семкович, Людвик Финкель, Фридерик Папее, Казимир Пулаский, Виктор Чермак, Освальд Бальцер, Людвик Колянковский, а также еврейско-немецкий историк, родившийся в Гнездно, Якоб Каро, многотомная «История Польши» которого еще при его жизни была издана на польском языке⁴. Пожалуй, самой важной публикацией рубежа XIX—XX вв., в которой рассмотрены отношения Польши и Литвы, стала работа С. Кутшебы «Очерк истории строя Польши» (т. 1. «Корона»), первое издание которой вышло в Львове в 1905 г. Причем Кутшеба был первым исследователем прошлого польско-литовских отношений, рассматривавшим их с историко-правовой точки зрения⁵.

Выдвинутые Кутшебой положения быстро получили широкое распространение в значительной мере благодаря переводу его книги на русский язык (1907 г.), а также предложенной автором структуры своей ра-

¹ *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844; tenże, *Historia Polski do końca panowania Stefana Batorego*, opr. *L. Kolankowski*. Warszawa, 1962.

² Zob. min. *Szujski J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań. T. 2. Lwów, 1862.

³ *Stadnicki K.* O tronie elekcyjnym domu Jagiellonów w Polsce. Lwów, 1880.

⁴ *Lewicki A.* Sprawa unii kościelnej za Jagiełły. «Kwartalnik Historyczny», 11, 1887. S. 311–312, 326; tenże, *Zarys historii Polski*. Warszawa, 1925; *Czerny F.* Panowanie Jana Olbrachta i Aleksandra Jagiellończyka (1492–1506). Kraków, 1871; *M. Bobrzyński.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1879; *Pułaski K.* Przyczynek do elekcji Zygmunta I w Litwie i w Polsce, [w:] *Szkice i poszukiwania historyczne przez K. Pułaskiego Ser. I.* Kraków, 1887. S. 71–73; *Caro J.* Dzieje Polski. T. 5–6. Warszawa, 1900; *Papee F.* Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. 1, Kraków, 1903; *Czermak W.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432–1563). Kraków, 1903; *Balzer O.* *Historia ustroju Polski*, wyd. 2. Lwów, 1907; tenże, *Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej*. Lwów-Warszawa, 1919; *Finkel L.* *Elekcja Zygmunta I. Sprawy dynastii jagiellońskiej i unii polsko-litewskiej*. Kraków, 1910.

⁵ Por. *Vetulani A.* Stanisław Kutrzeba — historyk prawa, «Kwartalnik Historyczny» [dalej: KH], 54. 1947. S. 32.

боты — ограничения текста лишь необходимым минимумом, емкости изложения, ясной и убедительной формы своих тезисов. Ее выход в свет пришелся на период оживления среди поляков национально-освободительных настроений. По убеждению Адама Ветулани, эта работа «выдержала испытание научной критикой» (в том числе со стороны Станислава Эстрейхера⁶), а ее автор несколькими годами позднее снискал себе репутацию главного знатока истории польско-литовских отношений⁷. Однако прежде чем Кутшеба опубликовал второй том своей «Истории», посвященный на этот раз Литве, в 1914 г. в коллективной работе «Польша и Литва в историческом отношении» появилась его статья «Уния Польши с Литвой». Еще в 1911 г. им была прочитана публичная лекция под тем же названием, имевшая подзаголовок «Проблема и метод исследования»⁸. Несмотря на ценность этой работы даже ученик Кутшебы, упомянутый уже А. Ветулани, позднее признавал, что сознательное сосредоточение мастера исключительно на правовых вопросах и оставление им без внимания политических аспектов польско-литовской унии «явилось несомненной потерей для польской науки»⁹.

В острую полемику с положениями, содержащимися в «Истории» Кутшебы, уже в 1907 г. на страницах «Квартальника исторического» вступил другой крупный исследователь польско-литовских отношений Освальд Бальцер. В историю вошли его университетские лекции¹⁰. Правда, сам он считал, что они «в совокупности еще не являются зрелым обобщением», и перед смертью запретил их публикацию, тем не менее они все-таки были изданы¹¹.

В подготовке знаменитого дипломатария польско-литовской унии, изданного в 1932 г., Кутшебе помогал Владислав Семкович¹². Уже в то время он был известным геральдистом, генеалогом и сфрагистом, обратившим на себя особое внимание изучением проблемы «гербового усыновления» литовского боярства польской шляхтой, имевшего место в связи с заключением Городельской унии 1413 г., а также сфрагистическим изучением

⁶ Tenże, Kutrzeba Stanisław Marian, pseud. Władysław Wyrwa (1876–1946), [w:] «Polski Słownik Biograficzny» [dalej: PSB]. T. 16. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1971. S. 314.

⁷ Там же. S. 315.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Stanisław Kutrzeba — historyk prawa. KH. 54. 1947. S. 33.

¹⁰ Zob. m.in. Balzer O. Historia ustroju Polski, wyd. II. Lwów, 1907.

¹¹ Red., Balzer Oswald Marjan (1858–1933), [w:] PSB. T. 1. Kraków, 1935. S. 246.

¹² Akta unji Polski z Litwą 1385–1791, wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. Kraków, 1932.

Иоахим Лелевель

документов последней¹³. Ограничивая свои научные интересы польско-литовскими отношениями на рубеже XIV—XV вв., он изучал также публично-правовое положение Владислава Ягелло в Короне¹⁴.

Самой значительной работой Фридерика Папее, посвященной польско-литовским отношениям, стала «Польша и Литва на исходе средних веков» (т. 1 «Последние двенадцать лет Казимира Ягеллончика»), изданная в Кракове в 1903 г., которая была результатом почти 30-летних непрерывных исследований автора¹⁵. Его особенно привлекал период 1480–1506 гг., происходившие тогда политические и общественные изменения в Литве и Польше, а также проводимая государствами Ягеллонов внешняя политика¹⁶.

Накануне Первой мировой войны особые заслуги в изучении польско-литовских отношений первого десятилетия XVI в. принадлежали прежде всего Людвигу Финкелю, автору работы о польско-литовской

¹³ Por. M. Friedberg, S. Mikucki. Władysław Semkowicz (9. V. 1878–19. II. 1949). KH. 57. 1949. S. 331; K. Tymieniecki. Śp. prof. Władysław Semkowicz (9 maja 1878–19 luty 1949), «Roczniki Historyczne» [dalej: RH]. 18, 1949. S. 452–453.

¹⁴ Zob. K. Tymieniecki. Śp. prof. Władysław Semkowicz (9 maja 1878–19 luty 1949). RH. 18. 1949. S. 462. Nr 7 (bibliografia prac za 1899 r.).

¹⁵ Por. W. Bieńkowski. Papée Fryderyk (1856–1940), [w:] PSB. T. 25. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1980. S. 162.

¹⁶ Tamże. S. 163.

унии и наследовании Сигизмундом Старым польского и литовского престолов¹⁷. Ее появление было результатом обширных изысканий автора в немецких, австрийских, венгерских, российских и итальянских архивах¹⁸. Теофиль Модельский в пространной посмертной статье о Финкеле назвал его «Элекцию» «фундаментальнейшим и наилучшим его трудом, проясняющим... отношение династии (Ягеллонов. — Д. Ш.) к польско-литовской унии»¹⁹. В свою очередь, по мнению Оскара Халецкого, высказанному им в аналогичной статье по тому же поводу, самым большим достижением Финкеля было обращение внимания при изучении истории польско-литовской унии на «династический фактор», а именно, на роль правящей династии Ягеллонов в деле заключения союза Польши с Литвой²⁰.

В межвоенный период выделяются исследования Оскара Халецкого, Яна Домбровского, Мариана Гумовского, Алиции Вилькевич-Вавжиньчиковой, Хенрика Ловмянского, а также уже упоминавшихся Л. Колянковского, С. Кутшебы и Ф. Папее²¹. По мнению известного историка права Юлиуша Бардаха, польско-литовская уния стала предметом стро-

¹⁷ *Finkel* L. Op. cit., passim.

¹⁸ Red., *Finkel* Ludwik Michał Emanuel (1858–1930), [w:] PSB. T. 6. Kraków, 1948. S. 468.

¹⁹ *Modelski* T. Ludwik Finkel 20.III.1858–24.X.1930. Zarys biograficzny. KH. 46. 1932. S. 121.

²⁰ *Halecki* O. Ludwik Finkel jako historyk ostatnich Jagiellonów. KH. 45. 1931. S. 245.

²¹ Tenże. Dzieje unji jagiellońskiej. T. 1–2. Kraków, 1919–1920; Tenże. Dzieje unji kościelnej w Wielkim Księstwie Litewskim (do r. 1596), [w:] Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie, 17–20 września 1935 r., cz. I, Referaty. Lwów, 1935; Tenże. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego, [w:] «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny», ser. 2, t. 34. Kraków 1916; tenże, O unji jagiellońskiej (zarys rozwoju). Warszawa, 1920; Tenże. Od unii florenckiej do unii brzeskiej. T. 1. Lublin, 1997; Tenże. Sejm obozowy szlachty litewskiej pod Witebskiem 1562 r. i jego petycja o unię z Polską, «Przegląd Historyczny» [dalej: PH]. 1904; Tenże. Unia Polski z Litwą a unia kalmarska, [w:] Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby. T. 1. Kraków, 1938; *Wilkievicz-Wawrzyńczykowa* A. Spory graniczne polsko-litewskie w XV–XVII. Wilno, 1938; *Kutrzeba* S. Charakterystyka państwowości polskiej. Kraków, 1916; Tenże. Historia ustroju Polski w zarysie. Korona, wydanie 9. Poznań, 2001; Tenże. Kilka kwestyi z historii ustroju Polski. Przyczynki i polemika. KH, 20. 1906; Tenże. Sejm walny dawnej Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1922; Tenże. Skład sejmu polskiego 1493–1793. PH. T. 2, 1906; Tenże. Unia Polski z Litwą, [w:] Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1913; *Kolankowski* L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 (1377–1499). Warszawa, 1930; Tenże. Jagiellonowie i unja. Lwów, 1936; Tenże. Jagiellonowie i unja, [w:] Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich... cz. 2 (Protokoły). Lwów, 1936; Tenże. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne, wyd. II. Olsztyn, 1991; *Gumowski* M. Mennica wileńska w XVI–XVII wieku. Warszawa, 1921; *Dąbrowski* J. Dzieje Polski średnio-wiecznej. T. 2. Kraków, 1926; *Papée* F. (rec.), *Kolankowski* Ludwik: Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1, 1377–1499. Warszawa, 1930. KH, R. 44. Z. 3.

го научного рассмотрения польской историографией лишь после 1944 г. Он убежден, что в межвоенный период научная дискуссия на эту тему находилась еще в известной мере под влиянием текущей политики, прежде всего спора между возвращающимися к идее унии так называемыми федералистами, группировавшимися вокруг маршала Польши Юзефа Пилсудского, и «Национальной демократией» Романа Дмовского, считавшей, что Польша должна охватить своими восточными границами только те территории, которые способна ассимилировать²². Недавно свои размышления на эту тему представил Кшиштоф Буховский. Рассматривая польско-литовские отношения в первой половине XX в., он подчеркнул социальный характер споров и взаимной неприязни поляков и литовцев, отмечая при этом, что межнациональное несогласие на польской Виленщине (откуда происходил Пилсудский) и в так называемой Ковенской Литве нашли отражение не только в польской исторической литературе того времени, как то у Кутшебы, Яна Фиялка, Феликса Конечного, Владислава Абрахама и др.²³ По его мнению, типично «польскую» концепцию истории Литвы и ее отношений с Польшей представляли также и некоторые польские историки уже второй половины XX в., такие как Ежи Охманьский или Ян Юркевич²⁴.

Между тем в межвоенный период исследование влияния ягеллонской династии на унию продолжил один из учеников Финкеля Людвик Колянковский, подчеркивавший несовпадение интересов династии с более тесным польско-литовским союзом в правление Сигизмунда Старого. Начиная с 1905 г. он регулярно публиковал свои работы на тему истории Польши и Литвы в XV и XVI вв., хотя к числу наиболее востребованных и чаще всего цитируемых следовало бы отнести, пожалуй, лишь его «Историю Великого Княжества Литовского» (т. 1. 1377–1499 гг.) (Варшава, 1930), а также «Польшу Ягеллонов. Политическая история» (1-е изд. — Львов, 1936), при том что он подготовил также ряд более мелких работ, посвященных отдельным проблемам польско-литовских отношений, таких как Городельская уния или элекция Сигизмунда Старого²⁵.

²² Bardach J. Unia Lubelska. Jej geneza i znaczenie, «Kultura i Społeczeństwo» [dalej: KiS], T. 14 (1970). Nr 2. S. 2; zob. http://biblioteka.teatrnn.pl/dlibra/Content/9168/Unia_lubelska_Bardach.pdf [dostęp: 4.12.2013]. Подробнее на эту тему см.: Buchowski K. Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku. Białystok, 2006. S. 92–94.

²³ Там же. S. 75–88.

²⁴ Там же. S. 89–90.

²⁵ Gieysztor A. Kolankowski Ludwik (1882–1956), [w:] PSB. T. 13. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1967–1968. S. 290–291.

После Второй мировой войны польские исследования истории Великого княжества Литовского, до того ведшиеся в Вильно, переместились главным образом в Познань²⁶. В первые десятилетия после 1945 г. появились заслуживающие внимания работы Сигизмунда Войчеховского, Владислава Почехи, Юлиуша Бардаха, Анны Сухени-Грабовской, Вацлава Урущака²⁷.

²⁶ Por. Z dokonań dydaktyczno-naukowych Zakładu Historii Narodów ZSRR w latach 1949–1990, przyg. W. Pawlikowska i inni, [w:] «Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica» [dalej: LSP]. T. 13. Poznań, 2008. S. 23–215.

²⁷ Wojciechowski Z. Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju, wyd. 2. Poznań, 1948; Tenże. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1979; *Pociecha* W. Czasy Zygmunta Starego. RH. 14. 1947. S. 204; *Bardach* J. Historia państwa i prawa Polski. T. 1. Warszawa, 1965; Tenże. Krewa i Lublin. Z problemów unii polsko-litewskiej, [w:] Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970; Tenże. Litewskość w państwowości i systemie prawa Wielkiego Księstwa w XVI–XVIII stuleciach, [w:] *Tarp istorijos ir butovės: studijos prof. Edvardo Gudavičiaus 70-mečiui*, pod red. A. Bumblauskasa, R. Petrauskasa. Vilnius, 1999; Tenże. Od aktu w Krewie do Zaręczenia Wzajemnego Obojga Narodów (1385–1791), [w:] Unia Lubelska i tradycje integracyjne w Europie Środkowo-Wschodniej, pod red. J. Kłoczowski, P. Kras, H. Łaszkiewicz. Lublin, 1999; Tenże. Początki sejmu, [w:] Historia sejmu polskiego. T. 1, pod red. J. Michalskiego. Warszawa, 1984; Tenże. Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego — pomniki prawa doby Odrodzenia. KH. 81. 1974. Z. 2; Tenże. Trzecizna w litewskim prawie majątkowym XV i XVI wieku, [w:] *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa, 1976; Tenże. Związek Polski z Litwą, [w:] Polska w epoce Odrodzenia. Państwo-kultura-społeczeństwo, pod red. A. Wyczańskiego. Warszawa, 1986; *Sucheni-Grabowska* A. Monarchia dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny, cz. 1, Geneza egzekucji dóbr. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974; Taż. Obowiązki i prawa królów polskich w opiniach pisarzy Odrodzenia, [w:] Między monarchią a demokracją. Studia z dziejów Polski XV–XVIII wieku, pod red. A. Sucheni-Grabowska i M. Żaryn. Warszawa, 1994; Taż. Społeczność szlachecka a państwo, [w:] Polska w epoce Odrodzenia. Państwo-kultura-społeczeństwo, pod red. A. Wyczańskiego. Warszawa, 1986; *Łowmiański* H. Polityka Jagiellonów, do druku przyg. K. Pietkiewicz. Poznań, 1999; Tenże. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983; *Sobolewski* L., *Uruszczak* W. Artykuły mielnicke z roku 1501 r., [w:] «Czasopismo Prawno-Historyczne». T. 42. Z. 1–2 (1990); *Uruszczak* W. Sejm walny koronny w latach 1506–1540. Warszawa, 1980; Tenże. Sejm w latach 1506–1540, [w:] Historia sejmu polskiego. T. I, pod red. J. Michalskiego. Warszawa, 1984; Tenże. «Sejm walny wszystkich państw naszych». Sejm w Radomiu z 1505 roku i konstytucja Nihil Novi. «Czasopismo Prawno-Historyczne». 57. 2005. Z. 1; Tenże. Sejm walny w Radomiu w 1505 roku i jego konstytucja Nihil Novi, [w:] *Radomiensis conventionis decreta Alexandri regis. Konstytucje wieczyste sejmu radomskiego 1505 roku. Radom, 2005*; Tenże. W 500-lecie konstytucji Sejmu Radomskiego Nihil Novi z 1505 roku. [w:] Radom. Praca zbiorowa, wyd. T. *Kasperski*, W. *Stan*. Radom, 2004. Кроме того, необходимо сказать также несколько слов о научной деятельности Хенрика Ловмянского, имевшего уже в межвоенный период большие заслуги перед польской наукой. После Второй мировой войны он неоднократно возвращался к проблемам истории Литвы и ее жителей, правда, почти всегда лишь в случаях работ более широкого плана — о начальных этапах истории славянских и балтийских государств, их духовной и материальной культуре. Но в то же время он активно участвовал во всех

Владислав II Ягелло.
 Портрет работы
 М. Бачиарелли. XVIII в.

В последние годы о себе заявили Кшиштоф Петкевич, Хенрик Люлевич, Анджей Рахуба, Гжегож Блашик, Анджей Закшевский²⁸. Особого внимания заслуживает монументальный многотомный труд Владислава Почехи «Королева Бона»²⁹. Он был сразу же по достоинству оценен, когда в 1958 г. было полностью завершено его издание, прежде приостановленное коммунистическими властями. В том числе в свет вышел и его 3-й том, которого Почеха не смог завершить из-за преждевременной смерти от рака легких³⁰. Точно так же лишь в 1999 г. была издана чрезвычайно важная для изучения отношений Польши с Литвой двухтомная работа Хенрика Ловмянского «Политика Ягеллонов», основанная на его университетском

семинарах и дискуссиях на тему истории Великого княжества Литовского, какие происходили в Познаньском университете (*Pietkiewicz K. Od Wydawcy, [w:] Łowmiański H. Polityka Jagiellonów. S. V–VI).*

²⁸ *Włazczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. II. Cz. 1. Poznań, 2007; Tenże. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002; Tenże. Współdziałanie wojskowe Polski i Litwy w obronie kresów południowo-wschodnich obu państw (do 1569 r.), [w:] Poznań Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego, pod red. Z. Wojtkowiaka. Poznań, 2009; Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002; Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002; Zakrzewski A. B. Recepja ustroju i prawa w Wielkim Księstwie Litewskim, XIV–XVIII wiek, «Studia Iuridica». 40. 2002; Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995.*

²⁹ *Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzie Odrodzenia. T. 1–3. Poznań, 1949–1958.*

³⁰ *Zob. Barycz H. Pociecha Władysław Kazimierz August (1893–1958), [w:] PSB. T. 27. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1983. S. 23.*

курсе лекций, относящемся, скорее всего, к 1942—1948 гг. Автор по разным причинам не успел ее опубликовать в течение своей долгой, 86-летней жизни, трагически оборвавшейся в дорожном происшествии в 1984 г.³¹ О ценности данной работы, как и других работ Ловмянского, убедительно свидетельствуют слова публикатора «Политики Ягеллонов»: «вслед за Яном Длугошем, Адамом Нарушевичем и Иоахимом Лелевелем (...) его (т.е. Ловмянского. — *Пер.*) следует отнести к числу самых выдающихся польских историков-гуманистов»³².

Польская историография о Кревском акте 1385 г.

Как справедливо констатировал Гжегож Блашик, «Кревская уния относится к числу наиважнейших событий в польско-литовских отношениях, и даже шире — в истории Центральной и Восточной Европы»³³. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многоаспектная дискуссия вокруг событий первой половины августа 1385 г., а также их результата — документа, утвержденного 14 августа того же года, его значения и последствий, имеет очень давнюю историографическую традицию. В значительной степени, особенно с конца 70-х гг. XX в., дискуссия на тему Крева проходит в диалоге (нередко переходящем в принципиальный спор) с литовскими исследователями.

Положения документа были следующими:

1. Великий князь литовский Ягелло вместе со своими братьями (до того времени некрещеными), а также шляхтой принимает крещение по западному обряду.

2. Ягелло передает всю свою казну Короне на цели возвращения территорий, утраченных Короной и Великим княжеством Литовским.

3. Будет заключен брак Ягеллы с Ядвигой, «королем» Польши, дочерью Людовика Анжуйского.

4. Ягелло обязуется своим старанием и средствами вновь объединить все утраченные земли Польского королевства.

5. Великий князь Литовский обязуется освободить всех поляков, угнанных в Литву.

³¹ Pietkiewicz K. Od Wydawcy, [w:] *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów*. S. VII—XII.

³² Там же. Strona verso oprawy (nota biograficzna H. Łowmiańskiego).

³³ *Właszczuk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności*. T. I. Trudne początki. Poznań, 1998. S. 195.

Кревский замок.
Гравюра Н. Орды. 1876 г.

б. Ягелло обещает свои литовские и русские земли *applicare* (термин, по-разному переводимый и интерпретируемый) к Короне Польского королевства.

Они стали условием коронации литовского государя в качестве польского короля. События в Крево привели к заключению польско-литовской унии. «Эти постановления стали исходным пунктом всех позднейших уний между двумя государствами»³⁴.

Можно указать три главных направления дискуссии на тему кревских переговоров, Кревского акта и его значения. Первое из них — это размышления о причинах кревских событий, концентрирующиеся вокруг выяснения, какая из сторон была инициатором польско-литовского соглашения (в том числе, кто конкретно выступал в этой роли). Второе направление — это дискуссия о самом акте, его характере, отдельных положениях и особенно по поводу термина *applicare*. Наконец, третье направление, в настоящее время, пожалуй, наиболее широко обсуждаемое, — это инициированная в 80-х гг. минувшего века дискуссия об аутентичности Кревского акта.

Благодаря выходу в свет первого тома монографии упомянутого уже Г. Блащика, посвященной истории польско-литовских отношений, мы располагаем относительно полным подробным обзором существующих в историографии мнений по вышеуказанным проблемам. Автор взял на себя также смелость попытаться дать общую характеристику отдельных линий дискуссии³⁵.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. S. 195–277 (rozdz. IX. Unia krewska z 1385 r.).

В историографии бытуют два мнения относительно инициаторов заключения польско-литовской унии. Наибольшим признанием пользуется утверждение, что инициатива исходила от польской стороны. Такой взгляд, основания для которого могут дать события, непосредственно предшествовавшие заключению унии, а также тон содержания Кревского акта существуют в польской историографии с XIX в. Его приняла также и практически вся литовская историография, поскольку он согласуется с устоявшимся в ней убеждением, что союз Великого княжества и Короны, начало которому было положено в Крево, имел негативные последствия для литовской государственности и литовской нации, и таким образом, трудно представить, чтобы литвины сами активно действовали во вред себе. К противоположным выводам пришел Л. Колянковский, искавший инициаторов унии на литовской стороне³⁶. Позднее этот взгляд развивали Хенрик Пашкевич и Ю. Бардах, обращаясь к тогдашнему геополитическому положению Литвы. Отсутствие в источниках однозначных указаний оставляет проблему инициаторов соглашения до сих пор неразрешенной (на этой позиции стоят Ежи Охманьский³⁷ и Хенрик Виснер³⁸).

Документ, составленный в Крево, вследствие своей формы, отличной от формуляра, характерного для того времени, не поддается однозначной дефиниции. В польской литературе он определяется как «первый preliminary (т. е. предварительный проект. — Д. Ш.) польско-литовского соглашения» или как «протокол переговоров» (Станислав Закшевский)³⁹, как «ратификация прежних соглашений» (Феликс Конечный)⁴⁰, как «перечень итогов предварительных соглашений» (Л. Колянковский)⁴¹, как «констатация обязательств со стороны Литвы» (С. Кутшеба)⁴², как «документ, определяющий условия унии» (Е. Охманьский)⁴³ или же что он «имел исключительно предварительный характер» и «был обещанием выполнения обязательств» (Х. Пашкевич)⁴⁴. Из приведенного выше сопоставления примеров определения, или уточнения, характера документа видно, что исто-

³⁶ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 70.

³⁷ Ochmański J. Historia Litwy, wyd. 2. Wrocław, 1982. S. 68.

³⁸ Wisner H. Unia. Sceny z przeszłości Polski i Litwy. Warszawa, 1988. S. 36.

³⁹ Zakrzewski S. Wypadki z lat 1382–1386 w związku z genezą unii, (w:) Pamiętnik V Zjazdu Historyków Polskich. T. 1. Lwów, 1930. S. 354.

⁴⁰ Koneczny F. Jagiełło i Witold, cz. 1: Podczas Unii krewskiej 1382–1392. «Przewodnik Naukowy i Literacki». 20. 1892. S. 194.

⁴¹ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 33.

⁴² Kutrzeba S. Unia Polski z Litwą, [w:] Polska i Litwa w dziejowym stosunku. S. 456.

⁴³ Ochmański J. Historia Litwy, wyd. 2. Wrocław, 1982. S. 75.

⁴⁴ Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938. S. 339.

Ядвига Анжуйская.
 Портрет работы
 М. Бачиарелли. XVIII в.

рики рассматривали документ под самыми разными углами зрения — от соглашения (или его прелиминария) межгосударственного характера до изложения итогов брачных переговоров. Однако же и на это обратил внимание Блашик, «историки сходятся на том, что Кревский акт 14 августа 1385 г. формально не был актом польско-литовской унии», но являлся «подведением итогов польско-литовских переговоров»⁴⁵. Поэтому вполне логично, что современная польская историография избегает термина «Кревская уния», заменяя его более адекватным определением «Кревский акт». Не так давно Ежи Маньковский нашел объяснение, почему этот акт был датирован 14 августа 1385 г. По его убеждению, это следовало из того факта, что в этот день Ядвиге Анжуйской исполнялось 11 с половиной лет и согласно с условиями, определенными в том числе Фомой Аквинским, она в порядке исключения становилась совершеннолетней, что было необходимо для отмены заключенных прежде соглашений с Вильгельмом Габсбургом. В связи с этим Маньковский определил точную, до сего времени неизвестную дату рождения Ядвиги — 14 февраля 1374 г.⁴⁶

В круг исследований на тему характера Кревского акта вписывается дискуссия по поводу ключевого для его интерпретации понятия

⁴⁵ *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do społeczności. T. I. S. 196.

⁴⁶ *Mańkowski J.* Dzień urodzin i dzień ślubu królowej Jadwigi Andegaweńskiej — nowe odczytanie źródeł, «Newsletter Rocznika Lubelskiego Towarzystwa Genealogicznego. T. V». Nr 1 (2013). S. 7.

applicare. Этот термин определяет вытекающие из акта отношения между Литвой и Польшей. Поэтому для исследователей принципиально важно, что за ним стоит. А поскольку этот термин в Средние века оставался многозначным, то возникло широкое поле для его интерпретации (от «объединения» до «присоединения»)⁴⁷. В итоге историк права С. Кутшеба пришел к заключению, что *applicare* является синонимом латинского *incorporatio*, и следовательно, Литва была присоединена к Польскому королевству⁴⁸. Этот вывод развил Х. Ловмянский, утверждавший, что мы имеем здесь дело с юридическим термином, означающим «перенесение верховных прав с одного их субъекта на другой в полном объеме»⁴⁹.

Эта интерпретация, названная Блашиком «инкорпорационной», была принята польской историографией. Следуя дальше в русле своих рассуждений, Ловмянский пришел к убеждению, что коль скоро дело дошло до инкорпорации, то в соответствии со средневековым правом должен был иметь место инкорпорационный документ, определяющий условия присоединения. Документ этот должен был появиться сразу же после коронации Владислава Ягеллы в качестве польского короля в Кракове (отсюда предложенный Ловмянским термин «краковское соглашение»). Между тем инкорпорационный акт остается, однако, явлением чисто гипотетическим, вследствие отсутствия в источниках каких-либо признаков его существования. Критика взглядов Ловмянского (прежде всего в публикациях Яна Адамуса⁵⁰, а также Х. Пашкевича⁵¹) относительно «краковского соглашения» поставила под сомнение инкорпорационную интерпретацию Кревского акта как таковую. После Второй мировой войны дискуссия в польской историографии на тему *applicare* шла в основном в направлении развития и уточнения инкорпорационной концепции⁵². Между тем, как замечает Блашик, несмотря на «доказательства и признаки» инкорпорации Литвы в Польшу по-прежнему существовала ее государственная обособленность. «В сущности, это *applicare* осталось мертвым

⁴⁷ Более подробно на эту тему см.: *Błaszczuk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. I. S. 235–236.*

⁴⁸ *Kutrzeba S. Unia Polski z Litwą, [w:] Polska i Litwa w dziejowym stosunku. S. 475.*

⁴⁹ *Łowmiański H. Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. LSP. T. 2 (1987). S. 50.*

⁵⁰ *Adamus J. Najnowsza literatura o akcie krewskim, [w:] Wiadomości studium historii prawa litewskiego. T. 1. Wilno, 1938. S. 273–316.*

⁵¹ *Paszkievicz H. W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w., Warszawa 1938.*

⁵² Более подробно на эту тему см.: *Błaszczuk G., Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. I. S. 240–246.*

Плакат в память о Кревской унии.
1861 г.

знаком на пергамене, а фактические взаимоотношения двух государств определяла жизнь»⁵³.

Если дискуссия о деталях заключения соглашения в Крево, а также по поводу интерпретации отдельных его положений продолжается практически с самого возникновения польской историографии нового времени (т. е. с XIX в.), то проблема аутентичности Кревского акта возникла только во второй половине XX в. Ее постановка связана с именем Ионаса Дайнаускаса, литовского ученого-эмигранта, который в 1976 г. опубликовал в Чикаго на литовском языке обширную статью, в свою очередь изданную в 1987 г. в польском переводе⁵⁴. Он высказал мысль, что указанный акт в точно не установленный момент времени был сфальсифицирован поляками. Этот взгляд подвергся аргументированной критике. Ключевую роль в этой дискуссии играет опубликованная в 1992 г. фундаментальная статья Марии Кочерской⁵⁵.

⁵³ *Ochmański J.* Op.cit. S. 76.

⁵⁴ *Dainauskas J.* Kriavo akto autentiškumas, [w:] Liuanistikos instituto 1975 metų suvažiavimo darbai. Chicago, 1976. S. 51–71; (polski przekład:) Tenże. Autentyczność aktu krewskiego, LSP. T. 2. S. 125–144.

⁵⁵ *Koczerska M.* Autentyczność dokumentu unii krewskiej 1385 r. KH. 99. 1992. Nr 1. S. 59–80; zob. też *Korczał L.* O akcie krewskim raz jeszcze (na marginesie rozprawy J. Dainauskasa). «Studia Historyczne». 34. 1991. Nr 3. S. 473–479.

Доказательства своего тезиса литовский исследователь искал как в самом документе, так и в его истории. По его мнению, в пользу фальсификации свидетельствуют использованная в документе титулатура Ягеллы, титулатура на печати князя Витовта, а также не имеющий аналогов формуляр документа. Под сомнение им ставился также (причем без проведения палеографического анализа) характер письма как не соответствующий эпохе, когда этот документ «якобы» должен был быть написан. Важными аргументами было его введение в научный оборот только в XIX в., а также место, где он хранился (архив Краковского капитула, а не Королевский архив на Вавеле).

Всю эту аргументацию М. Кочерская поставила под сомнение. Она убедительно доказала, что титулатура великого князя Ягеллы не является чем-то необычным для канцелярской практики XIV в. То же самое относится и к формуляру документа — он вытекал из самой специфики документа, имевшего характер предбрачного соглашения. Точно так же и характер письма (готический курсив) не вызывает никаких сомнений, — Кочерская, обращаясь к сравнительному материалу, доказывает, что он полностью соответствует письму эпохи. Много места в полемике занимает вопрос о том, что документ стал известен только в XIX в. Такое представление было следствием ограниченного знакомства Дайнаускаса с источниками XV в. Кревский акт известен в близкой по времени копии, на него ссылается в своей хронике Ян Длугош, кроме того, он был использован польской стороной во время переговоров с Литвой в 1448 г. Кочерская дала объяснение и тому факту, что документ хранился в церковном архиве. Это было следствием того, что он являлся предбрачным соглашением⁵⁶. Однако, несмотря на то, что аргументация Кочерской получила широкое признание, дискуссия об аутентичности Кревского акта периодически возобновляется прежде всего литовскими историками⁵⁷.

⁵⁶ *Koczerska M.* Autenticzność dokumentu unii krewskiej... КН. 99. 1992. Nr 1. S. 59–80.

⁵⁷ *Kiaupienė J.* Akt krewski z 14 sierpnia 1385 r.: gdzie kryje się problem — w dokumencie czy w jego interpretacjach? КН. 108. 2001. Z. 4. S. 47–61. Эта работа представляет собой резюме выводов, сделанных группой литовских исследователей при подготовке ими нового научного издания Кревского акта, снабженного обширными комментариями (1385 m. rugpjūčio 14 d. Krėvos aktas [Lietuvos užsieniopolitikos dokumentai. XIII–XVII-Ia.], sudar. J. Kiaupienė, pareng. R. Čapaitė, J. Kiaupienė, E. Rimša, S. C. Rowell, E. Ulčinaite. Vilnius, 2001); полемика: G. Błaszczuk. Czy była unia krewska? КН. 110. 2003. Z. 1. S. 83–96; ответ Ю. Кяупене: *Kiaupienė J.* W związku z polemiką Grzegorza Błaszczuka w sprawie unii krewskiej. Там же. S. 97–103.

Польская историография о Люблинской унии 1569 г.

В польской историографии Люблинская уния оценивается неоднозначно и одновременно по многим пунктам иначе, нежели это делают литовские, белорусские или украинские историки. Достаточно сказать, что, например, по мнению Бронислава Маковского, Люблинская уния и до сегодняшнего дня представляет для Литвы «важную цезуру своей отечественной истории»⁵⁸, тогда как литовские историки Юрате Кяупене и Зигмантас Кяупа подчеркивают, что «в политической культуре Литвы сформировалось совершенно иное (нежели в Польше. — Д. Ш.) видение традиции Люблинской унии. В Литве нет улиц, носящих имя Люблинской унии. Это событие не вспоминают и в политической жизни»⁵⁹. О Люблинской унии как о «компромиссе» убежденно пишет Ежи Клочевский⁶⁰, тогда как белорусская историография XX в. была убеждена в капитуляции литовской стороны на люблинском сейме 1569 г.⁶¹ В свою очередь в польской и литовской историографии господствует более или менее согласное мнение о том, что заключению унии прежде всего способствовала растущая угроза Литве со стороны Москвы⁶². Х. Виснер утверждал, впрочем, что заключение унии с Литвой обеспечило безопасность от Москвы, также и Короны вследствие возникновения между ними буфера в лице белорусских и украинских земель⁶³. Здесь, однако, польские и литовские историки расходятся во мнениях, по крайней мере, с частью украинских историков⁶⁴.

Уже Кароль Шайноха придерживался той точки зрения, что Корона путем осуществленной в Люблине в 1569 г. инкорпорации части терри-

⁵⁸ *Makowski B.* Unia lubelska w ujęciu historyków litewskich XX wieku, [w:] Unia lubelska i tradycje integracyjne w Europie środkowo-wschodniej, pod red. J. Kłoczowskiego. P. Krasa, H. Łaskiewiczza. Lublin, 1999. S. 45.

⁵⁹ *Kiaupienė J., Kiaupa Z.* Unia lubelska 1569 roku, [w:] Historia Litwy. Dwugłós polsko–litewski. Warszawa, 2009. S. 289–290.

⁶⁰ *Kłoczowski J.* Wprowadzenie: Unia lubelska — nowe perspektywy i spojrzenia, [w:] Unia lubelska i tradycje integracyjne... S. 7, 9.

⁶¹ Por. *Maldzisz A.*, Stosunek Białorusinów do unii lubelskiej i tradycji integracyjnych w XX wieku, [w:] Тамże. S. 149–152.

⁶² Por. *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa, 1983. S. 448; *Kłoczowski J.* Wprowadzenie: Unia lubelska..., [w:] Unia lubelska i tradycje integracyjne... S. 6.

⁶³ *Wisner H.* Rzeczpospolita obojga narodów — federacja zwycięzonych czy zwycięzców? Unia Litwy i Polski z roku 1569 w aspekcie militarnym. PH. T. 63 (1972), Z. 4. S. 609.

⁶⁴ *Rok B.* Dzieło sejmu lubelskiego 1569 roku w świetle historiografii narodów dawnej Rzeczypospolitej, [w:] Unia Lubelska 1569 roku w dziejach Polski i Europy, pod red. A. A. Wituska. S. 99–102.

торий Великого княжества Литовского подвела к заключению «тесной унии»⁶⁵. Горячим сторонником тезиса о тесном соединении двух государств в 1569 г. был также Освальд Бальцер, который назвал Речь Посполитую после Люблинской унии «единым, органично сросшимся государственным организмом»⁶⁶. По его убеждению, инкорпорация трех воеводств Великого княжества в Корону не противоречит утверждению, что якобы инкорпорирована была вся Литва, предшествовавшие же инкорпорационные акты, касавшиеся отдельных русских земель Литвы, были следствием продолжительных переговоров и неуверенности в их счастливом завершении, как можно понять из его рассуждений. Также и сохранение действующим II Литовского статута не свидетельствовало, по его мнению, о каком-либо выделении Литвы из нового политического организма, коль скоро даже те земли, которые ранее были инкорпорированы в Корону, как, например, Мазовше, не сразу были подчинены польскому судебному праву. Между тем созыв комиссии, состоявшей исключительно из литвинов, для кодифицирования II Литовского статута и сопоставления его с польским Статутом Лаского (1506 г.), с точки зрения Виснера, «служил, скорее обособленности, нежели единению»⁶⁷. Сохранение названия Великого княжества Бальцер считал сохранением исторического, традиционного территориального определения, сравнивая его с сохранением в 1564 г. наименований уже инкорпорированных тогда в Польшу «Освенцимского и Заторского княжеств»⁶⁸. Литовские должности центрального звена — маршалков и подскарбиев — Бальцер считал «временными» по отношению к аналогичным польским⁶⁹. По его убеждению, после 1569 г. нельзя говорить о польско-литовской унии, поскольку Литвы в государственно-правовом значении уже не существовало⁷⁰. Поэтому он не считал, что установленный в 1569 г. общий сейм имел в качестве образца «parlamentum» Городельской унии 1413 г., поскольку последний давал возможность выступать от имени двух, по существу, су-

⁶⁵ Zob. *Błachowska K.* Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa, 2009. S. 265.

⁶⁶ *Balzer O.* Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej. S. 12. Между тем еще чуть более чем десятью годами ранее Бальцер писал не о тесной унии, а о «создании» Люблинской унией парламентской унии (*Balzer O.* *Historia ustroju Polski.* wyd. 2. S. 404), которую он даже называл «Люблинской парламентской унией» (Там же. S. 456).

⁶⁷ *Wisner H.* *Litwa. Dzieje państwa i narodu.* Warszawa, 1999. S. 58.

⁶⁸ *Balzer O.* Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej. S. 13.

⁶⁹ Там же. S. 15.

⁷⁰ Там же. S. 17.

Люблинская уния.

Гравюра Я. Гербурта. Начало XVII в.

веренных государств, чья воля становилась единой, будучи обращена исключительно вовне⁷¹.

В свою очередь, С. Кутшеба считал, что Люблинская уния была не реальной, а только «феодально-представительной», хотя в целом и невыгодной для Литвы⁷². К признанию федеративного характера новой унии склонялся также О. Халецкий⁷³. Много лет спустя Бардах признал правоту этих суждений, отмечая, однако, что федеративный характер союза двух государств опирался все-таки на реальную унию, а та в свою очередь — на общие институты, такие как монарх, элекция и сейм, хотя они и были немногочисленными в сравнении с институтами, которые остались обособленными⁷⁴. Тот факт, что процесс, начатый актом в Крево и завершённый Люблинской унией, все же не прекращался, но при этом занял два столетия, он объяснял совокупностью факторов, которые, с одной стороны, тормозили этот процесс, а с другой, «толкали его вперед». К последним он относил прежде всего внешнюю угрозу и военную слабость Литвы, влияние на литовскую шляхту программы экзекуционного дви-

⁷¹ Там же. S. 13.

⁷² Zob. *Vetulani A.* Stanisław Kutrzeba — historyk prawa. КН. 54. 1947. S. 34–35.

⁷³ Zob. *Bardach J.* Związek Polski z Litwą, [w:] Polska w epoce Odrodzenia... S. 142.

⁷⁴ Там же. S. 142–143.

жения польской шляхты, а также концепцию реальной унии на основе равнозначности обоих государств, а не инкорпорации. В свою очередь, к числу тормозящих факторов он отнес также пребывание общего монарха прежде всего в Кракове, что вызывало неудовольствие литовских панов-рады⁷⁵.

В настоящее время часть литовских историков, в частности Ю. Кяупене и З. Кяупа, также считает, что Люблинская уния не создавала унитарного государства, а Литва не исчезла и сохранила свою государственность и возможность выражения собственной позиции. Вопреки старому мнению Бальцера, они прямо утверждают, и как представляется, справедливо, что Короне «не удалось совершить давно ожидаемой полной инкорпорации литовского государства»⁷⁶. Очень точным было при этом утверждение Здзислава Качмарчика, что вошедшие в унию государства представляли собой прежде всего «единое целое вовне»⁷⁷, но оставались между собой децентрализованными⁷⁸. Анджей Закшевский высказал недавно мысль о том, что после 1569 г. «обособленность Великого княжества Литовского была, однако, ограничена чувством единства Речи Посполитой Обоих Народов»⁷⁹.

В свою очередь прежний взгляд на сейм как на новый общий институт подвергся не так давно критике со стороны Анджея Рахубы, который заметил, что в действительности это был сейм коронный, лишь расширенный за счет литовского представительства, о котором он пишет как «о скромном, впрочем, и второстепенном, как в плане численности, так и в плане влиятельности»: из 120 сенаторских кресел литвинам было отдано едва 27, а из 113 мест в Посольской избе литовские послы занимали лишь 44⁸⁰. Еще Бальцер отметил, что общие сеймы после Люблинской унии носят наименование «коронных», точно так же как и принимаемые ими конституции⁸¹. Данные литовской шляхте 12 августа 1569 г. на люблинском сейме «господарские отказы» (ответы короля по ее запросам, становившиеся законом) Хенрик Люлевич считает символическим

⁷⁵ Bardach J. Unia Lubelska... KiS. T. 14. Nr 2. S. 6; zob. http://biblioteka.teatrnm.pl/dlibra/Content/9168/Unia_lubelska_Bardach.pdf [dostęp: 4.12.2013].

⁷⁶ Kiaupienė J., Kiaupa Z. Unia Lubelska 1569 roku, [w:] Historia Litwy... S. 291.

⁷⁷ Kaczmarczyk Z. Demokracja szlachecka, [w:] Historia państwa i prawa Polski. T. 2, Warszawa, 1971. S. 39.

⁷⁸ Tamże. S. 40.

⁷⁹ Zakrzewski A.B. Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo-ustrój-społeczeństwo. Warszawa, 2013. S. 272.

⁸⁰ Rachuba A. Litwa w składzie Rzeczypospolitej, [w:] Historia Litwy... S. 87–88.

⁸¹ Balzer O. Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej. S. 16.

рубежом литовского парламентаризма в его прежней форме⁸². А. Рахуба же добавил, что мнение литовских историков о навязывании унии Литве «отмечено политическими предубеждениями, нерационально и имеет мало общего с тогдашней действительностью», приводя в качестве доказательства позицию литовской шляхты, высказавшейся за унию, тогда как прежде паны-рада, принимая решения, вообще не спрашивали ее мнения⁸³.

Реализация Люблинской унии сразу натолкнулась на многочисленные препятствия, которые в течение трехлетия между ее заключением и смертью Сигизмунда Августа (1572 г.) только усилились⁸⁴. (Тем не менее, по мнению Януша Маллака, уния в утвержденной форме смогла просуществовать все последующие 226 лет вплоть до III раздела Речи Посполитой в 1795 г.⁸⁵) Лишь в последнее время реализацию унии в 1569–1572 гг. и немного позднее описали Х. Люлевич⁸⁶ и Хенрик Гмитерек (только пограничные вопросы)⁸⁷, а также Эва Дубас-Урванович⁸⁸ и А. Закшевский⁸⁹. Рахуба же связанные с этой проблемой события выразительно назвал «коррекцией» унии⁹⁰. В свою очередь Анна Сухени-Грабовская составила библиографию конфликта Короны с Гданьском, начавшегося вследствие непризнания городом Люблинской унии⁹¹. Следует, однако, заметить, что перечисленные выше историки сосредоточили внимание главным образом на проблемах узкополитического характера, не затрагивая, например, вопрос о выпуске монет, которые с 1569 г. формально являлись общими для обоих государств, имели одинаковые вес, объем и стоимость, хотя и бились в каждом из государств своим штемпелем⁹².

⁸² *Lulewicz H.* Op. cit. S. 43.

⁸³ *Rachuba A.* Litwa w składzie Rzeczypospolitej, [w:] Historia Litwy... S. 88.

⁸⁴ *Dubas-Urwanowicz E.* Stanowisko Polski wobec unii z Litwą w latach 1562–1574, [w:] Unia lubelska i tradycje integracyjne... S. 92.

⁸⁵ *Mattek J.* O unii lubelskiej z roku 1569 i jej konsekwencjach, «Czasopismo Prawno-Historyczne». T. LX (2008). Z. 2. S. 241.

⁸⁶ *Lulewicz H.* Op. cit., passim.

⁸⁷ *Gmiterek H.* Kompromis polsko-litewski na sejmie lubelskim a problem granicy Korony i Wielkiego Księstwa Litewskiego, [w:] Unia Lubelska-Unia Europejska, pod red. I. Hoffman. Lublin, 2010. S. 95–102.

⁸⁸ *Dubas-Urwanowicz E.* Stanowisko Polski wobec unii z Litwą..., [w:] Unia lubelska i tradycje integracyjne... S. 92–94.

⁸⁹ *Zakrzewski A.B.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.)... S. 262 i nn.

⁹⁰ *Rachuba A.* Litwa w składzie Rzeczypospolitej, [w:] Historia Litwy... S. 90.

⁹¹ *Zob. Sucheni-Grabowska A., Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520–1562.* Warszawa, 1996. S. 395–396, przyp. 1–4, 9.

⁹² *Por. Lelewel J.* O monecie polskiej. Poznań, 1862. S. 27.

* * *

Можно с уверенностью сказать, что польско-литовские отношения останутся в ближайшее время в числе главных исследовательских направлений польской историографии. Несмотря на усилия уже нескольких поколений историков, существует, однако, еще немало вопросов, на которые по-прежнему нет ответа, как, впрочем, и утверждений прежней историографии, требующих уточнения.

Ключевые слова:

Польша, Великое княжество Литовское, польско-литовские отношения (1385–1569), польская историография XIX–XXI вв., Кревская уния, Люблинская уния

Rafal Jaworski, Dominik Schulz

POLISH-LITHUANIAN RELATIONS BETWEEN 1385–1569 IN THE POLISH HISTORIOGRAPHY OF THE XIX — XXI CENTURIES

Research on the relationship of the Kingdom of Poland with the Grand Duchy of Lithuania is one of the most important directions in Polish historiography. This is not — the Polish-Lithuanian union for centuries defined the history of the Polish nation and state. It is possible even to say that its consequences (despite the fact that the union broke with the third division of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1795) are still being felt, for example, in the relationship of the modern Republic of Poland and its eastern neighbors.

In this short article, it is impossible to consider in detail even the main lines of research. Therefore, the authors decided to divide the text into three parts: first, presenting the characteristics of the main Polish historians who devoted their work to the problems of the Polish-Lithuanian relations in the Middle Ages and the Old Polish period (until 1569). The other two parts are devoted to the consideration of two problems around which the Polish historians conducted lively discussions (and not only among themselves), namely the Act of Krewa of 1385 and the Union of Lublin of 1569.

 Яворский Рафал

доктор исторических наук, адъюнкт Университета Яна Кохановского
в Кельцах (Петрково-Трибунальское, Польша)

 Шульц Доминик

магистр, докторант Института истории Университета
Марии Кюри-Скłodовской (Люблин, Польша)

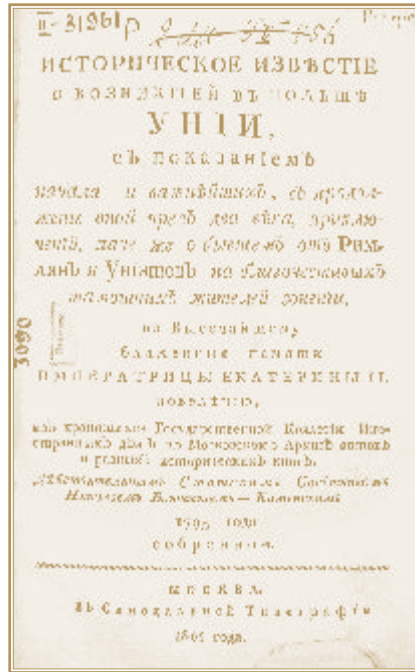
В.А. Воронин

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИКОВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XIV — СЕРЕДИНЕ XVI В.

1805 г. вышла в свет знаменитая книга Н.Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной через два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении». С тех пор вот уже более двухсот лет проблема взаимоотношений между христианами восточного и западного обрядов в Великом княжестве Литовском остается одной из самых популярных и одновременно одной из самых дискуссионных в исторической науке целого ряда стран Восточной и Центральной Европы. Точно так же, как и работа Бантыш-Каменского, которая изначально была подготовлена как записка для российской императрицы Екатерины II, обсуждение этого вопроса в науке зачастую носило остро полемический и сильно политизированный характер. На сегодняшний день существует уже обширная литература по теме. Так, достаточно большое внимание уделено проблеме унии между церквями¹. Немало на-

¹ Наряду с указанной работой Н.Н. Бантыш-Каменского, см. также: *Halecki O. From Florence to Brest. Rome, 1958*; *Марозава С.В. Уніяцкая царква ў культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). Гродна, 1996*; *Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М., 2007. С. 233–434*

Н.Н. Бантыш-Каменский.
 «Историческое известие о возникшей в Польше унии...».
 1805 г.

писано также о правовом положении православной церкви². Однако следует отметить, что степень изученности разных аспектов этой многоплановой темы неодинакова — есть и такие, которые затрагивались лишь спорадически. Кроме всего прочего, исследования нередко страдают схематизмом как в подаче материала, так и в оценках. Задачей данной работы будет выяснение характера взаимоотношений между представителями православной и католической конфессий в течение полутора столетий после того, как Литва приняла крещение по западному обряду, и Великое княжество Литовское официально стало католическим государством. Причем основной акцент будет сделан не на юридической стороне вопроса, которая уже немало изучалась, а на фактическом положении дел.

Вначале отметим, что непосредственные контакты православного населения «русских» земель Великого княжества Литовского с христианами западного обряда начались задолго до официального крещения Литвы. В целом можно сказать, что католичество проникало сюда двумя путями: от

(здесь же другая важнейшая библиография).

² См.: *Боричевский И.П.* Православие и русская народность в Литве. СПб., 1851; *Макарий.* История русской церкви. Т. 9: История Западно-русской или Литовской митрополии. СПб., 1879; *Мальшевский И.И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1897; *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny 1370–1632. Warszawa, 1934; *Łapiński A.* Zygmunt Stary a Kościół prawosławny. Warszawa, 1937.

немцев и от западных славян. Правда, в первом случае это проникновение было связано в том числе с действиями рыцарей-крестоносцев и поэтому нередко (но не всегда) носило конфликтный характер. Более мирным, но и более медленным было проникновение католичества из западнославянских стран. И началось оно еще до того, как католичество приобрело государственный статус в Великом княжестве Литовском. Но уже тогда местные князья проявляли интерес к католичеству и, более того, приглашали в свои города католических монахов.

По всей видимости, в 60-е гг. XIV в. подольский князь Юрий Кориатович основал у себя в Смотриче доминиканский монастырь во имя Божьей Матери. В 1375 г. его брат Александр подтвердил прежний вклад и расширил владельческие права обители³. К сожалению, мы практически ничего не знаем о насельниках этого монастыря. Однако, учитывая близость Кориатовичей к двору польского короля Казимира III Великого, монахи пришли в Смотрич, скорее всего, из Польши. Правда, нельзя исключать и чешского их происхождения.

Но только после Кревского соглашения, заключенного между Великим княжеством Литовским и Польшей в 1385 г., и крещения Литвы в 1387 г. контакты «русских» земель и «русских» подданных Великого княжества Литовского с католичеством приобрели систематический характер и с течением времени только усиливались.

В конце XIV или начале XV в. князь Федор Данилович Острожский основал у себя в Остроге доминиканский монастырь. Интересно, что монахами в нем были не поляки, как можно было бы ожидать, а чехи. Так, в частности, документы называют Яна Чеха, которому был адресована вкладная грамота и который был, по всей видимости, настоятелем монастыря. Между 1443 и 1452 гг. Василий Федорович Острожский подтвердил отцовский вклад⁴.

Думается, стоит подчеркнуть тот факт, что князья-основатели обоих упомянутых выше доминиканских монастырей были православными. И вряд ли можно всерьез вести речь о каком-то принуждении их к постройке в своих вотчинах католических монашеских обителей. Судя по всему, это были вполне добровольные и обдуманые их действия. Как видно, у этих православных не было какой-то антипатии или тем более агрессии по отношению к католикам. Более того, есть немало вполне однозначных примеров того, что православная знать Великого княжества Литовского проявляла немалый и вполне искренний интерес к западному христианству.

³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). Т. 1. СПб., 1846. С. 21.

⁴ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Т. 1. Lwów, 1887. S. 39.

Князь Федор Данилович Острожский (в иночестве Феодосий). *Изображение XIX в.*

Среди таких фактов можно упомянуть, в частности, поездки и целые паломничества православных к католическим святыням. Такие путешествия совершили, например, князья Андрей Ольгердович Полоцкий и Юрий Лугвеньевич Мстиславский.

В июне 1394 г. Андрей Полоцкий, выпущенный незадолго до этого из семилетнего заключения, посетил бенедиктинский монастырь Святого Креста в городке Клепаж, расположенном недалеко от Кракова (теперь это краковское предместье)⁵. Однако эта поездка на богомолье интересна не только тем, что православный князь посетил католическую обитель. Бенедиктинский монастырь в Клепаже вообще был особым, уникальным в своем роде объектом. Он был основан в 1390 г. королевской парой — Владиславом II Ягайло и Ядвигой. Монастырь был организован по образцу известного бенедиктинского монастыря Эммаус (на Слованех) в Праге. Именно из Чехии в Клепаж прибыли первые монахи. В свою очередь, эммаусский монастырь был основан в 1347 г. Карлом IV — чешским королем (с 1346 г.) и императором Священной Римской империи (1347–1378). Он пригласил туда из Хорватии монахов, которые отправляли богослуже-

⁵ Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420. Kraków, 1896. S. 238, 239.

ние на славянском (церковнославянском) языке. На тот момент Хорватия оставалась, пожалуй, единственной славянской католической страной, где, наряду с общепринятой в западном мире латынью, практиковались службы на славянском языке. В церковном обиходе здесь также долгое время употреблялась глаголица. Воспринятое из Хорватии католическое славянское богослужение закрепилось в Эммаусе, а затем было перенесено и в Клепаж. В этом и состояла особенность местного бенедиктинского монастыря. Следует отметить, что монастырь в Клепаже действовал достаточно долго, и службы здесь все время традиционно велись на церковнославянском языке. Эти службы слышал еще знаменитый польский хронист Ян Длугош (1415–1480)⁶. А другой известный польский историк и географ Мацей из Мехова (ок. 1457–1523) вспоминал, что во времена его детства мессы в монастыре Святого Креста служили по-славянски⁷. По всей видимости, знакомый язык сыграл главную роль в том, что Андрей Полоцкий совершил свою поездку на богомолье именно к «порогам Святого Креста». По всей видимости, понимание языка богослужения имело важнейшее значение для Андрея и его спутников. Православная церковь на Руси использовала в службах язык, который был, по крайней мере, знаком верующим. Но ситуация в католическом костеле в то время была совершенно иной. Церковная служба на народных языках здесь была большой редкостью, в этой сфере почти безраздельно господствовала латынь.

Католический костел в Польше был сильно латинизирован, и до XVI в. польский язык там мало использовался. Он был не слишком распространен и в светской письменности. Иным было отношение к национальному языку в Чехии. По-другому, нежели в Польше, относилось к родному языку и местное чешское духовенство. Совсем не случайно Карл Люксембургский основал славянский монастырь в Праге уже на следующий год после того, как стал чешским королем. Наверняка он таким образом стремился завоевать симпатии своих новых подданных. Бенедиктинский монастырь в Клепаже был основан также в первые годы правления Ягайло в Польше. Но в этом случае инициатива, похоже, исходила от его супруги — королевы Ядвиги. Ядвига была глубоко религиозна и стремилась к тому, чтобы ее муж также стал убежденным христианином. Похоже, что именно с целью углубления христианской веры новокрещеного Ягайло, а также его приближенных-соотечественников и была основана обитель в Клепаже. Будучи сыном тверской княжны, Ягайло, без со-

⁶ Długosz J. Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. Księga 10. Warszawa, 1981. S. 238–240.

⁷ Mechovita M. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521. P. 292.

Русское войско встречает литовских союзников — князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского.
 Миниатюра из сказания о Мамаевом побоище. XVII в.

мнений, хорошо знал русский язык. Понятно, что для него богослужение на церковнославянском языке было более доступным, чем служба на совсем уж непонятной латыни. В литературе уже давно было высказано мнение, согласно которому и сам Ягайло, и его придворные активно пользовались чешским языком⁸. Правда, это суждение не было подкреплено конкретными фактами. Тем не менее хорошо известно, что в тот период чешский язык оказывал очень сильное влияние на язык польский. Это сильнейшее языковое влияние проявлялось и в церковно-религиозной сфере. Таким же заметным было влияние чешской церковной жизни на польскую, и оно обозначилось уже на очень раннем этапе. Достаточно упомянуть, что одним из первых и наиболее почитаемых польских святых стал Войтех (Адальберт) — второй по счету пражский католический епископ и представитель знатнейшего чешского княжеского рода Славниковичей. А его сводный брат Радим (Гауденций) стал первым гнезненским архиепископом. Чешская церковная традиция была хорошо известна и в Древней Руси. Так, здесь знали и почитали святого князя Вацлава (в русской версии Вячеслава). Фрески XII в. с его изображением недавно были открыты в Спасо-Преображенском храме в Полоцке⁹.

⁸ Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. T. 1 / wyd. W.А. Maciejowski. Petersburg — Lipsk, 1839. S. 349–350.

⁹ Сарабьянов В.Д. Изображение Вячеслава князя Чешского и патрональная программа в росписях Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке // История и археология Полоцка и Полоцкой земли. Ч. 2. Полоцк, 2013. С. 65–78.

Приверженность чехов своему национальному языку имела глубокие исторические корни. И, очевидно, совсем не случайно она так ярко проявилась в гуситском движении: как известно, проповедь слова Божьего на родном, чешском языке была одним из важнейших требований гуситов (чашников). Чешский перевод Библии был напечатан уже в 1488 г. и стал одним из первых опубликованных переводов Священного Писания на живые народные языки в Европе.

Идеологи гуситов проявляли неподдельный интерес к православию и пытались наладить контакты с «русскими» землями Великого княжества Литовского. В 1413 г. Иероним Пражский, находясь в свите Витовта, посетил Витебск. В том же году он побывал в Полоцке или во Пскове (поскольку по-латински названия этих городов писались очень схоже, то их часто путали). В Витебске Иероним, презрев католическую процессию, открыто примкнул к процессии православных и самым недвусмысленным образом выказал свои симпатии к православной вере. Так, например, он начал поклоняться православным иконам и святым мощам¹⁰.

Наряду с уважительным отношением к родному языку, гуситов сближала с православием и по крайней мере еще одна черта. Речь идет о возможности причащения мирян под обоими видами, то есть в том числе вином. В католической церкви причащение вином было (и до сих пор остается) привилегией духовенства. Именно требование проповеди слова Божьего на родном языке и евхаристия под обоими видами значились на первых двух местах в числе программных «четырёх пражских статей» гуситов¹¹.

В 1447 г. внук Ольгерда, православный князь Юрий Лугвеньевич (кстати, на тот момент княживший в Великом Новгороде), совершил паломничество к «святой крови Вильснака»¹². Деревушка Вильснак, расположенная в немецком Бранденбурге, в эпоху позднего Средневековья была одним из самых почитаемых в католическом мире мест религиозного поклонения. В некоторые годы по количеству паломников Вильснак соперничал со знаменитым испанским Сантьяго-де-Компостела и привлекал пилигримов едва ли не со всего Европейского континента. Как выясняется, бывали там и православные.

Известны также случаи посещения православных обителей католической знатью самого высокого ранга, включая монархов. В сентябре 1543 г.

¹⁰ Сапунов А.П. Витебская старина. Т. 1. Витебск, 1883. С. 27–28, 627–628.

¹¹ См., напр.: Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 96–98.

¹² Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 10. Riga — Moskau, 1896. P. 217; Daniłowicz J. Skarbiec dyplomatów. T. 2. Wilno, 1862. S. 185.

Иероним
Пражский.
*Европейская
гравюра XVI в.*

король Польский и великий князь Литовский Сигизмунд II Август «с многими велможами своими» посетил Супрасльский православный монастырь «церковнаго ради и местнаго видения, и молебнаго пения в святой пресветлой церкви Богородици от начала даже и до конца слушав, и внутри святылища сиречь олтаря быв, и на святой трапезе, святых евангелии и честных крестов и всех сосудов священных оглядев, и по монастырю походяв, и в трапезницы быв, и милостину вбогим дав...»¹³.

Из приведенных фактов видно, что православные и католики в Великом княжестве Литовском довольно широко смотрели на проблему взаимоотношений между восточной и западной церквями, а также между их верующими. Они были очень далеки от черно-белого видения этих взаимоотношений. Контакты между конфессиями в нашей части Европы никогда не прерывались, а тема христианского единства постоянно была на слуху. Периодически поднимался и вопрос о церковной унии. Очень интересно выглядят контакты православных Великого княжества Литовского с Чехией. Важно подчеркнуть, что эти контакты не были связаны ни с политическим, ни с военным давлением католической страны на православную церковь Великого княжества Литовского и ее верующих. Существовали и другие факторы (в частности, язык богослужения), которые сближали стороны и позволяли им уважительно и без конфликтов налаживать связи. Но даже когда давление все-таки было (как в случае с Польшей и Немецким орденом в Пруссии и Ливонии), это все равно не делало католическую

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980. С. 127.

конфессию и католические святыни для православных однозначно чужими и однозначно враждебными.

Не может быть речи о закрытости конфессий. Общение происходило постоянно и на разных уровнях. Более того, мы с полным правом можем говорить о взаимном влиянии православия и католичества. Это относится и к самому Великому княжеству Литовскому, и к соседним с ним странам Восточной и Центральной Европы. Можно привести немало примеров такого взаимного влияния, остановимся лишь на некоторых из них. По свидетельству Яна Длугоша, Ягайло, уже будучи католиком и польским королем, тем не менее отдавал предпочтение греко-византийскому искусству перед «латинским»¹⁴. Так, именно Ягайло финансировал фресковые росписи нескольких католических храмов на территории Польши в византийско-русском стиле. К ним относятся, в частности, прекрасные фрески Троицкой каплицы (часовни) в Люблине¹⁵. Росписи каплицы Святого Креста кафедрального собора на Вавеле в Кракове, которые заказал младший сын Ягайло, великий князь Литовский и король Польский Казимир IV, также выполнены в византийско-русском стиле. Деревянные скульптуры святых Николая и Параскевы Пятницы, привезенные 1540 г. во Псков некими «старцами» из Великого княжества Литовского, хотя и были восприняты там с удивлением и определенным недоверием, тем не менее все-таки были одобрены для поклонения новгородским архиепископом и будущим московским митрополитом Макарием¹⁶. И, как видно, этому не смогло помешать даже то обстоятельство, что поклонение скульптурным изображениям сильно напоминало католическую традицию.

Как известно, привилей, изданный польским королем Владиславом II Ягайло и великим литовским князем Витовтом в 1413 г. в Городло, ограничивал права православной знати. Причем эти ограничения касались сразу нескольких сфер. По сравнению с католиками, православные вельможи были лишены права входить в высший эшелон власти. Так, только «исповедующие католическую веру и подвластные Святой Римской Церкви» получили право занимать важнейшие государственные должности и входить в состав великокняжеской рады. Католикам было запрещено выдавать замуж своих родственниц-католичек за представителей других конфессий. (Кстати, заметим, что этот запрет был ограничением не только для право-

¹⁴ *Dlugossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber XI et XII. Varsaviae, 2001. P. 126.*

¹⁵ *Różycka Bryzek A. Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w kaplicy zamku Lubelskiego. Lublin, 2000.*

¹⁶ Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 109–110.

Успение Богородицы.
 Фреска Троицкой часовни в Люблине. XV в.

славных, но и для самих католиков.) Городельский акт гарантировал имущественные права католиков, и прежде всего право владения землей, но не обеспечил такого права для христиан восточного обряда. Важно особо подчеркнуть, что в городельских документах речь шла о правах и привилегиях представителей именно формирующегося шляхетского сословия, а не о правах православных и католиков вообще.

Городельский привилей регулярно подтверждался. В последний раз это было сделано в 1551 г.¹⁷, но в 1563 г. Сигизмунд II Август отменил действие двух дискриминационных статей, которые ограничивали политические права православных¹⁸. Уравнение же православных в имущественных правах с католиками было проведено еще раньше: в 1432 и 1434 гг. Однако и до официальной отмены упомянутых «политических» статей Городельского привилея закрепленные в них правовые нормы пускали в ход, судя по всему, только в исключительных случаях.

В XV—XVI вв. православные занимали практически весь перечень государственных должностей Великого княжества Литовского. Исключение составляли, пожалуй, только два самых высоких поста: виленского (вильнюсского) воеводы и канцлера, которые начиная с 1458 г. традиционно занимал один человек. Причем были случаи, когда православные вельможи не были допущены к этим должностям явно по причине конфессиональной принадлежности, а правовым основанием этому послужили упомянутые статьи Го-

¹⁷ Archiwum Komisji Prawniczej. T. 7. Kraków, 1900. S. 290, 297.

¹⁸ АЗР. Т. 3. СПб., 1848. С. 118–121.

родельского привилея. Например, так и не стал виленским воеводой и канцлером князь Константин Иванович Острожский (1460–1530). Его заслуги перед государством были велики и, безусловно, превосходили заслуги его главного конкурента — католического магната Альбрехта Мартиновича Гаштольда. Но в результате первым лицом в 1522 г. стал все-таки Гаштольд. Несколько позже претендентом на те же должности был потомок киевских бояр Иван Астафьевич Горностай. В 1539–1542 гг. он даже был «справцей» (исполняющим обязанности) трокского воеводы, в 1549–1551 гг. исполнял обязанности виленского воеводы, долгое время выполнял также функции канцлера¹⁹. Однако ни одну из перечисленных высших государственных должностей Горностай так и не занял. Причина кроется, очевидно, в его православном исповедании. Горностаю не помогло даже то, что он был очень близок ко двору и пользовался безусловным доверием и поддержкой Сигизмунда I, а затем его сына и преемника Сигизмунда II Августа. Именно они и продвигали своего верного слугу по карьерной лестнице. Но даже великие князья оказались не в силах возвести своего протеже на самые верхние ее ступеньки.

Во внутривитальной жизни государства между православными и католиками существовала определенная конкуренция, а значит, и определенная напряженность. Однако эта ситуация во многом была обусловлена именно неравными правами сторон. Опираясь на Городельский привилей, литовская католическая знать всеми силами стремилась отстоять свои исключительные права и господствующие позиции в государстве. Тем самым она пыталась противостоять все возрастающему политическому влиянию православных. На этой почве возникли острые противоречия, например, между Альбрехтом Гаштольдом и православными князьями Константином Острожским и Юрием Слуцким. Гаштольд в конце концов смог занять первый пост в государстве, но Острожский занял второе место. Таким образом, нельзя говорить о том, что Гаштольд одержал решающую победу: Острожский остался весьма влиятельной фигурой в государстве.

В эту непростую ситуацию пытались вмешиваться внешние силы — в частности, магнаты союзной Великому княжеству Литовскому Польши. Как это ни удивительно, но они приняли сторону православной «русской» знати. Например, в связи с переговорами о заключении очередной

¹⁹ Пташницкий С.А. Описание книг и актов Литовской Метрики. СПб., 1887. С. 115; Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy. Kórnik, 1994. S. 52; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy: t. 1: Województwo wileńskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2004. S. 193; Ibid. T. 2: Województwo trockie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2009. S. 227; Грыша А.І. Канцьярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 151.

Эффигия Альбрехта
Гаштольда.
Литография
Ю. Озембловского.
1840 г.

унии между Польшей и Княжеством польская сторона в 1505 г. предлагала, чтобы «в будущем не было никакого различия между русскими и жителями Короны и между русскими и литовцами» (*ut nulla in futurum differentia fieret inter Ruthenos et regnicolas et inter Ruthenos et Lithuanos*)²⁰. И хотя уния тогда так и не была заключена, это предложение поляков выглядит чрезвычайно красноречиво и симптоматично. Таким способом они пытались наладить связи с православными вельможами Великого княжества Литовского «через голову» единоверных литовских католических панов — и фактически против них. Мотивы поляков понятны: они стремились заключить более тесную государственную унию с Великим княжеством, тогда как литовская знать настойчиво защищала суверенитет своего государства. В этой ситуации поляки попытались привлечь к себе в качестве союзников «русских» магнатов и шляхту Великого кня-

²⁰ Akta Aleksandra, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego i t.d. (1501–1506). Kraków, 1927. S. 460.

жества и для этого предложили уравнять их в правах с литовской знатью. Кстати, тот же знаменитый «ревнитель православия» Константин Острожский был убежденным сторонником сближения Великого княжества с Польшей²¹. Он поддерживал самые тесные и самые дружественные связи с виднейшими польскими сановниками, тогда как его отношения с литовскими вельможами были весьма натянутыми.

В истории Великого княжества Литовского XV–XVI вв. достаточно четко прослеживается закономерность, по которой у местных православных всегда был какой-то лидер, который представлял и отстаивал интересы своих единоверцев в государстве. Обычно это был кто-то из светских вельмож, который пользовался благосклонностью государя и который, как правило, занимал высокую придворную должность. В 50-х гг. XV в. таким человеком наверняка был канцлер Михаил Кезгайлович. Именно к нему обращался с просьбой «печаловаться» о делах православных верующих и всей православной церкви в Великом княжестве Литовском московский митрополит Иона²². Стоит особо отметить, что магнатский род Кезгайловичей (Кезгайло) был литовского происхождения и исповедовал католичество. Во времена Александра интересы православных на высшем уровне власти представляла его жена Елена, дочь великого князя Московского Ивана III. На смену ей при Сигизмунде I пришел князь Константин Острожский. А позднее эту роль играл Иван Горностай, который занимал такие важнейшие придворные должности, как земский подскарбий, дворный маршалок Великого княжества Литовского и господарский писарь. «Бог русских» (*Ruthenorum deus*) — именно так назвал Горностая в своем письме к прусскому герцогу Альбрехту Гогенцоллерну от 18 августа 1548 г. Станислав Бояновский, секретарь короля Сигизмунда II Августа²³.

Не в последнюю очередь такой способ защиты интересов православных был вызван к жизни тем обстоятельством, что долгое время права православных были очень слабо обеспечены в официальном законодательстве. А это было очень важно для той политико-правовой системы, которая действовала в Великом княжестве Литовском. Такие законодательные акты, разумеется, издавались, однако все они были посвящены лишь отдельным, частным вопросам. Так, например, в областных привилеях, изданных Витовтом и его преемниками нескольким регионам Великого княжества Литовского, оговаривались имущественные права православной церкви в этих

²¹ Łowmiański H. *Polityka Jagiellonów*. Poznań. 1999. S. 365, 392.

²² Русская историческая библиотека. Т. 6. 2-е изд. СПб., 1908. Стб. 567–568.

²³ *Elementa ad Fontium Editiones*. Vol. XXXVIII. Romae, 1976. P. 63.

Письмо Антиохийского патриарха о даровании ставропигии Львовскому братству.
 Конец XVI в.

областях. Однако действие данных привилегий не распространилось на всю страну. В общеземских привилегиях 1432 и 1434 гг. речь шла о расширении и гарантиях имущественных прав, а также о личной неприкосновенности православной знати. Тем не менее полных политических прав православные феодалы тогда так и не получили. Лишь в конце XV — начале XVI в. были гарантированы права и привилегии православного духовенства. Именно тогда великие князья литовские подтвердили так называемый «Свиток Ярославль» и тем самым обеспечили имущественные права, личную неприкосновенность и судебный иммунитет православному духовенству на территории всего своего государства.

«Свиток Ярославль» был подтвержден великим князем Литовским Александром дважды: сначала 20 марта 1499 г.²⁴ и затем 26 декабря 1502 г.²⁵ При этом можно уверенно утверждать, что это было сделано по ходатайству и при активном участии его жены, великой княгини Елены Ивановны. В пользу этого предположения говорит хотя бы то обстоятельство, что охмистр (распорядитель двора) великой княгини Елены пан Войтех Янович значится как свидетель при издании обеих грамот. А в первый документ он внесен как единственный свидетель.

²⁴ Русская историческая библиотека. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 747–750.

²⁵ Там же. Стб. 830–833.

2 июля 1511 г. великий князь и король Сигизмунд I, на этот раз уже по ходатайству Константина Острожского, вновь подтвердил православному духовенству «Свиток Ярославль» как его «права духовные». Наряду с другими правами, высшим церковным иерархам вновь было гарантировано исключительное право суда над духовными лицами, а также по церковным делам²⁶.

Среди прочего, эти уставные грамоты Александра и Сигизмунда запрещали всем государственным чиновникам вмешиваться в дела православной церкви. И особо эти документы предписывали, чтобы «все князи и панове нашего рымьского закону, какъ духовные, такъ и светские ... кривды церкви Божее и митрополиту и епископомъ не чынили, в доходы церковные и во все sprawy и суды духовные не вступалися».

Но подтверждения «Свитка Ярославля», изданные великими князьями литовскими, вовсе не охватывали всех сфер деятельности православной церкви. Кроме того, они все-таки не гарантировали невмешательства высшей государственной власти в церковные дела. И тем более эти законодательные акты полностью не гарантировали положения православных верующих — в частности, им не была гарантирована сама свобода исповедания.

Характеризуя ситуацию в более общем плане, можно сказать, что в эпоху, когда положение православной церкви и православных верующих не было закреплено законодательно, оно сильнейшим образом зависело от личной позиции и личных решений великих князей литовских. Да и позднее, уже после издания соответствующих законов, у монархов оставалось еще достаточно возможностей для того, чтобы манипулировать положением православных, не особенно оглядываясь при этом на существующие правовые нормы. В пользу этого свидетельствуют хотя бы неоднократные попытки светской власти провести церковную унию. Может быть, в буквальном смысле эти попытки и не были прямым нарушением прав православных, поскольку проводились самой иерархией православной церкви, однако по существу они в корне меняли положение православной конфессии. И именно в такие поворотные моменты отношения между православными и католиками резко обострялись. Известна фраза из отписки Федора Шестакова, датированной 1498 г., когда великий князь Литовский Александр предпринял очередную попытку унии: «Наша русь велми ся съ литвою не любятъ»²⁷. Это утверждение ни в коем случае не может ха-

²⁶ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. Kn. 9 (1511–1518): Užrašymų knyga 9. Vilnius, 2003. P. 76–78.

²⁷ АЗР. Т. 1. С. 177.

рактизовать отношения между представителями восточной и западной христианских конфессий в Великом княжестве Литовском вообще. Но оно четко указывает на то, что мир между ними мог быть легко нарушен неосмотрительными действиями власти — и особенно когда власть предпринимала попытки резко менять существующее положение дел, вмешиваясь в такую тонкую материю, как религия. В стабильной же ситуации отношения между католиками и православными выглядели гораздо более спокойными и дружественными. Вражды и неприязни не было — по крайней мере на уровне повседневного общения. Так, например, когда в 1520 г. в Вильно (Вильнюс) приехал папский нунций Захарий Феррери, среди многочисленных встречавших его местных жителей были не только католики, но и православные («*innumerabili denique ex catholicis, et schismaticis populo*»)²⁸.

Вообще же, острые конфликты между православными и католиками именно на конфессиональной почве были в Великом княжестве Литовском большой редкостью. Конечно, трения между ними случались, но далеко не всегда они были вызваны религиозными расхождениями как таковыми. Неприязнь могла возникать, например, на основе разницы в политических и прочих правах. Кроме того, следует иметь в виду, что характер межконфессиональных отношений в разных социальных группах был разным. В исследовательской литературе уже отмечалось, что самые серьезные разногласия наблюдались между представителями духовенства обеих конфессий. Именно из их среды происходит большинство самых острых выпадов в адрес представителей другой церкви. Что же касается мирян, то здесь отношения между православными и католиками складывались, судя по всему, гораздо гармоничнее и спокойнее.

Не в последнюю очередь этому способствовали частые личные контакты между мирянами, в том числе в области семейно-брачных отношений.

Браки между православными и католиками в Великом княжестве Литовском были вполне обычным явлением. Вероятно, самым знаменитым примером этого рода может служить брак великого князя Литовского Александра и Елены Ивановны, дочери Ивана III. Как ее ни уговаривали, Елена так и не перешла в католичество. Но настаивал на католическом крещении Елены отнюдь не ее муж Александр, а его родственники и приближенные. Это были, в частности, младший брат Александра, гнезненский архиепископ и кардинал Фредерик, а также виленский католический епископ

²⁸ *Ferreri* Z. Vita beati Casimiri Confessoris. [Cracoviae], 1521. F. B[1] (экземпляр Национальной библиотеки Польши, шифр BN XVI.Qu.6981).

Войтех Табор и литовские паны²⁹. Принадлежность к разным конфессиям, судя по всему, не влияла на отношения между самими супругами, и эти отношения складывались вполне благополучно. Во всяком случае, Елена сообщала отцу в Москву о том, что в вопросах веры ей от Александра «налога мало»³⁰. Александр, который отличался набожностью, по всей видимости, проявлял интерес и к православию. В его личной библиотеке были в том числе и православные («русские») книги. Так, в описи личных вещей короля, составленной незадолго до его смерти, среди книг значится в том числе «книжечка, написанная по-русски»³¹. Эта книга могла быть как собственным приобретением Александра, так и, например, подарком жены. Елена имела свою библиотеку. Так, например, известно, что в 1497 г. Иван III прислал в подарок дочери 13 книг³².

Однако все-таки следует иметь в виду, что брак между Александром и Еленой был не совсем характерным, особым случаем, ведь это был династический семейный союз. Как и в любом династическом браке, главную роль в его заключении сыграли соображения политической необходимости и целесообразности. Теми же политическими причинами были обусловлены равный статус супругов и, если можно так выразиться, их конфессиональное поведение. Но обратимся теперь и к другим случаям, которые уже нельзя считать особыми.

Как уже отмечалось, Городельский привилей 1413 г. запрещал католической знати выдавать женщин из своих семей замуж за православных. Тем не менее такие браки заключались. В качестве примера можно привести, в частности, брак знатнейшего православного князя Семена Олельковича (1420–1470) и католички Марии Гаштольд, которая была дочерью виленского воеводы и канцлера Великого княжества Литовского Яна Гаштольда³³. В 1456 г. тесть-католик пытался продвигать кандидатуру своего православного зятя в великие князья литовские³⁴.

Представитель того же княжеского рода Юрий Семенович Олелькович-Слуцкий (ок. 1492–1542) был женат на католичке Елене Радзивилл —

²⁹ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 35. СПб., 1882. С. 421.

³⁰ Там же.

³¹ Akta Aleksandra, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego i t.d. (1501–1506). S. 544.

³² СИРИО. Т. 35. С. 239.

³³ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 329.

³⁴ Dlugossius J. Annales seu Cronicae Incliti Regni Poloniae. Liber duodecimus. Cracoviae, 2003. P. 258; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. T. 2. Warszawa, 1846. S. 250–251.

Александр Ходкевич.
 Портрет конца XVI в.

дочери виленского воеводы и канцлера Миколая Миколаевича Радзивилла. Правда, нужно отметить, что эта женитьба принесла Омельковичу определенные юридические осложнения: ему пришлось просить папу римского Климента VII разрешить семейный союз с католичкой, при этом самому оставаясь в православии³⁵. Папа подтвердил этот брак³⁶. В связи с отношениями, которые складывались в конфессионально смешанных семьях, представляет интерес и еще одна просьба Юрия Слуцкого к папе по поводу женитьбы на Елене Радзивилл. Князь просил римского первосвященника дать разрешение крестить своих будущих детей мужского пола в веру отца, а женского — в веру матери. Однако в письме Юрия Слуцкого была сделана и одна оговорка. Предложенный князем вариант следовало скорректировать, если будут рождаться дети только одного пола. В таком случае конфессию каждого из детей, начиная с третьего ребенка, нужно было обсуждать отдельно. К сожалению, мы не знаем, был ли этот порядок общепринятым правилом в те времена. Но вряд ли в данном случае мы имеем дело с каким-то нововведением. Вероятнее всего, это было уже вполне устоявшееся правило — ведь конфессионально смешанные браки не были редкостью в

³⁵ *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae*. T. 2. Romae, 1861. P. 463.

³⁶ *Ibid.* P. 483, 485.

Великом княжестве. Следовательно, и проблема крещения детей в ту или иную веру была актуальной и наверняка уже имела определенную традицию своего разрешения. Однако это вовсе не означает, что предложенный Юрием Слуцким вариант был единственным. Вполне возможно, что существовали и другие.

И все же хотелось бы отметить, что просьбы и разрешения, подобные описанным выше, носили скорее формально-юридический характер. Достаточно сказать, что очень часто они оформлялись постфактум — когда событие уже произошло и ничего нельзя было изменить. Так, Юрий Слуцкий отправил свое послание римскому папе 15 января 1529 г., а ответ ему был дан только 3 января 1532 г. Сам же брак был заключен в 1530 г.³⁷ Кстати, Юрию Семеновичу Слуцкому и ранее приходилось разрешать разного рода конфессиональные проблемы. Так, например, еще в 1526 г. он основал в своем имении Вейсеях в Литве католический костел³⁸.

Кроме семейных связей, можно привести и примеры духовного родства между католиками и православными. Так, согласно Хронике Быховца, православный князь Юрий Лугвеньевич Мстиславский крестил детей у католика Яна Гаштольда, приходясь ему, таким образом, кумом³⁹.

Еще более необычный пример являет собой следующий случай. Когда в 1485 г. или чуть ранее у смоленского наместника католика Миколая Радзивилла родился сын Юрий, то его крестил местный православный епископ Иоаким⁴⁰.

Киевский воевода православный князь Дмитрий Путятич, который умер в 1505 г., не оставив завещания, за какое-то время до смерти назвал своим душеприказчиком католика князя Михаила Глинского. 29 апреля 1506 г. великий князь и король Александр подтвердил этот поручительный документ⁴¹.

В пользу вполне сносного положения православных в Великом княжестве Литовском свидетельствует переезд сюда их единоверцев из других стран Европы — например сербов после завоевания их родины турками. Так, в Великое княжество Литовское перебрались потомки последних сербских деспотов Бранковичей, а также представители еще одного знатного

³⁷ Kowalska H., Wiśniewski J. Olelkowicz Jerzy. S. 742.

³⁸ Ibid.

³⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 32. М., 1975. С. 159.

⁴⁰ Archiwum Główne Akt Dawnych. Zbiór Dokumentów pergaminowych. Nr 7370.

⁴¹ АЗР. Т. 1. С. 369–371.

Святой Вацлав (Вячеслав).
Фреска полоцкой
Спасо-Преображенской
церкви. XII в.

сербского рода — Якшичи⁴². Анна Якшич вышла замуж за князя Василия Львовича Глинского и, таким образом, приходилась бабушкой Ивану Грозному. Сербские монахи переселялись в православные монастыри Великого княжества Литовского.

Православные вовсе не выглядят забитой и угнетаемой религиозной общиной даже на территории этнической Литвы, в том числе в столице государства — Вильно. Так, около 1540 г. местный католический епископ Павел Гольшанский жаловался королю Сигизмунду I Старому на то, что когда православные женятся на католичках, то «крестят их у рускую веру», и так же поступают, когда покупают невольную челядь⁴³.

Абсолютное большинство фактов, которыми мы располагаем по теме, относится к привилегированным сословиям общества. Гораздо хуже мы знаем положение дел в кругах городского и сельского податного населения. Эта ситуация вполне объяснима, поскольку таково состояние источниковой базы проблемы. Тем не менее до нас все же дошли некоторые факты, которые проливают свет на отношения между горожанами (мещанами) православного и католического исповедания. Одним из примеров этому может служить деятельность так называемых медовых братств. Братства были объединениями городских жителей церковно-благотворительной направленности. Эти объединения существовали в XV–XVII вв. в целом ряде городов Великого княжества Литовского. С середины XV в. известно о су-

⁴² Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 86, 156–157.

⁴³ Kolankowski L. Zygmunt August wielki książę Litwy do roku 1548. Lwów, 1913. S. 363–364.

пеществовании медовых братств и в столице государства — Вильно. Братства состояли из постоянных членов, однако существовала также возможность временного участия в братских заседаниях. Судя по всему, по крайней мере до последней четверти XVI в. вероисповедание братчиков не имело значения. Сохранившиеся уставы братств со всей определенностью указывают на то, что постоянными членами этих организаций, а также временными участниками братских заседаний были как православные, так и католики. В этом отношении не существовало никаких запретов или ограничений. То же самое относится и к социальному составу медовых братств. Из тех же источников следует, что их членами могли быть представители не только городского сословия, но также священники и шляхтичи⁴⁴. Вряд ли существование медовых братств на таких началах было бы возможным, если бы отношения между представителями двух конфессий были напряженными.

Проблема взаимоотношений христиан западного и восточного обрядов в Великом княжестве Литовском отнюдь не ограничивалась пределами его государственной территории, она имела выход и в сферу международных отношений. Но, как и во внутренних делах, ситуация здесь складывалась иногда совершенно неожиданным образом.

Разница в вероисповедании ничуть не помешала великим князьям московским Василию I и Василию II назвать в своих духовных грамотах великих князей литовских Витовта и Казимира опекунами своих сыновей Василия и Ивана, наследников трона⁴⁵.

Вообще, московский фактор играл очень существенную роль в положении православных в Великом княжестве Литовском, а также в их взаимоотношениях с католиками. Правда, приблизительно до последнего десятилетия XV в. это влияние было скорее эпизодическим. А первым из московских правителей, кто начал активно использовать в отношениях с западным соседом конфессиональный фактор, был Иван III.

«Собиратель русских земель» принимал в расчет религиозные соображения уже при заключении брака своей дочери Елены с великим князем Литовским Александром в 1495 г. Позже он вполне откровенно писал об этом Елене: «А какъ ты, наша дочи, къ нему пришла, и язъ чаяль того, что какъ ты къ нему придешъ, ино тобою всей руси, греческому закону, укрепление будеть...»⁴⁶ Особенно ярко позиция Ивана III как защитни-

⁴⁴ Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Т. 10. Вильна, 1879. С. 6; АЗР. Т. 3. СПб., 1848. С. 270–271.

⁴⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 59, 62, 197.

⁴⁶ СИРИО. Т. 35. С. 416.

Князь Михаил Глинский и его дочь.
 Гравюра XIX в.

ка православного населения Великого княжества Литовского проявилась во время войны 1500–1503 гг. Великий князь Московский, собственно, и начал эту войну прежде всего по религиозным мотивам, стремясь предотвратить перевод православных, в том числе своей дочери Елены, в унию или католичество.

В Москве обращали внимание на конфессиональную принадлежность послов, которые приезжали из Великого княжества Литовского. Так, сообщая в январе 1537 г. о прибытии очередного посольства из Вильно, официальный московский «Летописец начала царства» перечислил его членов по именам и при этом заметил: «все римскаго закона»⁴⁷. По всей видимости, в Вильно учитывали этот интерес Москвы и, желая подыграть ей, в каких-то особо важных в политическом отношении случаях отправляли туда в составе посольства православных. И, соответственно, если великие князья литовские не видели необходимости в том, чтобы делать реверансы московским государям, то формировали состав посольства, руководствуясь исключительно своими собственными соображениями. И нередко такие посольства состояли из одних лишь католиков.

Непосредственным толчком к отмене Сигизмундом II Августом двух «политических» статей Городельского привилея в 1563 г. стало взятие Полоцка войсками Ивана Грозного.

Отношения между католиками и православными в Великом княжестве Литовском складывались на весьма своеобразном политическом и демографическом фоне, которому сложно найти аналогии в Европе того времени. Составляя меньшинство населения государства, литовцы-католи-

⁴⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 28.

ки занимали ведущие позиции в его политической системе. В силу этого они смогли создать серьезные законодательные и прочие основания своего привилегированного положения в стране. Однако добиться желаемого абсолютного превосходства им все-таки не удалось. С течением времени становилось все более очевидным, что с православным большинством населения следует считаться, поскольку в противном случае могла возникнуть реальная угроза самому существованию государства или, по крайней мере, его территориальной целостности. Однако на уровне жизни общества все выглядело, пожалуй, не так драматично. Конечно, и здесь взаимоотношения между представителями двух конфессий складывались не всегда просто и не были идиллическими. Однако до серьезных конфликтов на религиозной почве дело практически никогда не доходило. По большому счету, в конфликтах такого рода никто не был заинтересован: ни государственная власть, ни церковь, ни общество. В этом смысле весьма показательная ситуация сложилась в социуме. В целом отношения между православными и католиками в обществе были гораздо более многообразными и гораздо более эластичными, чем то предписывали каноны церкви и законы государственной власти. И, как представляется, именно в обществе были выработаны наиболее эффективные механизмы разрешения возникавших на конфессиональной почве противоречий и проблем.

Ключевые слова:

Городельский привилей, политическое неравноправие, «Свиток Ярославль», уния

Vasilii A. Voronin

ON THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN THE ORTHODOX AND THE CATHOLICS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AT THE END OF THE XIV TO THE MIDDLE OF THE XVI CENTURIES.

The article discusses the main aspects of the relationship between representatives of the two largest religions in the Grand Duchy of Lithuania during the period between the baptism of Lithuania (1387) and the full equalization of rights for both Orthodox and Catholics (1563). The primary goal of this paper is to examine the actual state of affairs, while the legal side of the question, which has been well studied in science, is examined at a lesser extent.

The interaction of Orthodox inhabitants of the country with Catholicism began before the Grand Duchy had been officially recognized as a Christian (Catholic) state. In the second half of the XIV — early XV centuries, some Orthodox Knyazs (princes) in Podolia and Volhynia territories, founded Catholic monasteries in their cities. During this period, the Catholic influence penetrated this area not only from Poland but also from the Czech Republic. Despite the legal restrictions imposed in 1413 by the Horodlo Privilege, Orthodox magnates of the Grand Duchy often held high positions at the national, court and regional levels. In addition, marriages frequently occurred between members of both branches of Christianity — in spite of some limitations, which were recorded in the same Horodlo act. Many existing documents illustrate the situation at the top of society. However, this publication reflects the facts relating to the urban class. It suggests that the situation here, in general, appeared safe. For example, in their work, the church and the charitable «Honey Fraternities» accepted both Orthodox and Catholics. A very important factor in the folding of interfaith relations in the country was the influence of Moscow, whose power particularly intensified during the reign of Ivan III.

The Grand Duchy of Lithuania operated a number of state laws and Church canons, which were intended to regulate relations between the faiths. However, approved rules could not cover all the spheres where Catholics and Orthodox interacted. In addition, actual situations in reality were often quite different from those written provisions. The natural processes of social development have shown that the most effective ways to resolve problems encountered on religious grounds, are developed, as it is demonstrated, by the society itself.

Воронин Василий Алексеевич

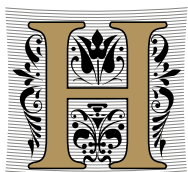

кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории
Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета
Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

С.В. Полехов

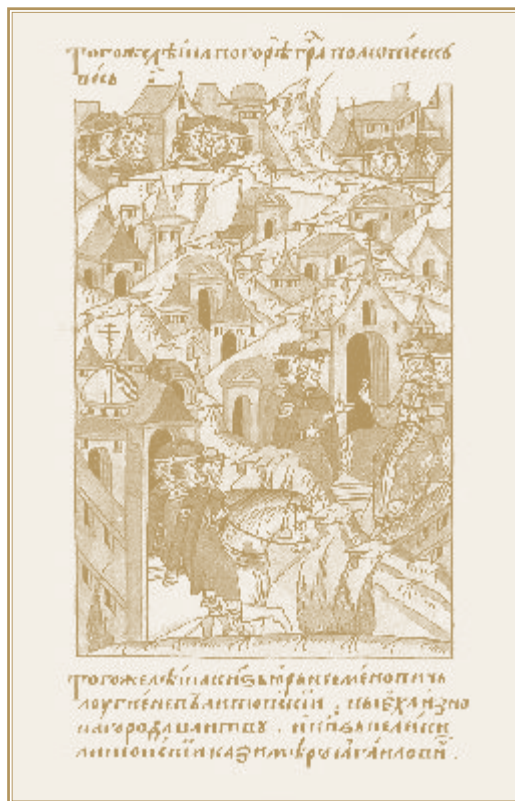
СМОЛЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1440 ГОДА*

а страницах научных и популярных работ и в массовом историческом сознании по сей день можно встретить представление о Великом княжестве Литовском (ВКЛ) «как о каком-то противоестественном соединении разнородных элементов, нежизнеспособном образовании, раздираемом социальными и национально-конфессиональными противоречиями»¹. Это представление

* Исследование выполнено в период постдокторантской стажировки в Вильнюсском университете (проект «Формирование системы управления русскими землями Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.»), финансируемой по проекту Структурных фондов Европейского союза «Осуществление постдокторантских стажировок (постдок) в Литве». Благодарю за ценные замечания и снабжение труднодоступными материалами В.А. Воронина, А.А. Гиппиуса, А.И. Грушу, С.В. Городилина, В.А. Кучкина, О.В. Лицкевича, А.Н. Лобина, П.В. Лукина, В.Д. Назарова, Э. Римшу, А. Рычкова, П.С. Стефановича, Т. Челкиса, М.К. Юрасова, М.А. Яницкого, за предоставление репродукции смоленского герба из рукописи «Armorial Lyncenich» — Э. Римшу, а копии миниатюры Лицевого летописного свода — А.В. Мартынюка. При цитировании неопубликованных документальных источников на старобелорусском языке выносные буквы вносятся в строку курсивом, пропущенные вставляются в круглых скобках, вышедшие из употребления заменяются на современные, за исключением буквы «ять» (ѣ).

¹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 2-е изд. М., 2010. С. 15.

Князь Юрий
Лугвеневи́ч
в событиях 1440 г.
Миниатюра
Лицевого
летописного
свода. Вторая
половина XVI в.

с XIX в. подкрепляется ссылками на социальные и политические конфликты и конфликтогенные моменты, которых в истории ВКЛ было немало, в том числе и в Средневековье. Ситуацию постепенно проясняют конкретно-исторические исследования: на смену представлениям о борьбе национальных и конфессиональных «партий» и даже «начал» пришло понимание того, что конфликтные ситуации часто порождались личными амбициями князей и вельмож, стечением обстоятельств и соперничеством группировок знати, вовсе не обязательно образованных по этноконфессиональному принципу. Это заставляет задуматься над противоположным феноменом — процессом интеграции разных регионов, в частности русских земель, в состав ВКЛ. Какими были пути и средства такой интеграции в условиях Средневековья, когда отсутствовали современные средства управления (бюрократия, армия, полиция) и коммуникации, а письмо еще не завоевало приоритета перед устным словом?²

² Эти вопросы активно обсуждаются в европейской историографии. См., например: Given J. State and society in medieval Europe. Gwynedd and Languedoc under outside rule. New York, 1990; Węcowski P. Mazowsze w Koronie. Propaganda i legitymizacja władzy Kazimierza Jagiellończyka na Mazowszu. Kraków, 2004; Fragen der politischen Integration im mittelalterlichen Europa. (Vorträge und Forschungen / Hrsg. vom Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Bd. 63.) Ostfildern, 2005.

Как представляется, интеграция и отторжение представляли собой две стороны одной медали, и изучать их надо не в отрыве друг от друга, а во взаимосвязи. Важно понять, каким образом то, что совсем недавно представлялось «чужим», вызывало неприятие и отпор, со временем начинало восприниматься как «свое». Для этой цели хорошо подходит Смоленское восстание 1440 г. — малоизученный конфликт, остающийся в тени таких событий, как династическая война 30-х гг. XV в. или «заговор князей» 1481 г. Это событие в научной литературе неоднократно рассматривалось, но в рамках более широких сюжетов — в связи с историей Смоленска и Смоленской земли (Г.А. Бугославский³, Г.А. Ластовский⁴), ВКЛ (М.К. Любавский⁵, О. Халецкий⁶, Л. Колянковский⁷, Х. Яблоновский⁸, В.А. Воронин⁹ и др.), городов и городских восстаний на Руси (Л.В. Черепнин¹⁰, А.Л. Хорошкевич¹¹, А.Ю. Дворниченко¹²). Единственная специальная работа о Смоленском восстании, написанная В. Богдановым, очень поверхностна: автор плохо знает историографию, в особенности зарубежную, а его рассуждения о ходе событий неглубоки и местами никак не связаны с данными источников (так, об участии смердов в восстании источники ничего не сообщают)¹³.

³ Бугославский Г.А. О Борисоглебской церкви г. Смоленска // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск, 1909. С. 177–194.

⁴ Ластовский Г.А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII — начале XVI века. Минск; Смоленск, 2001. С. 126, 132–134.

⁵ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 105, 107.

⁶ Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. T. 1. W wiekach średnich. Kraków, 1919. S. 341–342.

⁷ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1 (1377–1499). Warszawa, 1930. S. 228–229, 232.

⁸ Jablonowski H. Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Großfürstentums Litauen im 15. Jh. (Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 2.) Leiden, 1955. S. 106–109.

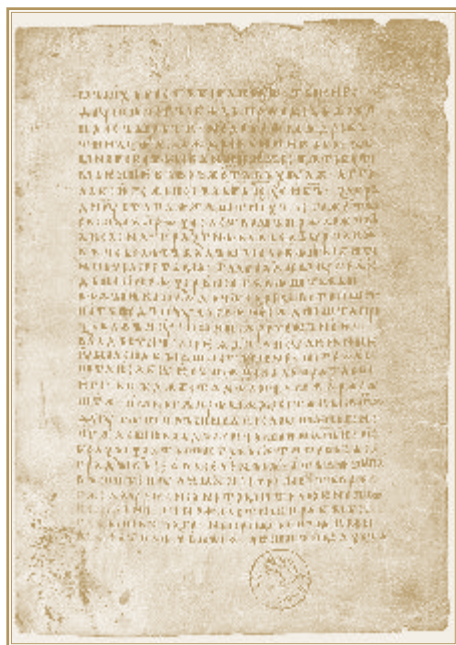
⁹ Варонін В.А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі. Гістарычны партрэт. Мінск, 2010. С. 22–29.

¹⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 772–779.

¹¹ Хорошкевич А.Л. Городские движения на Руси второй половины XIII — начала XVI в. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина. М., 1986. С. 45–46.

¹² Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М., 2013. [Кандидатская диссертация, защищенная в 1984 г.] С. 130–131; *он же*. О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9.) Л., 1985. С. 88–89.

¹³ Богданов В. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 году // Борьба классов. 1936. № 2. С. 51–55.

Страница
Супрасльского
списка.
1519 г.

В целом же в историографии высказывались противоположные мнения о Смоленском восстании: так, по мнению одних ученых, оно свидетельствовало о стремлении смолян отделиться от ВКЛ, по мнению других — о их недовольстве участием в общегосударственной политической жизни.

Основным источником о смоленских событиях 1440 г. для нескольких поколений историков остается летописная запись, составленная вскоре после этих событий их очевидцем в Смоленске. К концу 20-х гг. XV в. при кафедре местного епископа Герасима (будущего митрополита всея Руси) сложился центр летописания и публицистики, активно действовавший на протяжении двух десятилетий¹⁴. В виде, наиболее близком к первоначальному, рассказ о Смоленском восстании сохранился в двух списках первого летописного свода ВКЛ («белорусско-литовского») — Супрасльском 1519 г. и Слуцком (Уваровском) первой половины XVI в. Как показывает их сравнение, Супрасльский список в целом передает первоначальный текст полнее и точнее¹⁵. Из первого летописного свода ВКЛ рассказ о Смоленском

¹⁴ Подробнее см.: *Mikulski J.* Smoleński ośrodek latopisariski w latach 20–50 XV w. // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Т. 33. Białystok, 2010. S. 17–49.

¹⁵ Так, в Слуцком списке отчество смоленского воеводы ошибочно читается «Исаковичь» вместо «Саковичь»; в описании присяги смолян пропущено их обязательство «Вилни не отступати»; частью вооружения смолян, как и в других списках летописных сводов ВКЛ, вместо луков названы сулицы (об этом см. ниже); пропущена фраза «и посла князь Юрьи поимати бояр» (ПСРА. Т. 35. М., 1980. С. 60, 77–78).

восстании был позаимствован во второй¹⁶ и третий своды, созданные в 10–20-е гг. XVI в. Лишь в третьем летописном своде ВКЛ, «Хронике Быховца», он пополнился некоторыми достоверными подробностями, вероятно, восходящими к устной традиции рода Гаштольдов¹⁷ (тем более что участие Яна Гаштольда в подчинении Смоленска Казимиру отмечено в похвале его внуку Альберту, написанной около 1529 г. его писарем Богданом Семашко¹⁸). Следует подчеркнуть, что вопросам текстологии летописей ВКЛ в связи со Смоленским восстанием внимания практически не уделялось, нередко версии одного и того же рассказа использовались как равноправные. Некоторые важные подробности сохранились в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, современном событиям (40-е гг. XV в.)¹⁹, и сочинении участника Ферраро-Флорентийского собора суздальского иеромонаха Симеона «Исидоров собор и хождение его»²⁰.

Гораздо меньшим вниманием пользовался документальный материал, дошедший до нас в составе Литовской метрики и в виде отдельных актов и посланий. Основной интерес в этом смысле представляет «Книга данин Казимира» — древнейшая книга Литовской метрики, сохранившаяся в составе третьей книги записей (по современной нумерации)²¹. По форме «Книга данин» отличается от прочих книг этого собрания: в нее вписаны не столько полные тексты документов, выданных великокняжеской канцелярией от имени господаря, сколько их регесты (далее «записи». — С.П.) — своего рода конспекты, перечень основных элементов формуляра. Точно датиро-

¹⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 109–110, 143, 164–165, 190–191, 211, 232–233.

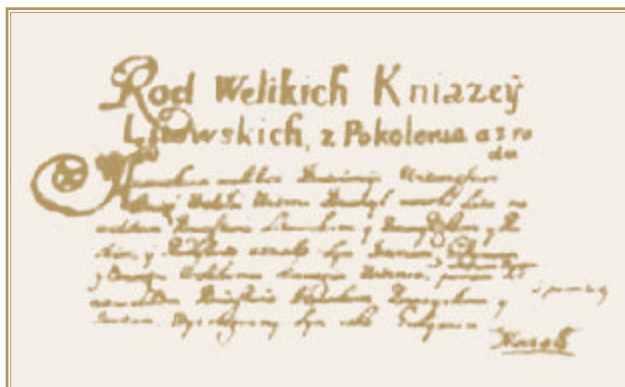
¹⁷ Имею в виду сообщение о наместничестве Яна Гаштольда в Смоленске перед Андреем Саковичем (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 535, 539) и о двух походах литовского войска на Смоленск в 1440 г. (Там же. Стб. 540.)

¹⁸ *Lazutka S., Gudavičius E.* Deodato Septenijaus Goštautų «Panegirika» // Lietuvos istorijos metraštis. 1976 metai. Vilnius, 1977. P. 81–89; *Ochmański J.* Deodatus Septennius — zagadkowy autor «Pochwały» Olbrachta Gasztołda z około 1529 roku // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia Historica. Т. 6. Poznań, 1994. S. 77–82.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПА). С. 420–421.

²⁰ Исидоров собор и хождение его // *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 444–453.

²¹ Непубликованный краковский список «Книги данин Казимира», переписанный одновременно с московским, выявленный в Библиотеке князей Чарторыйских И. Сулковской-Курасевой (*Sulkowska-Kurasiowa I.* Nieznane egzemplarze ksiąg Metryki Litewskiej z lat 1440–1518 // *Кwartalnik Historyczny.* 1983. R. 90. Zesz. 1. S. 119–122), не добавляет ничего нового к сведениям последнего о «вечниках». См.: *Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie* (далее — ВСз), gps 2329, s. 45, 46, 74–76, 78. Как отметила Е.В. Русина, московский список точнее передает текст и полнее по своему составу (*Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 12, прим.).

Рукописная страница «Хроники Быховца».
XVI в.

вать документ по такой записи можно далеко не всегда: в лучшем случае удастся поместить его в определенные хронологические рамки на основе косвенных признаков (имена писарей и должностных лиц, причастных к его составлению, итинерарий монарха, сравнение с другими документами и т.д.). В ряде записей отсутствуют датирующие признаки и локализация объекта пожалования. Иногда хронологические рамки записи бывают достаточно широкими, например, упоминание Яна Гаштольда указывает на 1440–1458 гг., и такую запись сложно приурочить к какому-либо конкретному моменту политической истории.

«Книга данин Казимира» была впервые опубликована в 1897 г. М.В. Довнар-Запольским и с тех пор дважды переиздавалась²², неоднократно изучалась и использовалась историками²³. Как выясняется, она была создана после 1475 г.: в это время ее составители попытались упорядочить записи по географическому принципу. До сих пор не до конца

²² Документы Московского архива Министерства юстиции (далее — ДМАМЮ). Т. 1. М., 1897; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 27. СПб., 1910; Lietuvos metrika (далее — LM). Knyga 3. Vilnius, 1998. На последнее издание даются ссылки в настоящей работе.

²³ Довнар-Запольский М.В. Введение // Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. VI–XIV; Halecki O. Litwa w połowie XV wieku w świetle najdawniejszej księgi metryki (Komunikat) // Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Т. 1. Zesz. 4. Warszawa, 1922. S. 25–26; Ясински А.М. Спроба крытычнага вывучэння Кнігі Данін вялікага князя Казіміра // Гісторыка-археалагічны зборнік. Т. 2. Менск, 1926. С. 155–205; Бережков Н.Г. Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М.; Л., 1946; Груша А.І. Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 103–104; Saviščevas E. Suvaldyti chaosą: Bandyamas naujai tirti Lietuvos didžiojo kunigaikščio Kazimiero suteikčių knyga // Istorijos šaltinių tyrimai. Т. 1. Vilnius, 2008.

ясно, почему в сохранившихся списках «Книги данин» конца XVI — начала XVII в. этот принцип не выдержан полностью, так что одни записи образуют географические группы, другие же идут в произвольном порядке. Недавно литовский историк Эугениус Савищевас попытался датировать и систематизировать записи «Книги данин», разделив их на «предполагаемые акты»: если из идущих друг за другом записей эсхатоколом снабжена лишь последняя, он предлагает объединить их в «предполагаемый акт», считая, что у исходных документов в данном случае был один эсхатокол, и составитель «Книги данин» опустил его, чтобы не повторяться²⁴. Соответственно, датирует Э. Савищевас не отдельные записи, а целые «предполагаемые акты». Однако это, во-первых, противоречит выводу того же исследователя о генезисе «Книги данин»: если ее составные части были перемешаны, то нельзя исключать, что первоначальные «предполагаемые акты» — если они и существовали — были совсем не такими, как сейчас. Во-вторых, деление на «предполагаемые акты» не подтверждается материалами самой «Книги данин». Так, «предполагаемый акт» № 207, по Э. Савищевасу, состоит из двух записей²⁵. В первой из них Казимир подтверждает некоему Яцку Ильиничу права на его владения, во второй разрешает Янку Даниловичу «поняти вдову, Яцкову жону Ильинича» и вступить во владение наследством Яцка. Как видим, первый акт выдан при жизни Яцка Ильинича, второй — после его смерти, поэтому и дата, приведенная в эсхатоколе второй записи (11 февраля 1452 г.), никак не может относиться к первой. «Предполагаемый акт» № 418, состоящий из двух записей²⁶, снабжен заголовком: «Самъ великии князь». Это указывает на период 1440–1447 гг., когда Казимир еще не стал польским королем. Между тем вторая запись этого «предполагаемого акта» имеет указание на 15-й индикт и участие в ее составлении канцлера пана Михаила Кезгайловича, что дает 1451/52 или 1466/67 г. Если добавить к этому, что внутри территориальных групп документы не упорядочены хронологически, а одни и те же лица получали пожалования в разные годы, становятся понятными трудности, которые подстерегают исследователя при работе с «Книгой данин Казимира».

Большинство записей «Книги данин Казимира» при всей своей важности для социальной истории Смоленской земли имеют лишь косвенное отношение к восстанию 1440 г. На их фоне выделяются немногочисленные

²⁴ Saviščevas E. Suvaldyti chaosą. P. 127–128.

²⁵ LM. Kn. 3. P. 30.

²⁶ LM. Kn. 3. P. 45.

Казимир Ягеллон.
 Портрет работы
 М. Бачиарелли. XVIII в.

записи, прямо отразившие это событие. Их имеет смысл привести полностью, снабдив условной нумерацией:

[1.] Ходыще [*так в рукописи, должно быть Ходыще*] ж чотыри ч(о)л(о)-веки и зъ ихъ статьи, вечниковъ: Фролка Фразова а Офанаска, да Сницу²⁷, да Нефедька Красел(ь)ника, да сельцо ещо Лукино²⁸.

[2.] Селяве три челядины Добротича и двор Губинь, вечников²⁹.

[3.] Малышгъце, Ходычину брату, Ляхово село венниково [*так в рукописи; вероятно, должно быть вечниково*³⁰] да Ковшич на Дубровенскомъ пути, што Дерево держалъ все. Пань Довкгирдъ³¹.

[4.] Елку Искрино село, вечниково.

[5.] Бесишу двор Юрьковъ, вечников.

[6.] Ивану Бавенеску а двор вечников Колибакин.

²⁷ Возможно, следует читать в одно слово: «Дасницу» (такое чтение принято в изданиях «Книги данин Казимира»).

²⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 389 (Литовская метрика). Оп. 1. Кн. 3. Л. 22 (здесь и далее такое указание означает, что публикация сверена с оригиналом); ЛМ. Кн. 3. Р. 35.

²⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 3. Л. 22; ЛМ. Кн. 3. Р. 35.

³⁰ Чтение «Венниково» принимали все издатели «Книги данин Казимира»: ДМАМЮ. Т. 1. С. 21 (сделано предположение, что Дерево — личное имя); РИБ. Т. 27. Стб. 42; ЛМ. Кн. 3. Р. 35. Учитывая редкость слова «вечник», переписчик «Книги данин» конца XVI — начала XVII в. мог принять выносную *ч* за *н*.

³¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 3. Л. 22; ЛМ. Кн. 3. Р. 35.

[7.] Козарину двор вечниковъ. Панъ Кгастовтъ³².

[8.] Глебку Свершцу Вус, вечникъ³³.

[9.] Дереву сел(ь)цо вечниково Левково, што Володко держалъ; будетъ ли [так]³⁴, — ино ему отдано³⁵.

Размещение этих записей в «Книге данин Казимира», а также содержащиеся в них упоминания жителей³⁶ и географических объектов³⁷ показывают, что они относятся к Смоленской земле. Наиболее распространенные значения слова «вечник» в древнерусских текстах XI—XVI вв. — «участник веча» и «мятежник»³⁸. Поскольку более это слово в тогдашних документах ВКЛ не встречается, то становится очевидным,

³² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 3. Л. 36 об.; ЛМ. Кн. 3. Р. 45. Записи с упоминаниями «вечников» № 4–7, в отличие от записей № 1–3 и 8–9, в «Книге данин Казимира» идут подряд.

³³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 3. Л. 37; ЛМ. Кн. 3. Р. 45.

³⁴ Слово в обоих списках «Книги данин» пропущено и добавлено по смыслу.

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 3. Л. 38 об.; ЛМ. Кн. 3. Р. 46. Запись относится к группе записей, озаглавленной: «Панове дали под Смоленскомъ», а в конце снабженной припиской: «Дотул(ь) оли ж приказывал панъ Петрашъ а пан Анъдреи Саковичъ. Сопега» (ЛМ. Кн. 3. Р. 46).

³⁶ Ходыка записей № 1 и 3 — Ходыка Басич, родоначальник могущественного клана смоленских бояр Ходыкиных (*Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 235–238*). Селява записи № 2, возможно, идентичен тому Селяве, который 24 июня 1486 г. получил «10 копь з мыта смоленьского» (ЛМ. Кн. 4. Vilnius, 2004. № 1.6. Р. 34). Добротич записи № 2 какое-то время «держал» Борисоглебский монастырь (ЛМ. Кн. 3. Р. 34) — очевидно, знаменитую обитель на Смядыни, на месте убийства святого Глеба в 1019 г. Колибака (или Кулибака) записи № 6 упоминается еще в трех записях «Книги данин Казимира» (об этом см. ниже). Козарин, очевидно, был родоначальником упоминаемых впоследствии смоленских Казаринов, или Казариновичей (*Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 273*). Некий Дерево упоминается лишь в записях № 3 и 9. Володко «по Судивоеву суду», т.е. примерно в первой половине — середине 40-х гг. получил «Семеново село Белеи Котлово» (ЛМ. Кн. 3. Р. 34; *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie, XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2003. S. 49*), которое, вероятно, в 1447/48 г. было возвращено прежнему владельцу как «отчина его». Одновременно Володко лишился слободки Насимовой (ЛМ. Кн. 3. Р. 47. *Savišėvas E. Suvaldyti chaosą. P. 156*).

³⁷ Дубровенский путь входил в состав Смоленской земли, близ нынешнего поселка городского типа Красный на западе Смоленской области (*Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 275*).

³⁸ *Лукин П.В. Упоминания веча/вечников в ранних славянских памятниках // Отечественная история. 2006. № 4. С. 40–46; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В — Волога). М., 1975. С. 131. В своем третьем значении «вечевой колокол» это слово упоминается в псковском летописании. Некоторые исследователи видят «вечников» в *Vetenici*, которых Титмар Мерзебургский упоминает в рассказах о событиях в Мейсене в начале XI в., однако эта этимология остается лишь гипотезой (см.: *Lübke Ch. Vethenici und Wettiner // Beiträge zur Namenforschung. N.F. Bd. 21 (1986). S. 401–428*).*

что речь идет не о какой-либо категории населения, а об участниках Смоленского восстания 1440 г.

Упоминания «вечников» в «Книге данин Казимира» стали объектом внимания ученых в конце XIX — начале XX в. М.К. Любавский, проводя аналогию с упоминанием «века» в привилее для киевских мещан 1494 г., полагал, что «вечники были либо бортники, либо крестьяне-мастера, приготовлявшие посуду для меда»³⁹. Киевский историк права Ф.И. Леонтович счел это объяснение слишком натянутым и предположил, что «под вечниками и могли разумеаться свободные крестьяне — общинники, жившие на волостных землях и собиравшиеся на “вечах”, например, для “следогона” или “опыта” по татевным делам и проч.»⁴⁰, но впоследствии привел аргументы против ранее высказанного мнения и отождествил «вечников» с крестьянами-старожилами, «вечно» живущими на земле и лишенными права перехода («непохожими»)⁴¹. С этим согласился историк Смоленщины Г.А. Бугославский⁴². Однако и в этом случае все равно остается непонятным, почему такие крестьяне в соответствии со сложившейся практикой не названы «отчичами» или «непохожими»⁴³, а «вечники» за долгий период упоминаются только в Смоленской земле в начале правления Казимира. Это заставляет согласиться с первым издателем «Книги данин Казимира» М.В. Довнар-Запольским, отождествившим ее «вечников» с участниками восстания 1440 г.⁴⁴ Он также предположил, что часть конфискованного имущества великий князь мог оставить в своем распоряжении. За ним последовал только А.Ю. Дворниченко, попытавшийся примирить сведения «Книги данин Казимира» с летописным рассказом. Поскольку в летописи восстание — дело рук «черных людей», то он заключает, что в 1440 г. «все (конечно, в основном) жители городской общины... были землевладельцами. Землевладение легко совмещалось с торговлей и ремеслом. Те землевладельцы, которые

³⁹ Любавский М.К. Областное деление. С. 785, прим. 54.

⁴⁰ Леонтович Ф.И. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. № 6. С. 390–391.

⁴¹ Леонтович Ф.И. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 10. С. 190–191.

⁴² Бугославский Г.А. Смоленская земля в литовский период. (Территория, общественный и политический строй.) 1404–1514 // Смоленская старина. Вып. 3. Ч. 1. Смоленск, 1914. С. 65.

⁴³ См., например: LM. Кн. 3. № 38. Р. 85–86; Кн. 5. Vilnius, 2012. № 145. Р. 96; Кн. 6. Vilnius, 2007. № 277. Р. 183–184.

⁴⁴ Довнар-Запольский М.В. Введение // Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. XIV; Доўнар-Запольскі М.В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. [1-е изд. — Киев, 1901. Т. 1.] С. 83–84.

занимались преимущественно торговлей, и составили категорию мещан, а занимавшиеся ремеслом — категорию черных людей»⁴⁵. Впрочем, такое объяснение представляется неубедительным (о соотношении категорий мещан и «черных людей» речь пойдет ниже).

Сведения «Книги данин Казимира» о смоленских князьях, боярах и мещанах и их владениях дополняются аналогичными данными из позднейших актов, которые по большей части также сохранились в Литовской метрике. Проблема, однако, состоит в том, что большинство записей «Книги данин» составлено до 1455 г., а смоленские акты последующих книг записей охватывают период примерно с 80-х гг. XV в. по 1514 г. Генеалогическое и просопографическое исследование состава смоленских бояр и мещан затрудняется тем, что часто они носили очень распространенные имена и отчества. Населенные пункты со сменой владельцев меняли свои названия, менялись и их характеристики.

Этот обзор источников и литературы показывает, что возможности изучения Смоленского восстания 1440 г. еще далеко не исчерпаны. При этом его следует рассматривать в более широком контексте, поскольку без ответа остается целый ряд важных вопросов. Что делалось для интеграции Смоленщины в состав Великого княжества Литовского? Насколько эффективными были эти меры? Почему произошло восстание, какие цели преследовали восставшие и почему они потерпели поражение? Что было сделано властями ВКЛ после восстания, чтобы удержать Смоленскую землю в составе ВКЛ? Ниже будет предпринята попытка ответить на эти вопросы.

Впервые Смоленское княжество было присоединено к ВКЛ в результате похода Витовта 1395 г. Это быстро нашло отражение в литовской сфрагистике: на большой печати Витовта, вошедшей в употребление не позже 1398 г., наряду с гербами Виленской, Трокской и Луцкой земель был изображен идущий на четырех лапах медведь — герб Смоленской земли⁴⁶. Эта печать использовалась и в те годы, когда Смоленская земля ненадолго вновь обрела независимость (известны экземпляры 1403–1404 гг.)⁴⁷. Смоленский мед-

⁴⁵ Дворниченко А. Ю. Городская община. С. 130–131 (цитата на с. 131).

⁴⁶ Rimša E. Vytauto didysis antspaudas — pirmoji valdžios ir valstybės herbinė manifestacija // Jogailos ir Vytauto laikai. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas Žalgirio mūšio 600-osioms metinėms. Kaunas, 2011. P. 85–88, 93–94.

⁴⁷ Ibid. P. 84.

ведь сохранился и на большой печати Витовта нового («маестатного») типа с изображением правителя, восседающего на троне в полном облачении в окружении гербов подвластных ему земель (печать этого типа известна с 1407 г.)⁴⁸. Подобная печать в культуре латинской Европы была атрибутом монаршей власти, но русские документы Витовта, скрепленные печатями этих типов, в настоящий момент неизвестны.

Вторично подчинив Смоленскую землю своей власти в 1404 г., Витовт, по летописному сообщению, «въ Смоленскѣ свои намѣстники посади и Ляхи посажа, и тѣмъ Ляхомъ предасть градъ дрѣжати»⁴⁹. «Ляхи» могут здесь означать как поляков⁵⁰, так и католиков вообще⁵¹. Как бы то ни было, массового наплыва католиков или поляков на Смоленщину источники не фиксируют (подробнее об этом см. ниже). При этом Витовт присягнув, что после его смерти она, как и другие его владения, перейдет под власть польской Короны и короля⁵². При Витовте смольняне неоднократно могли видеть унию с Польшей «в действии»: они сражались против Тевтонского ордена плечом к плечу с польскими воинами в «Великой войне» 1409–1411 гг., сразу же после ее завершения Ягайло посетил Смоленск вместе с Витовтом⁵³, а в 1412–1414 гг. среди придворных королевских слуг-охотников из разных русских земель (ВКЛ, а также Москвы) упоминаются и смольняне⁵⁴. Тем не менее великий князь Литовский энергично принялся укреплять свою власть на вновь присоединенной территории. Памятуя о вокняжении Юрия Святославича в 1401 г., Витовт сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать контактам смольнян с ним и его сыном Федором. Сам Витовт неоднократно появлялся в Смоленске: достоверно известны

⁴⁸ *Piech Z. Monety, pieczęcie i herby w systemie symboli władzy Jagiellonów. Warszawa, 2003. S. 94–98.*

⁴⁹ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 397.

⁵⁰ Ср. сообщение Яна Длугоша о русинах и поляках в гарнизоне Киева, оборонявшем его замок во время набега Едигея в 1416 г. (*Długosii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430). Varsaviae, 2000. P. 65.*)

⁵¹ См., например, характеристику Свидригайла в описании событий 1408 г.: «Ляхъ бѣ върью» (ПСРА. Т. 18. СПб., 1913. С. 157).

⁵² *Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932 (далее — АУПЛ). № 47, 48. S. 49–50.*

⁵³ *Gąsiorowski A. Itinerarium króla Władysława Jagiełły 1386–1434. Warszawa, 1972. S. 58* (данные Длугоша об объезде Ягайлом русских земель подтверждаются современными документами).

⁵⁴ *Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 do 1420 / Wyd. F. Piekosiński. (Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 15.) Kraków, 1896. S. 413–456; Rachunki królewskie z lat 1393–1395 i 1412. Rachunki podrzędstwa krakowskiego. Rachunki stacji nowosądeckiej. Warszawa, 1993. S. 133–168.*

как минимум три его визита — в 1411, 1423 и 1427 гг.⁵⁵ Во время таких приездов великий князь встречался с послами иноземных правителей, вершил суд, осуществлял пожалования и принимал дары от местного населения. При Витовте были установлены повинности Смоленской земли в пользу великокняжеской власти, в число которых входили уплата ежегодного налога и предоставление подвода⁵⁶.

Каким образом события 1386–1404 гг. повлияли на судьбу смольнян? Согласно сообщениям летописей новгородско-софийской группы, в 1395 г. Витовт арестовал и отправил в Литву всех смоленских князей, вышедших к нему из города вместе с боярами, «а людеи много полонивъ»⁵⁷. В 1401 г., когда на княжение был призван Юрий Святославич, в городе существовали разные группировки: «овіи хотяху Витовта, а друзіи отчича»; в итоге после убийства князя Романа Брянского смольняне «посѣкоша» «боляръ, которыи не хотѣли отчича князя Смоленского», — как смоленских, так и брянских⁵⁸. Взяв Смоленск в 1404 г., Витовт «князеи Смоленскихъ поймавъ, а боляръ, которыи добра хотѣли своему князю Юрью, а тѣхъ разведе и расточи»⁵⁹. Может создаться впечатление, что в результате этих коллизий в Смоленске не осталось местных бояр. Однако документальные источники этого не подтверждают. В присяжной грамоте Юрия Святославича Владиславу Ягайлу 1386 г. первым среди присягнувших бояр назван Семен Непролей Гаврилович (он записан сразу после двух князей — Федора Романовича и Михаила Ивановича Вяземского)⁶⁰. Это говорит о его чрезвы-

⁵⁵ *Purc J. Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku — 27 października 1430 roku) // Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Poznań, 1971; ПСРА. Т. 18. СПб., 1913. С. 167. Грамота Витовта, которая, по мнению А.Л. Хорошкевич, свидетельствует о его пребывании в Смоленске 20 июня 1413 г. (Хорошкевич А.Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. № 3. С. 53–54; известна лишь по копии начала XIX в.), скорее всего, является фальсификатом, поскольку почти дословно совпадает с его грамотой для борисовцев (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1. СПб., 1863. № 4. С. 2–3; Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Wyd. J. Ochmański. Warszawa; Poznań, 1986. № 199. S. 166). Немаловажно и то, что здесь жители Смоленска названы не смольнянами, как в других средневековых источниках, а «смоленщанами» — термином, характерным для польского языка.*

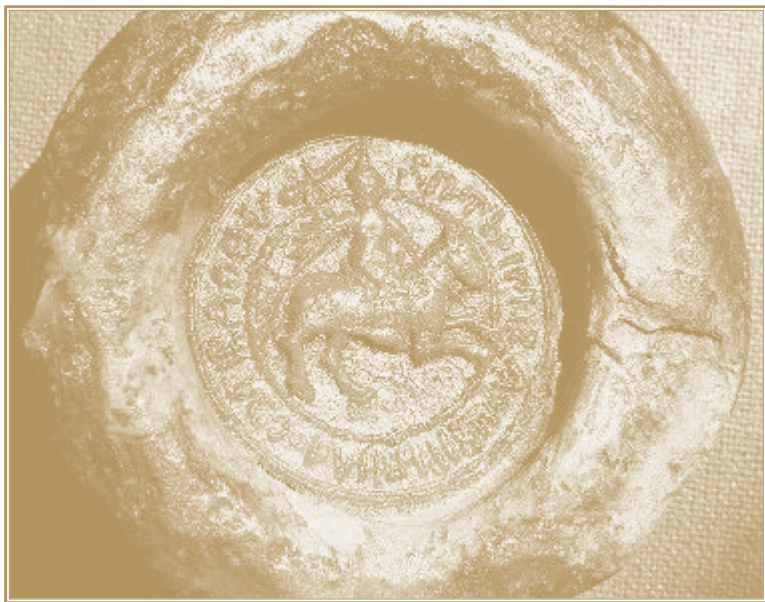
⁵⁶ AGAD, dok. perg. nr 5874; LM. Кн. 5. № 561. Р. 376–379. Привилей великого князя Литовского Александра 1505 г. подготовлен к печати автором этих строк по подлиннику, хранящемуся в Главном архиве древних актов в Варшаве.

⁵⁷ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 379; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 512.

⁵⁸ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 391; Т. 6. Вып. 1. Стб. 521–522.

⁵⁹ ПСРА. Т. 4. Ч. 1. С. 397; Т. 6. Вып. 1. Стб. 523–524. См. также: *Jablonowski H. Op. cit. S. 101–104.*

⁶⁰ Смоленские грамоты XIII — XIV вв. М., 1963. С. 74.

Изображение Свидригайла на его печати.
1420—1422 гг.

чайно высоком положении в социально-политической иерархии Смоленского княжества. Спустя почти полвека, в 1432 г., его потомок (вероятно, сын) Дмитрий Непролеев промелькнул на политическом небосклоне ВКЛ, став одним из гарантов союзного договора великого князя Литовского Свидригайла Ольгердовича с Тевтонским орденом⁶¹. Это не стало его началом «возвышения» в общегосударственном масштабе, но свидетельствует о его позиции в Смоленской земле, которую он призван был представлять. Село, ранее принадлежавшее Дмитрию Непролееву (Непролеевичу), находилось на р. Словаже (к юго-востоку от Смоленска). Казимир Ягеллон пожаловал его Федьку Вяжевичу, очевидно, вскоре после смерти Дмитрия: в это время в селе еще проживала его вдова, которую новому владельцу села предписывалось «кормити... до смерти, а держати за матьку»⁶². Таким образом, по крайней мере какая-то часть смоленского боярства сохранила свое влияние и владения («отчины») со времен независимого Смоленского княжества. О том, что случай Дмитрия Непролеева не был исключением, свидетельствует так называемая «Запись о смоленской посошине» второй

⁶¹ Русско-ливонские акты. СПб., 1868. № 231b. В договоре его имя записано в искаженной форме: «Dimitri Neprow» [Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. XX. Hauptabteilung (далее — GStAPK), OBA 6088, Bl. 270], «Dimitri Neprow» (GStAPK, OF 14, S. 700).

⁶² ЛМ. Кн. 3. Р. 35. В 1496 г. великий князь Александр Ягеллон по просьбе наследников Федора Вяжевича подтвердил им это пожалование (ЛМ. Кн. 6. № 169. Р. 134).

половины XV в.⁶³, где «отчины боярские» противопоставляются куплям (в том числе таких же боярских отчин), пожалованиям Витовта и других великих князей. Стало быть, на Смоленщине, как и в других регионах ВКЛ, Витовт широко практиковал раздачу земли боярам. В 1440 г., согласно летописному рассказу о Смоленском восстании, обладание «селами» было типичной особенностью местного боярства⁶⁴. Конкретных данных о динамике оборота недвижимой собственности сохранилось очень немного, поскольку, как показывает практика времен Казимира Ягеллона, она часто жаловалась «до воли господарской», т.е. великий князь в любой момент мог забрать ее в свое распоряжение. В «Книге данин Казимира» сохранилось упоминание о селе Прости, которое у смоленского епископа «отнял был деи княз(ь) великий Витовтъ, розгневав ся на первого вл(а)д(ы)ку, и дал был Нестеру Терпигореву, а потомъ державали иные бояре и местици»⁶⁵. Очевидно, со времен Смоленского княжества сохранялась система должностей, зафиксированных позднейшими документами и свойственных именно этому региону (окольнічие, конюшие и др.). Судя по всему, уже при Витовте существовала система раздачи волостей господарем и его наместником «в кормление» местным боярам, известная с 30-х гг. XV в.⁶⁶ Возможно, пожалования от Витовта получали и смоленские местици (мещане) — верхушка городского населения, своим благосостоянием обязанная, вероятно, торговле⁶⁷.

⁶³ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). Т. 1. № 55. С. 69–70. Этот документ известен в единственном списке в составе сборника юридических материалов конца XV — начала XVI в. (ОР ГИМ. Увар. 702. 4^о. Л. 4 об. — 5), переписанного к северу от линии Вильно — Минск — Рогачев в конце XV — начале XVI в. (*Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988–1989 годы. М., 1991. С. 194, 335).

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 35. С. 60, 78.

⁶⁵ ЛМ. Кн. 3. Р. 43–44.

⁶⁶ В 1508 г. смоленские бояре Досуговы, чтобы подтвердить свое боярство, предъявили великому князю Сигизмунду Старому «листы... великоз(о) кн(я)зя Жыкгимоньта и пана Ивана Кгасътовътовича», т.е. второй половины 30-х гг. XV в. (ЛМ. Кн. 8. Vilnius, 1995. № 413. Р. 311).

⁶⁷ О торговле Смоленска см.: *Усачев Н. Н.* К оценке западных внешнеторговых связей Смоленска // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 203–224; *он же.* Предметы и ареал торговли Смоленска с Западом до начала XV века // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972. С. 73–82; *Асташова Н. И.* Торговые связи Смоленска конца XI — начала XV в. // Археологический сборник. (Труды ГИМ. Вып. 96.) М., 1998. С. 52–59. Малоизвестные данные о торговле смолян со Львовом и другими городами Восточной Европы см.: *Капраль М.* Смолянін Гермула у Львові в 1467 році // Вісник Львівського університету. Сер. історична. 2010. Вип. 45. С. 545–550.

Несмотря на упоминание в Смоленской земле в 1495 г. «литвы»⁶⁸, сохранившиеся источники не позволяют говорить о массовой литовской (а тем более польской) колонизации Смоленщины. Об этом говорит такой важный показатель, как слабые позиции господствующей в ВКЛ католической церкви: единственный костел, известный по письменным источникам с XIII в., был предназначен для иноземных купцов, а Виленское епископство, скорее всего, не располагало здесь ни приходами, ни земельными владениями⁶⁹. Крестным отцом сына католика Николая Радзивилла (Радзивиловича), смоленского наместника в 1482–1486 гг., был местный православный епископ Иоаким⁷⁰. Католические священники сопровождали литовских наместников в Смоленске: в грамоте наместника Семена Гедигольдовича 1451 г. упоминаются «каплани мои кн(я)зь Якуб а кн(я)зь Михаило»⁷¹. Пример виленского старосты (с 1413 г. — воеводы) Альберта Монивида, которому Витовт в 1407 г. пожаловал владения близ Белой к северу от Смоленска, выглядит одиноким исключением⁷². Уже Витовт перевел на порубежье с Московским великим княжеством князей Крошинских, получивших свое прозвание от села Крошин в Новгородском повете, и ряд других князей и бояр, призванных защитить недавнее приобретение ВКЛ — Смоленскую землю⁷³. Впрочем, владельческие права сохранили и

⁶⁸ ЛМ. Кн. 5. № 58. Р. 60.

⁶⁹ Е. Охманский, изучавший формирование приходской сети и латифундии Виленского епископства, не обнаружил в Смоленской земле ни его костелов, ни владений (*Ochmański J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa wileńskiego (1387–1550). Ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu.* (УАМ. Prace wydziału filozoficzno-historycznego. Ser. Historia. Nr 13.) Poznań, 1963. S. 14–84; *idem. Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie.* (УАМ. Wydział filozoficzno-historyczny. Ser. Historia, nr 55.) Poznań, 1972. S. 55–88). По копии первой половины XIX в. известна грамота Витовта о разделе Голого болота между смоленскими мешанами и «бискупом», датированная в публикации А.Л. Хорошкевич 1408 г. (*Хорошкевич А.Л. Документы начала XV в.* С. 52–53). Однако эта грамота почти дословно воспроизводит формуляр и реалии аутентичного документа, сохранившегося в подлиннике, — грамоты Витовта о разделе Голого болота между Вигайлом и виленским епископом. Известен и другой фальсификат, основанный на ней, — грамота Витовта о разделе Голого поля между Свидригайлом и «князем Андреем Василю» («подлинник» см.: Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 445. Д. 234. Л. 1).

⁷⁰ *Liucevič A.У. Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum Głównego Akt Dawnych у Варшаве // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі. Вып. 11. Мінск, 2009. № 17. С. 30.*

⁷¹ Там же. № 6. С. 20.

⁷² *Ochmański J. Moniwid i jego ród // Lituano-Slavica Posnaniensia. Т. 9. Poznań, 2003. S. 51.*

⁷³ *Tęgowski J. Kilka uwag o genealogii kniaziów Kroszyńskich do końca XV wieku // Genealogia. Studia i Materiały Historyczne. Т. 15. Poznań; Wrocław, 2003. S. 35–43; Темушев В.Н. К вопросу о московско-литовской границе в XV в. (владения князей Крошинских) // *Ruthenica. Т. 6. Київ, 2007. С. 299–307.**

исконные местные землевладельцы, такие как князья Вяземские⁷⁴. Понимая прочность позиций православной церкви в новоприсоединенном регионе, Витовт стремился использовать их в своей политике: смоленскую кафедру занимали верные ему епископы — Севастьян, участвовавший в 1415 г. в поставлении Григория Цамблака во митрополита Киевского⁷⁵, а с 1420 г. — будущий митрополит Герасим, в окружении которого развернулась публицистическая деятельность. В 1418 г. смольняне в составе большой делегации во главе с митрополитом Григорием Цамблаком побывали на Констанцском соборе католической церкви, где велись переговоры о церковной унии⁷⁶.

Политика по закреплению Смоленской земли в составе Великого княжества Литовского приносила свои плоды уже при жизни Витовта. Показателем успеха интеграции стала позиция смоленских хоругвей под Грюнвальдом. В конце XV в., стремясь доказать свои права на село Видбляне близ Рославля, смоленский боярин Федко Рогов с братьями ссылались на решение Витовта, присудившего это село их деду с братьями⁷⁷. Коль скоро смоленские бояре просили Витовта рассудить их, они видели в нем «своего» господаря, у которого следует искать справедливости. Раз это решение было реализовано и село Видбляне несколько десятилетий оставалось в руках потомков Федка и его братьев, Витовт воспринимался так достаточно влиятельными кругами местных землевладельцев.

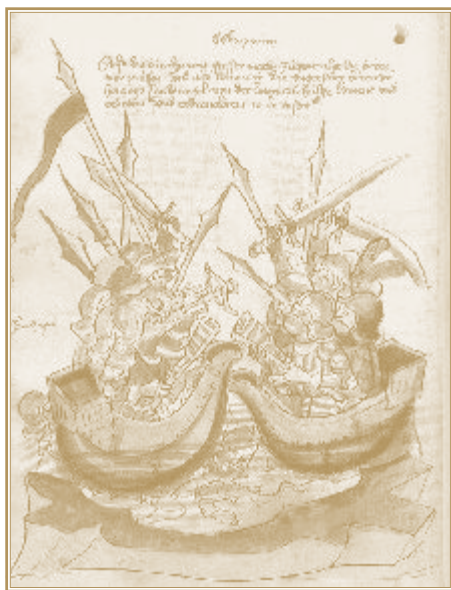
Об успехах интеграции Смоленщины в состав ВКЛ при Витовте свидетельствуют события после его смерти. В 1432 г., когда Свидригайло был свергнут с великокняжеского престола, Смоленщина осталась на его стороне. Смольняне участвовали в походах князя в Литву, направленных на отвоевание престола у его соперника Сигизмунда Кейстутовича. После возвращения Герасима, бывшего ранее смоленским епископом и поставленного в Константинополе на митрополию всяя Руси, именно Смоленск стал его резиденцией. В 1435 г. здесь был раскрыт заговор, направленный на передачу русских земель под власть Сигизмунда. По-видимому, ключе-

⁷⁴ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 64–66; Темушев В.Н. Периферийные княжества в системе обороны ВКЛ: на примере Вяземского княжества // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 красавіка 2004 г. Мінск, 2007. С. 95–102.

⁷⁵ АЗР. Т. 1. № 24. С. 33.

⁷⁶ Chronik des Konstanzer Konzils 1414–1418 von Ulrich Richental / Eingeleitet und hrsg. von Th. M. Buck. (Konstanzer Geschichts- und Rechtsquellen, herausgegeben vom Stadtarchiv Konstanz. Bd. 41.) Aufl. 2. Ostfildern, 2011. S. 199.

⁷⁷ LM. Kn. 5. № 589, 590. P. 399–400.

Битва Свидригайла и Тевтонского ордена с турками.
Миниатюра середины XV в.

вую роль в нем играли бояре⁷⁸. Казнь митрополита Герасима (а возможно, и репрессии в отношении участников заговора) и изъятие части волостей из ведения Смоленска, очевидно, нанесли решающий удар по позициям Свидригайла на Смоленщине: после его поражения при Вилькомире смольняне вышли навстречу войску Сигизмунда Кейстутовича и передали тому город. Наместником стал боярин из знатного литовского рода Ивашко (Ян) Гаштольд⁷⁹, неоднократно выступавший «доверенным лицом» Сигизмунда⁸⁰. Важно, что среди свидетелей его документа, выданного в Смоленске 5 февраля 1436 г., упоминается боярин Михаил из известного и влиятельного впоследствии на Смоленщине рода Плюсковых, занимавший в это время должность смоленского маршалка⁸¹. Таким образом, и при Сигизмунде Кейстутовиче местное боярство занимало влиятельное положение при его наместнике.

⁷⁸ Forstreuter K. Der Deutsche Orden und die Kirchenunion während des Basler Konzils // Annuarium Historiae Conciliorum. Jg. 1. Amsterdam, 1969. Anl. 2.

⁷⁹ Archiwum Główny Akt Dawnych (далее — AGAD), dok. perg. nr 780.

⁸⁰ В ноябре 1432 г. он выполнял деликатное поручение правителя — ездил в Польшу просить военной помощи против Свидригайла (Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Bd. 8. Riga; Moskau, 1884. № 646), летом 1434-го занял для Сигизмунда стратегически важный Луцкий замок, переданный ему луцким старостой Свидригайла князем Александром Носом (Ibid. № 855).

⁸¹ «Presentibus strenuis et nobilibus Michaelae Plusk...» (AGAD, dok. perg. nr 780).

События, разыгравшиеся в Смоленске ранней весной 1440 г., были спровоцированы ситуацией в политическом центре государства. 20 марта 1440 г. в полуостровном замке в Троках заговорщиками был убит великий князь Литовский Сигизмунд Кейстутович. Узнав об этом, смоленский воевода⁸², литовский пан Андрей Сакович⁸³, незамедлительно привел смолян к присяге («целованию»). Они обязывались «от Литовьской земли не отступати и великого князя литовьского, а ко иному не приступати», в течение «междуцарствия» в ВКЛ сохранять верность воеводе, а впоследствии признать великим князем того, кого посадят на виленский престол «князи литовьски и паны, вся земля Литовьская». Присягу принесли смоленский епископ Симеон, «и князи, и бояре, и местичи, и черныя люди». Обращает на себя внимание скорость развития событий: в течение десяти дней после убийства Сигизмунда Андрей Сакович успел получить надежные известия о произошедшем (это было особенно важно в эпоху, когда информация распространялась медленно и в форме слухов) и взять со смолян соответствующие обязательства. Учитывая, что расстояние от Троков до Смоленска — более 500 км⁸⁴ — можно было преодолеть минимум за три дня⁸⁵ (а скорее всего, и более, учитывая весеннюю распутицу), Андрей Сакович мог узнать об убийстве Сигизмунда не ранее 23 марта, а вероятно, даже позднее. Принятая им после этого присяга носила безличный характер: присягали на верность деперсонализированному государству («Литовьской земле») и его сановнику, а не конкретному князю, но также и не польскому королю и Короне, к которым по условиям польско-литовских соглашений после смерти Си-

⁸² Официально должность воеводы в Смоленске была учреждена лишь в 1508 г. (*Urządnicę Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Т. 4. S. 7), однако смоленские наместники начали использовать этот титул гораздо раньше. См., например, документ 1485 г.: *Liucevich A. U.* Старабеларускія граматы. № 17. С. 30.

⁸³ Утверждение Л. Колянковского, что смоленским воеводой тогда был Ян (Ивашко) Гаштольд, но он в это время как раз выехал в Литву по требованию Сигизмунда Кейстутовича, а своим «наместником» в Смоленске оставил Андрея Саковича (*Kolankowski L.* Op. cit. S. 228), основано на неверном понимании текста «Хроники Быховца», где говорится, что Андрея Саковича вместо Гаштольда отправил в Смоленск сам Сигизмунд (*ПСРА*. Т. 17. Стб. 535, 539).

⁸⁴ Ср. расстояния, приводимые С. Герберштейном, ехавшим по этому маршруту в ноябре — декабре 1526 г.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 628—633.

⁸⁵ Гонец мог проделывать до 200 км в день, загоняя при этом лошадей. См.: *von Seggern Harm.* Herrschermedien im Spätmittelalter. Studien zur Informationsübermittlung im burgundischen Staat unter Karl dem Kühnen. (Kieler Historische Studien. Bd. 41.) Ostfildern, 2003. S. 108—109.

гизмунда должны были отойти земли ВКЛ⁸⁶. В самой Литве тем временем уже развернулась борьба за престол: сын убитого Михаил Сигизмундович контролировал островной (малый) Трокский замок⁸⁷, а убийцы Сигизмунда рассчитывали передать престол Свидригайлу, который тем временем устремился из Молдавии в ВКЛ⁸⁸. Третья группировка знати (Ян Гаштольд, князь Юрий Семенович Гольшанский и др.), в итоге взявшая верх, не поддержала ни одного из претендентов, а пригласила из Польши Казимира Ягеллона — малолетнего сына покойного польского короля Владислава II Ягайла⁸⁹. Судя по всему, именно эта группировка вовремя проинформировала Андрея Саковича о событиях в Литве. Ян Гаштольд совсем недавно был смоленским наместником, а значит, хорошо знал обстановку в Смоленске и мог предвидеть какие-то беспорядки. Впрочем, такую перспективу мог иметь в виду и сам Андрей Сакович. Одной из причин восстания, несомненно, стал страшный голод 1435/36–1438/39 гг. Раз, по словам смоленского летописца, «четвертка жита тогда была под две копе грошеи»⁹⁰, то находились люди, готовые выложить такую большую сумму денег, но большинство местных жителей позволить себе такого не могли и умирали от голода: «И меташа во скудильници людие емблюци по улицамь»⁹¹. Естественно, это настраивало широкие круги смольнян против представителей более состоятельных слоев населения.

Всего через несколько дней после присяги, 30 марта («по Велице дни на святой недели в среду»), «черныя люди» — ремесленники, как уточняет летописец, — решили выгнать воеводу из города и, вооружившись, зазвонили в колокол. Есть основания полагать, что решение о восстании было принято на вече. Правда, прямого указания на это нигде нет, да и колокольный звон мог не обязательно призывать на вече, но и служить сигналом сбора к началу боевых действий; в «вечниках» «Книги данин Казимира» теоретически можно видеть не только участников вече, но и любых мятежников. На это можно возразить следующее. Во-первых, отсутствие лексемы «вече»

⁸⁶ АИPL. № 62, 63.

⁸⁷ Известен документ, выданный там Михаилом 5 апреля 1440 г. (Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. 1366–1506. Lwów, 1887. № 2. S. 1. О дате см.: *Kopystiański A.* Książę Michał Zygmuntowicz // *Kwartalnik Historyczny.* 1906. R. 20. S. 98–99, przyp. 3).

⁸⁸ *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915. S. 10–33.

⁸⁹ *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003. P. 183–186.

⁹⁰ ПСРА. Т. 35. С. 60.

⁹¹ Там же.

в том или ином источнике еще не говорит, что в описываемой им ситуации вечевое собрание не имело места; оно может скрываться за описательной конструкцией⁹²: ср. в данном случае летописное «здумаша смоляне», «смоляне... посадиша собѣ воеводу в Смоленску князя Андрѣя Дмитриевичъ Дорогобужького», «черныя люди призваша к собѣ оспадаремь князя Юря Лигвенивича»⁹³. Во-вторых, летописец описывал начало Смоленского восстания по прошествии как минимум девяти месяцев и не обязательно фиксировал все с протокольной точностью. Упоминание колокольного звона уже после вооружения смольнян еще не говорит о том, что они звонили в колокол всего один раз. Раз «черные люди» — судя по последующим событиям, достаточно многочисленные — собрались на колокольный звон уже с оружием, зная, против кого они его обратят, и это решение было принято за очень короткое время, то вече все же состоялось. Наконец, слово «вечники» в источниках по истории ВКЛ встречается очень редко, а работники канцелярии, где составлялись грамоты о господарских пожалованиях (по всей видимости, параллельно с их реестрами), а впоследствии — «Книга данин Казимира», заботились о том, чтобы максимально точно, по возможности однозначно передать ситуацию, которая привела к тому или иному пожалованию, чтобы она была понятна не только им одним, но и тем, кто увидит или выслушает такую грамоту. Именно поэтому в пожалованиях Казимира говорилось, например, не вообще о переступивших крестное целование, мятежниках или изменниках-«зрадцах» (тем более что литовский престол в момент начала восстания пустовал), а именно о «вечниках».

Как бы то ни было, на колокольный звон могли собраться те, кто проживали в Смоленске или его ближайших окрестностях, поскольку из летописного рассказа следует, что столкновение («ступь») восставших с боярско-дворянским войском Андрея Саковича произошло в тот же день. Смоленский воевода немедленно принялся совещаться со смоленскими боярами, значит, после присяги они не разъехались по своим загородным именьям (селам, упоминаемым в летописном рассказе), а находились в городе. Они восприняли выступление «черных людей» как направленное против администрации и бояр («Чи лепшеи датися имь в руки») и посоветовали Андрею Саковичу приказать вооружаться его дворянам (судя по контексту, имеются в виду те, кто служил при его дворе, своего рода «придворные»). После этого конное войско Андрея Саковича, вооруженное копьями, сра-

⁹² Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 225, 239–241.

⁹³ ПСРЛ. Т. 35. С. 60.

Герб Смоленской земли из гербовника «Armorial Gymnich». Национальная библиотека Бельгии (Брюссель). 30-е гг. XV в.

зилось с восставшими «черными людьми» и одержало победу. Летописец замечает, что стычка («ступь») произошла «у Бориса Глеба во городе», чтобы отличить посвященную им церковь от пригородного монастыря на Смядыни⁹⁴. Несмотря на одержанную победу, в ту же ночь Андрей Сакович с женой и смоленские бояре выехали из города и направились в Литву. Значит, в Смоленске они не чувствовали себя в безопасности. Возможно, они рассчитывали получить военную помощь от литовских князей и панов (великокняжеский престол в это время еще оставался незанятым).

Чтобы понять, какими ресурсами располагали «черные люди» и на что они рассчитывали, необходимо более полно охарактеризовать эту социальную группу. Из всех групп, присягнувших на верность Литве и Андрею Саковичу, в летописном рассказе они названы на последнем месте: «владыка смоленский Семион и князи, и бояре, и местичи, и черныя люди». То же место они занимают в привилеях Смоленской земле великих князей Александра Ягеллона (1505)⁹⁵ и Сигизмунда Старого (1513)⁹⁶. В них «чер-

⁹⁴ Бугославский Г.А. О Борисоглебской церкви г. Смоленска. С. 177–194; Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 37–64. В историографии остались незамеченными упоминания этой церкви в двух документах 1510 г.: ЛМ. Кн. 8. № 470, 471. Р. 343–345.

⁹⁵ AGAD, dok. perg. nr 5874; ЛМ. Кн. 5. № 561. Р. 376–379.

⁹⁶ Кром М.М. Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. к 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003.

ные люди» названы после смоленского православного епископа, окольных (в привилее 1513 г. далее следуют казначеи, которых нет в документе 1505 г.), панов, бояр и мещан. Есть основания полагать, что социальные группы населения Смоленска перечислялись в таком порядке уже в смоленском привилее Казимира Ягеллона, выданном в 1447 г.⁹⁷ Привилей Александра 1505 г. открывается упоминанием аналогичного документа его отца: «Били нам чолом вл(а)д(ы)ка смоленскии Иосиф, и окол(ь)ничие, и вси кн(я)зи, пановъ, и боярѣ, и мѣщане, и чорные люди, и все поспол(ь)ство мѣста, земли Смоленское, и клали перед нами привилеи маестат щастное памяти отца нашего Казимира, короля его м(и)л(о)сти, што ж от(е)ць наш, будучи ещо великим кн(я)зем, поразумевшы и оубачивши их ку его м(и)л(о)сти и теж ку предком нашим вѣрною а справедливую службу, иж предковѣ их и они завжды оу вѣре своеи заховали ся и николи часу пригоды на них и налоги от размаитых неприятелеи Великого кн(я)зства Литовского завжды неотступни были, а тому г(о)с(по)д(а)рю, которыи сѣдел на Вил(ь)ни а на Троцох, всякою вѣрною послугою служили и противу его неприятелеи руку свою подносили аж до горла своего, от(е)ць наши, доброе памяти корол(ь) Казимир, за тую вышеписану вѣрность их, хотячи им з особливое свое ласки досыть вчинити, дал им привилеи свои»⁹⁸. Если воспринимать весь этот текст дословно, то получается, что Александру в 1505 г. били челом те же самые подданные, которым королевич Казимир, убедившись в их верности, пожаловал привилей в 1447 г. Такая несообразность может объясняться тем, что в привилее 1505 г. воспроизводились (если не дословно, то близко к исходному тексту) наррация и аренда аналогичного документа 1447 г., где шла речь о смольнянах, бивших челом Казимиру, и их предках или предшественниках. Значит, первоначальный привилей мог быть адресован смоленскому епископу, князьям, панам, боярам, мещанам, «черным людям» и «всему посполству» (в данном случае — всей совокупности полноправных жителей) Смоленской земли. В привилее 1513 г. «черные люди» синонимичны «всему посполству» (в значении «простонародье»⁹⁹) и противопоставляются богатым мещанам¹⁰⁰. Согласно тому же документу, «все посполство [ч]ерныи люди» наряду с мещанами било че-

⁹⁷ Ластовский Г.А. Указ. соч. С. 89–90.

⁹⁸ AGAD, dok. perg. nr 5874; LM. Кн. 5. № 561. Р. 376–379.

⁹⁹ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 27 (Поровень — Прегрешити). Мінск, 2007. С. 162.

¹⁰⁰ Кром М.М. Неизвестный привилей. С. 138–139; Лукин П.В. «Мѣстичи роусции» во Владимире Вольнском // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 170.

лом Сигизмунду Старому об отмене соляного мыта, недавно введенного в Полоцке. Соль употреблялась в каждом хозяйстве, и рост цен на нее затрагивал всеобщие интересы, но в особенности — интересы менее состоятельных слоев населения.

Во всех источниках о средневековом Смоленске «черные люди» упоминаются отдельно от местичей/мещан. Есть и такие документы, в которых местичи или мещане упоминаются, а «черные люди» — нет, например, послания старосты места Смоленского и мещан (ок. 1466 г., 1471–1478 гг.¹⁰¹), привилеи великого князя Александра 1497 г. владыке Иосифу¹⁰², 1500 г. — об освобождении смольнян от уплаты мыта по всему ВКЛ¹⁰³, 1502 г. — князьям Крошинским¹⁰⁴ и смоленским мещанам¹⁰⁵. Стало быть, смоленские «черные люди» — низший слой полноправного населения города, отдельный от мещан (очевидно, чтобы объединить обе группы, привилей 1505 г. неоднократно говорит о «горожанах»¹⁰⁶).

С другой стороны, между «черными людьми» и мещанами не было непроходимой границы. Летописец уточняет состав восставших в 1440 г. «черных людей» — «кузнецы, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники». В документе 1498 г. среди откупщиков смоленских корчем (всего 21 чел.) упоминаются смоленские мещане Василий Кравец, Данило Мясник с братом, Шанько Псарец, Костя Колачник, Кузьма Отмывальник и Лукошко Румянечник¹⁰⁷. Их прозвища указывают на происхождение из ремесленников и слуг, а общее количество — на уровень благосостояния: 21 человек получал в откуп смоленские корчмы, с которыми в другие годы «справлялся» один «профессиональный» откупщик (им, как правило, был мещанин-купец из другого города или еврей-ростовщик). В начале XVI в. «черные люди» и мещане несколько раз упоминаются вместе; как близкие слои населения их рассматривали правящие

¹⁰¹ Хорошкевич А.А. Русские грамоты 60–70-х гг. XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. № 3. С. 332–333, 335.

¹⁰² ЛМ. Кн. 6. № 219, 223.

¹⁰³ ЛМ. Кн. 5. № 235. Р. 146–147.

¹⁰⁴ ЛМ. Кн. 6. № 477.

¹⁰⁵ Ibid. № 481. Аналогичная ситуация в Полоцке, история которого в XV–XVI вв. исключительно хорошо освещена документами: до начала XVI в. мне известны два упоминания «черных людей» — в грамоте Казимира 1486 г. (Полоцкие грамоты. Вып. 2. М., 1978. № 195. С. 110–112) и привилее Сигизмунда Старого 1510 г. (Полоцкие грамоты. Вып. 3. М., 1980. № 306. С. 55–62). В обоих случаях они упоминаются как категория городского населения, отдельная от мещан.

¹⁰⁶ AGAD, dok. perg. nr 5874; ЛМ. Кн. 5. № 561. Р. 376–379. Возможно, такая терминология была уже в привилее 1447 г.

¹⁰⁷ ЛМ. Кн. 6. № 394. С. 265–266.

круги Русского государства¹⁰⁸. «Профессии» «черных людей», перечисленные в летописном рассказе, свидетельствуют о их благосостоянии (так, кузнецы изготавливали столь важные предметы, как подковы и оружие, поэтому кузнечное ремесло считалось достаточно престижным; с другой стороны, не названы хлебопеки — производители более дешевой и массовой продукции), но это благосостояние относительно, имеет определенные рамки. Об этом говорит описание их вооруженного выступления: «и наредилися во изброи и со луками¹⁰⁹, и со стрелами, и с косами, и зь секерами»¹¹⁰. Отсюда видно, что восставшие понимают, с кем будут иметь дело, и знают толк в боевых действиях: пока всадники со своими копытами не приблизились на расстояние, достаточное для поражения, их удобно обстрелять из луков; когда же это произошло, косами можно бить по ногам коней. У восставших есть доспехи («изброи») и оружие, но относительно доступное и распространенное: луки и стрелы, при помощи которых охотились; секиры — не обязательно боевые: в качестве боевой секиры мог использоваться топор, бывший в каждом хозяйстве, тем более что и сам он нередко назывался «секирой»¹¹¹, а критерии деления секир на боевые и рабочие до сих пор не совсем ясны¹¹². То же самое относится к косам: так называли и оружие, и предмет хозяйственного инвентаря для срезания травы¹¹³. Летописец не отмечает у восставших таких дорогостоящих предметов вооружения, как мечи или сабли, не упоминает он и о конях (тем более что секира — традиционное оружие пехоты: орудовать ею, сидя на коне, неудобно¹¹⁴), тогда как смоленские бояре и дворяне Андрея Саковича выступают конными, — и

¹⁰⁸ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 246–248.

¹⁰⁹ Чтение Супрасльского списка «со луками» (ПСРА. Т. 35. С. 60) следует признать первоначальным: это древнейший список рассказа о Смоленском восстании, к тому же упоминание луков вместе со стрелами более логично, чем сулиц — метательных копий, как во всех остальных известных списках летописей ВКЛ.

¹¹⁰ ПСРА. Т. 35. С. 60 (цитата), 78.

¹¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24 (Се — Скорый). М., 2000. С. 38; Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31 (Рушаючы — Смушэнье). Мінск, 2012. С. 190–191.

¹¹² Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36.) М.; Л., 1966. С. 26–29; Бохан Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV — канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 197.

¹¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К — Крагуяр). М., 1980. С. 356–357; Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 16 (Коржъ — Лесничанка). Мінск, 2012. С. 45–46.

¹¹⁴ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 44–45.

это явное превосходство, позволяющее им рассеять восставших. Вооружение восставших разнообразно, в отличие от копий смоленских бояр и дворян Андрея Саковича. Несмотря на определенные экономические позиции, «вечники» не могут хорошо вооружиться и оказать противодействие смоленским боярам, разъехавшимся по своим селам. «Черные люди» достаточно многочисленны, раз Андрей Сакович и смоленские бояре покидают город, даже несмотря на одержанную над ними победу¹¹⁵. Тем не менее среди нескольких десятков актов, проливающих свет на историю Смоленской земли в 1404–1514 гг.¹¹⁶, нет ни одного, в котором говорилось бы о землевладении «черных людей». Это заставляет отвергнуть приводившееся выше объяснение А.Ю. Дворниченко о различии между мещанами и «черными людьми» и обратиться к сравнительным данным. Очевидно, смоленские «черные люди» аналогичны одноименной категории населения других русских городов. Как показала «брань о смердах» 1483–1486 гг. во Пскове, тамошние «черные люди» входили в состав городской общины — «коллективного феодала» по отношению к крестьянам-смердам, при этом были кровно заинтересованы в сохранении такой ситуации («старины»), поскольку, в отличие от бояр и житых, владели в лучшем случае лишь крохотными участками земли, которые обрабатывали собственными силами¹¹⁷. В разных русских городах «черные люди» — это «непривилегированные, незнатные, но свободные и полноправные горожане»¹¹⁸. Аналогичная картина наблюдается в Смоленске, где «черные люди» середины XV — начала XVI в. представляют низшим слоем полноправного городского населения: они приносят

¹¹⁵ Если верно предположение, что среди получателей привилея 1447 г. были «черные люди», то оно заставляет думать, что какая-то часть «черных людей» не приняла участия в выступлении 30 марта — вероятно, немалая, раз об этом сочли нужным упомянуть в наррации.

¹¹⁶ Большая их часть сохранилась в составе Литовской метрики: 3, 4, 5, 6, 8 и 9 книг записей, 1, 2 и 3 книг судебных дел. Некоторые подлинники документов хранятся в архивах Варшавы, Вильнюса и Кракова.

¹¹⁷ Алексеев Ю.Г. Псковская судебная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 216–220, 223.

¹¹⁸ Лукин П.В. Новгородское вече в XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола». Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г. СПб., 2012. С. 30–34 (цитата на с. 32); *он же*. О социальном составе новгородского веча XII–XIII вв. по летописным данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 164–209; Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Т. 103. М., 1979. С. 242–274.

присягу, ходатайствуют перед великим князем и получают его привилегии (но не самостоятельно, а только в составе более широкой группы), сходятся на вече, владеют неким имуществом, однако его недостаточно, чтобы обеспечить высокий военный потенциал.

Какие цели преследовали восставшие? Ответить на этот вопрос всегда сложно. Пищу для размышлений дают лишь их действия, известные фактически только по рассказу враждебно настроенного летописца. Мы ничего не знаем о политических представлениях восставших, их кругозоре и связях. Поскольку выступление было стихийным, очень вероятно, что действовал знаменитый принцип Наполеона: «Нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет». Их цели могли меняться по мере развития событий и появления новых факторов, таких как возвращение смоленских бояр или вокняжение Юрия Лугвеневи́ча. События, предшествовавшие восстанию и разыгравшиеся с его началом, ясно свидетельствуют, что восставшие не просто выступали против бояр или за сохранение «городских вольностей»¹¹⁹, но намеревались «отложиться» от ВКЛ. Такая перспектива была понятна организаторам присяги, кого бы ими ни считать — Андрея Саковича, Яна Гаштольда или кого-либо еще. Поэтому-то со смолян было взято обязательство «от Литовьской земли не отступати и великого князя литовьского, а ко иному не приступати»¹²⁰. Когда «черные люди» вооружились и ударили в колокол, у смоленского воеводы и бояр не было сомнений, что восставшие направят свое оружие против них. Поэтому они спешно покинули город, несмотря на победу в стычке. После этого восставшие не обращались ни к претендентам на литовский престол — Михаилу Сигизмундовичу или Свидригайлу, ни к литовским панам и князьям, ни к поль-

¹¹⁹ *Хорошкевич А.А.* Городские движения. С. 46. И уж совсем не подтверждается мнение О. Халецкого, упорно стремившегося отыскать в событиях первой половины XV в. недовольство общества русских земель его отстранением от решений общегосударственных вопросов (в данном случае — от избрания великого князя Литовского) (*Halecki O. Dzieje unii jagiellońskiej*. Т. 1. S. 341). Привилей Сигизмунда Кейстutowича 1434 г., на который он ссылается, был адресован лишь князьям и боярам (*Codex epistolaris saeculi XV*. Т. 3. Cracoviae, 1894. Dod. 22), тогда как движущей силой восстания были «черные люди». Обращает на себя внимание и аналогия начала XVI в. Узнав о болезни великого князя Литовского Александра, луцкий староста пан Федор Янушевич отправил к панам раде посла, чтобы сообщить от имени вольнских князей и бояр о готовности в случае смерти Александра признать господарем того Ягеллона, кого выберут паны рада (РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 569–570. Приношу искреннюю благодарность А. Рычкову за указание на этот источник). Важно, что могущественные вольнские князья и паны соглашались признать решение панов рады по вопросу общегосударственного значения и при этом заранее декларировали верность Литовскому государству и его правящей династии.

¹²⁰ ПСРА. Т. 35. С. 60.

скому королю, а самостоятельно пригласили к себе сначала одного, а затем другого князя. Следует подчеркнуть, что нет никаких оснований видеть в смоленских событиях продолжение войны, охватившей ВКЛ в 30-е гг. XV в.¹²¹ Война эта была династической: Свидригайло и Сигизмунд Кейстутович боролись за великокняжеский престол «на Вилни и на Троцех», т.е. контроль над всей территорией государства. Источники не подтверждают представлений ни об «антиаристократической» и «демократической» политике Сигизмунда Кейстутовича (М.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский), ни об особой опоре Свидригайла на теряющую позиции аристократию — «литовско-русских князей» (М.К. Любавский, О. Халецкий) или, напротив, демократические слои — «западнорусские городские общины» (А.Ю. Дворниченко). Ближайшее окружение обоих правителей, если не считать различных «гостей», секретарей и «милостников», состояло из князей и знатнейших бояр¹²².

Покидая Смоленск, Андрей Сакович, по-видимому, надеялся сохранить контроль над ситуацией, раз в городе остался маршалок Петрыка¹²³. Но фактически город оказался в распоряжении восставших: они утопили Петрыку в Днепре «и посадиша себе воеводу в Смоленску князя Андрея Дмитриевича Дорогобужького». Новый смоленский «воевода» происходил из тверской ветви Рюриковичей — был внуком Еремея Константиновича, владевшего Клинским удельным княжеством¹²⁴. Его приглашение объяснялось тем, что он княжил в г. Дорогобуже, находившемся в Смоленской земле восточнее Смоленска, т.е. был ближайшим соседом смольнян. Время его появления в Дорогобуже неизвестно, однако это произошло не позже мая 1434 г., когда Свидригайло писал великому магистру Тевтонского ордена, что по пути из Вязьмы в Смоленск миновал «Дорогобуж, город князя Андрея»¹²⁵. Его владения охватывали не только г. Дорогобуж, но и

¹²¹ См., например: Ластовский Г.А. Указ. соч. С. 130–135.

¹²² Полехов С.В. Свидригайло и литовская Русь: стереотипы историографии и свидетельства современников // Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza (в печати).

¹²³ До этого некий смоленский маршалок Александр упоминается в послании сторонников Свидригайла отцам Базельского собора католической церкви от 22 марта 1433 г. — т.н. «витебском манифесте» (Bullarium Poloniae. T. 5. Romae; Lublin, 1995. № 1361) и в документе смоленского наместника Яна Гаштольда от 5 февраля 1436 г. (AGAD, dok. perg. nr 780).

¹²⁴ Флоря Б.Н. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 56–58; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 180–184.

¹²⁵ «Und als wir nu dise brife weg zu euch gesant hatten und selben von Wezma gen Smolensk wert tzogen, kwamen uns uf dem wege nehent bey Drahobuz, herczogen Andris stat, andere boten...» (GStAPK, OBA 6802).

прилегающие к нему волости — «Мутишинъ и Великое Поле, и Высокии Двор»¹²⁶. Как уже говорилось выше, в это время борьба за литовский великокняжеский престол была в самом разгаре, и приглашение Андрея Дорогобужского в этой обстановке показывает, что восставшие собирались освободиться из-под власти Великого княжества Литовского. При этом Андрей Дорогобужский сохранял какие-то связи с Тверским княжеством, что позволяло рассчитывать на его помощь¹²⁷. Вместе с тем он рассматривался не как «господарь», а всего лишь как «воевода».

Андрей Дорогобужский явился в Смоленск в апреле, а покинул город не ранее июля: в это время там, скорее всего, появился Юрий Лугвеневиц. После того как 29 июня 1440 г. Казимир Ягеллон был провозглашен великим князем Литовским, смоленские бояре попытались вернуться в Смоленск, но в город их не пустили «черные люди», и им пришлось разъехаться по своим имениям, однако напряженность сохранялась: «И за тымь бысть бран велика межи бояр и черных людей». Таким образом, смоленские бояре признали Казимира великим князем, но пока никакой вооруженной помощи от него не получили. В первые месяцы его правления были восстановлены некоторые удельные княжества, ликвидированные ранее: так, в Киеве вокняжился Олелько Владимирович, а мстиславская «отчина» была возвращена Юрию Лугвеневицу (Семеновичу), вернувшемуся из Новгорода¹²⁸.

¹²⁶ ЛМ. Кн. 3. Р. 46.

¹²⁷ В князе Андрее Ивановиче, участвовавшем с тверской стороны в заключении московско-тверского договора конца 30-х гг. XV в., Б.Н. Флоря увидел Андрея Дмитриевича Дорогобужского, чье имя было искажено переписчиком (договор сохранился в копии) (Флоря Б.Н. Об одном из источников. С. 57–58). Но В.А. Кучкин аргументированно отождествил его с братом князя Ярослава Ивановича Городецкого (Кучкин В.А. Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII–XV века // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы Международной научно-практической конференции. 22–23 мая 2008 г., Тверь. Тверь, 2009. С. 225, прим. 61). «Князь Андреи Дмитриевичъ» командовал ратью, посланной Борисом Александровичем Тверским «повоевати земли Великого Новъгорода» в 1444 г. (ПСРА. Т. 35. С. 60).

¹²⁸ Варонін В.А. Князь Юрай Лынгвеневиц Мсціслаўскі. С. 22. О Халецкий, а за ним и Л. Колянковский представляли дело таким образом: Андрей Дорогобужский был изгнан из Смоленска литовскими отрядами, и на его место смоляне пригласили Юрия Лугвеневица (Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. Т. 1. S. 341; Kolankowski L. Op. cit. S. 229). В подтверждение этой мысли Халецкий ссылался на запись в «Книге данин Казимира» о передаче трокскому воеводе Яну Гаштольду Дорогобужа и других владений, конфискованных у Андрея Дорогобужского (ЛМ. Кн. 3. Р. 46). Но эта запись датируется более широким периодом 1440–1443 гг., когда Ян Гаштольд занимал должность трокского воеводы, с которой он назван (пользуясь случаем, исправляю ошибку Э. Савищеваса в датировке этого акта). К тому же летописец ясно дает понять, что вернувшимся смоленским боярам взять город (Смоленск) не удалось. Если бы они его взяли, то вся история Смоленского восстания, пожалуй, на этом бы и закончилась.

К этому знакомому им князю и обратились смоляне, видя, что силы смоленских бояр, вернувшихся в свои имения и активно приступивших к подавлению восстания, явно превосходят военный потенциал Андрея Дорогобужского. Мстиславское княжество соседствовало со Смоленской землей, значительно превосходило владения Андрея Дорогобужского, а значит, и военный потенциал Юрия Лугвеневича был выше. Чтобы укрепить свои позиции (причем не только в Смоленске, но и в Мстиславле) и ликвидировать напряженность в новых владениях, он приказал арестовать смоленских бояр, а их имения раздал своим боярам¹²⁹. Вдобавок к Мстиславлю и Смоленску Юрий, по сообщению Новгородской первой летописи, захватил еще и Полоцк с Витебском¹³⁰. Как и в других областях своего княжения, в Смоленске он стал «оспадаремь», т.е. полноправным правителем, а не просто воеводой. По-видимому, Смоленск стал его главной резиденцией: здесь он летом 1440 г. принимал Симеона Суздальского¹³¹. Возможно, планы Юрия простирались еще дальше — на великое княжение в Литве¹³².

Успехи Юрия Лугвеневича длились недолго. Трудные времена для него настали поздней осенью того же 1440 г., когда Смоленск осадил литовское войско¹³³. Правда, первое противостояние с ним закончилось в пользу князя Юрия, но уже само его стояние под Смоленском, а не под Полоцком или Витебском, говорит о том, что власть этого князя в подвинских землях оказалась непрочной. Вскоре решилась и судьба Смоленска и самого Юрия Лугвеневича: зимой, во время второго похода литовских панов, он бежал в Москву, а Смоленск был подчинен власти Казимира Ягеллона¹³⁴.

¹²⁹ ПСРА. Т. 35. С. 60.

¹³⁰ НПЛ. С. 420. Это известие подтверждается документальным материалом (*Варонін В.А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі*. С. 23, 52). Впрочем, неясно, в какой последовательности Юрий овладел Смоленском, Полоцком и Витебском.

¹³¹ Подробнее о смоленском княжении Юрия Лугвеневича см.: *Варонін В.А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаўскі*. С. 22–29.

¹³² В 1440 г. он так подписал свое послание великому магистру Тевтонского ордена: «Божьей милостью князь Юрий Лугвеневич, русский князь, наследник Литвы» (LUB. Bd. 9. № 558. S. 410).

¹³³ Оно осадил Смоленск «на Филоповы запуски», т.е. 14 ноября, и простояло там «полтрети недели» — примерно до 1–2 декабря (ПСРА. Т. 35. С. 60). При этом смоленский летописец не говорит о взятии города: очевидно, посады, церкви и монастыри, разоренные во время этого похода, находились вне городских укреплений. 18 января 1441 г. ливонский магистр писал верховному маршалу Ордена об успехах князя Юрия, который во время похода литовцев против него отбил у тех 400 лошадей или больше (LUB. Bd. 9. Riga; Moskau, 1889. № 684. S. 481).

¹³⁴ Второй литовский поход на Смоленск, упоминаемый в позднейшей «Хронике Быховца», был причиной бегства Юрия Лугвеневича, упомянутого современным источ-

Меры, принятые для «замирения» Смоленска, дополняют важными подробностями летописный рассказ о самом восстании. Прежде всего это записи «Книги данин Казимира» с упоминанием «вечников», приведенные в начале статьи. Судя по ним, к «вечникам» применяются разные меры наказания: пятеро из них — Фролко Фразов, Офанаско, Сница (Дасница?), Нефедко Красельник и Вус — передаются вместе с их имуществом (скорее всего, движимым¹³⁵) во владение боярину Ходыке, четверо (Губа, Юрко, Колибака и неназванный по имени) лишаются дворов; поскольку притяжательные формы имен собственных, использованные для обозначения сел, можно понимать двояко — как указание либо на прежнего владельца, либо на живущего там крестьянина¹³⁶, — то и соответствующие записи можно истолковать по-разному: либо Искра, Левко и Лях (если предложенная выше конъектура верна) лишились принадлежавших им сел, либо они были крестьянами, жившими в селах, переданных новым владельцам. То же самое относится к «сельцу Хролову а Фразову», название которого, очевидно, происходит от имени Фролка Фразова и которое Казимир пожаловал некоему Тимону¹³⁷. Как отмечалось выше, восстание 1440 г. — чисто городское, а это делает первую, «владельческую» интерпретацию более вероятной. Стало быть, «вечники» «Книги данин» — неоднородная в имущественном и правовом плане группа. «Вечниковы» дворы могли означать как загородные имения, так и городские дворы в Смоленске, также служившие объектами господар-

ником — Новгородской первой летописью (НПЛ. С. 420–421). Возможно, Юрий покинул город еще до подхода литовских войск, поскольку это произошло «той же осени», т.е. до 25 декабря 1440 г. (Кучкин В.А. Был ли митрополит Киприан в 1380 г. в Москве? // Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори. (Славяне и их соседи. Вып. 12.) М., 2008. С. 270, 275), а путь из Смоленска в Литву при средней скорости передвижения войск в 40 км занял бы 12–13 дней, с учетом же возвращения одного войска в Литву, сбора и выступления другого этот срок увеличился бы как минимум вдвое.

¹³⁵ См. о значении слова «статок»: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 32 (Смыковати — Струмень). Мінск, 2012. С. 362–363; Леонтович Ф.И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 2. С. 241–242; ЛМ. Кн. 5. № 3. Р. 40.

¹³⁶ Ср. в документе 1498 г.: «сел(ь)це Мочалково, а тот Мачалков непохожию болваницкии» (ЛМ. Кн. 6. № 277. Р. 184), т.е. прикрепленный к Болваницкой волости, не обладающий правом перехода из нее.

¹³⁷ ЛМ. Кн. 3. Р. 34. К 1499 г. село Фразовское смоленский казначей князь Константин Федорович Крошинский «покупиль... в ьных бояр смоленьскихъ, въ Тишка а въ его брата Бориса, Небогатого дечи» (ЛМ. Кн. 5. № 210. Р. 130; подлинник: BCz. Dokumenty pergaminowe Muzeum Narodowego w Krakowie (далее — dok. perg. MNK), nr 46).

ских пожалований¹³⁸. Разрешить сомнения позволяют опять-таки документы, сохранившиеся в Литовской метрике. «Вечник» Колибака, или Кулибака, двор которого был отдан некоему Ивану, упоминается еще в трех записях «Книги данин Казимира»:

1. «Кн(я)зю Митьку Всеволодичю Онтоново Косоа(о) сел(ь)цо, да Кулибакино сел(ь)цо, да Мицнево село; до воли. Пань Довгирда. Кушлеико»¹³⁹. Судя по упоминанию пана Яна Довгирда, князь Дмитрий Всеволодович Мезецкий¹⁴⁰ получил эти владения в 1440–1443 гг.
2. «Онихиму земля Щочина под Колибакою, до воли. Пань Кгастовть. Кушлеико»¹⁴¹. По упоминанию пана Яна (Ивашки) Гаштольда пожалование датируется 1440–1458 гг.
3. «Кулибаце земля Дмитрова Дядевина, не бортная; до воли. Индик(т) б. Воитько, марьшалько. Кушлеико»¹⁴². В 1440–1460 гг., когда упоминается великокняжеский писарь Кушлейко, 6-й индикт приходился на 1 сентября 1442 г. — 31 августа 1443 г. или 1 сентября 1457 г. — 31 августа 1457 г. Упоминаемого здесь маршалка Войтка (уменьшительная форма от Войтех, польской формы имени Альберт) принято отождествлять с Альбертом Гаштольдом — сыном Яна, а его упоминания в «Книге данин Казимира» со времен Ю. Вольфа датируются 40-ми гг. XV в.¹⁴³ Больше упоминаний Колибаки (Кулибаки) обнаружить не удалось.

Несомненно, в приведенных трех записях речь идет об одном и том же лице, поскольку задачей работников великокняжеской канцелярии было максимально точное описание объекта пожалования и его получателя. Эти записи показывают, что Колибака (Кулибака) получал земельные владения «до воли господарской» (т.е. великий князь мог в любой момент забрать у него «землю» в свое распоряжение), а зна-

¹³⁸ Среди пожалований Казимира (уже после 1447 г.) его писарю Якубу в Смоленске был «дворь городский, што Кусака, с(ы)нь Кусакинъ, Юшко держаль» (ЛМ. Кн. 3. Р. 44). В 1497 г. великий князь Александр подтвердил своему писарю Ивашку Сопежичу пожалованный ранее «двор с клетками кн(я)зя Михайловъ Дмитриевича Вяземского в Смоленску на торговищи подле Днепрских ворот» (ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 167).

¹³⁹ ЛМ. Кн. 3. Р. 34; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Л. 21.

¹⁴⁰ Подробнее о нем и его роде см.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 57–61.

¹⁴¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 62.

¹⁴² Ibid. Р. 62.

¹⁴³ *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386–1795. Kraków, 1885. S. 174; *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // *Lituanio-Slavica Poznaniensia*. Т. 3. Poznań, 1989. S. 88; *Petrauskas R.* Op. cit. Р. 242, 328.

чит, где бы ни находился конфискованный у него двор — в Смоленске или за его пределами, — вероятно, был боярином или мешанином¹⁴⁴. Таким образом, среди участников восстания были не только «черные люди». Это объясняет разнообразие наказаний, которым были подвергнуты восставшие: у более состоятельных конфисковывались владения, но они, в отличие от менее состоятельных, не лишались полноправного статуса. Хотя они и были изменниками, которым по литовскому праву грозили суровые наказания вплоть до смертной казни, у них оставались родственники и «приятели», с которыми государственной власти приходилось считаться¹⁴⁵. Однако такие составляли меньшинство восставших, а «черные люди» были в большинстве, раз для противостояния смоленским боярам, разъехавшимся по своим селам, им пришлось приглашать Юрия Лугвеневича с его боярами. С «черными людьми» власти меньше считались, и они подвергались наиболее суровым репрессивным мерам¹⁴⁶.

Как свидетельствуют приведенные примеры, в Смоленской земле, как впоследствии и в других мятежных регионах ВКЛ, частичному перераспределению подверглась собственность. Одни «вечники» лишились своего имущества, другие — полноправного статуса. Но массовые единовременные раздачи, подобные акциям литовских панов в Жемайтии или на Волыни, состоялись на Смоленщине, судя по «Книге данин Казимира», лишь в 1442/43 и 1445/46 гг. (ведь местные бояре продемонстрировали свою верность Литовскому государству уже в ходе событий 1440 г.). Наиболее крупной по объемам была конфискация владений Андрея Дорогобужского: «кн(я)зя Аньдрея Дорогобуског(о) имень со всимъ с тымъ, какъ княз(ь) Аньдреи Дорогобужскии держал: Дорогобуж, Мутишинъ и Великое Поле, и Высокии Двор» получил «у вотчину» трокский воевода Ян Гаштольд, отличившийся при приведении Смоленска под власть Казимира¹⁴⁷ (судя по его должности, это произошло в 1440–1443 гг.). Эти владения оставались в руках Яна Гаштольда и его

¹⁴⁴ Ср. примеры господарских пожалований смоленским местичам (ЛМ. Кн. 3. Р. 43–45).

¹⁴⁵ Ср. аналогичные примеры в Литве и на Волыни: *Petrauskas R.* Op. cit. P. 136, 179–181; *Halecki O.* Ostatnie lata Świdrygiełły. S. 221–231.

¹⁴⁶ Во время раскопок в Смоленске была найдена усадьба со следами кожевенного производства, которые резко прерываются после яруса 30–40-х гг. XV в. (Полонская М.Ю. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 120–121). Не принадлежал ли ее владелец к числу «черных людей» — участников восстания 1440 г.?

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Л. 37 об.; ЛМ. Кн. 3. Р. 46; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 540; *Lazutka S., Gudavičius E.* Deodato Septenijaus Goštautų «Panegirika». P. 82.

сына Мартина на протяжении всей второй половины XV в. В 1494 г. Александр Ягеллон подтвердил право владения Дорогобужем вдове Мартина Гаштольда Анне, а после ее смерти — ее прямым наследникам¹⁴⁸. Это единственный известный случай пожалования владений в Смоленской земле литовскому пану «в вотчину», последовавший непосредственно за восстанием 1440 г.¹⁴⁹ При Казимире известен и ряд случаев пожалования владений на Смоленщине князьям и боярам из других регионов ВКЛ¹⁵⁰. Но львиная доля пожалований доставалась смоленским князьям, боярам и местичам. При этом раздавались не только земли, но и доходы с волостей и мыт (причем не только в Смоленской земле), а также доходные должности и освобождения от повинностей — предоставления подвод, участия в походах и т.д.¹⁵¹ При Казимире значительная часть этих пожалований осуществлялась на относительно короткий срок, и благодаря этому наиболее влиятельные лица или их родственники оставались объектами «внимания» великокняжеской власти на протяжении нескольких лет, а потому были заинтересованы в службе господарю. Примером может служить Ходыка Басич, унаследовавший людей и двор в Смоленской земле от отца¹⁵²: как смоленский боярин, он получал волости во временное держание¹⁵³, в разное время занимал должности окольного (1445/1446)¹⁵⁴ и тивуна (1451)¹⁵⁵; пожалования для него датируются 1442/1443, 1445/1446, 1448 и 1449 гг.¹⁵⁶, их получал не только он сам, но и его брат¹⁵⁷. Козарину, получившему «двор вечников», в 1486 г. достались 6 коп. грошей со смоленского мыта, а спустя два года — 5 коп. грошей оттуда же и «жеребя»¹⁵⁸. При изучении «Книги

¹⁴⁸ AGAD, dok. perg. nr 4784. Ср.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 160–161.

¹⁴⁹ Судя по примеру Болваничей, литовский наместник мог получить те или иные владения в Смоленской земле «до живота» (ЛМ. Кн. 5. № 133. Р. 91–92; оригинал: BCz, dok. perg. MNK, nr 39).

¹⁵⁰ Например, князя Одоевские, Мосальские: Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 52–53, 63–64. См. также: Темушев В.Н. Периферийные княжества. С. 98.

¹⁵¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 34.

¹⁵² Ibid. Р. 44.

¹⁵³ Ibid. Р. 37. Исключительное право местных бояр держать смоленские волости по пожалованию великого князя было зафиксировано в привилеее Смоленской земле, о котором речь пойдет ниже (AGAD, dok. perg. nr 5874).

¹⁵⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 44.

¹⁵⁵ Лишкевич А.У. Старабеларускія граматы. № 6. С. 20.

¹⁵⁶ ЛМ. Кн. 3. Р. 37, 44, 47.

¹⁵⁷ Ibid. Р. 35, 44.

¹⁵⁸ ЛМ. Кн. 4. Р. 39, 81. После присоединения Смоленска к Русскому государству Казариновичи остались в ВКЛ (Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 273).

данин Казимира» и других документальных источников эти примеры можно умножить¹⁵⁹.

Между маем и июнем 1447 г. Смоленская земля получила от Казимира привилей, содержание которого реконструируется по аналогичному привилею великого князя Александра 1505 г.¹⁶⁰ Хотя этот документ не был прямым и непосредственным следствием событий 1440 г., как считали историки, датировавшие его 1441-м или 1442-м¹⁶¹, некоторые отголоски этих событий в нем все же слышатся. По этому документу смоленские «горожане» освобождались от важных налогов и повинностей, смоленским боярам подтверждалось их исключительное право держания волостей, к Смоленску «приворачивались» волости и люди, изъятые из его ведения Витовтом и Свидригайлом, а права наместника ограничивались. Даже если некоторые нормы смоленского привилея 1447 г. на практике не соблюдались и были декларативными¹⁶², такая декларация много значила для местного населения. Важным был сам факт выдачи такого привилея, в котором монарх напрямую обращался к своим подданным. Думается, не случайно перечисление условий привилея 1447 г. в документе Александра начинается с тех, которые посвящены местным реалиям, а завершается кратким упоминанием прав, пожалованных «князем и паном, бояром литовским». И в 1447-м, и в 1505-м первостепенный интерес для полноправного населения Смоленщины представляли права на локальном уровне.

К мероприятиям по «замирению» мятежного Смоленска нередко относят возвращение в город пана Андрея Саковича в качестве наместника¹⁶³. Это подкрепляется записями в «Книге данин Казимира», в которых этот вельможа вместе с паном Петрашом Монтигирдовичем распоряжается

¹⁵⁹ См. данные о пожалованиях в Смоленской земле для Скипоревичей, Баки, князей Мунчей и других местных землевладельцев (ЛМ. Кн. 3. По указ; *Кром* М.М. Меж Русью и Литвой. С. 235 и след.).

¹⁶⁰ AGAD, dok. perg. nr 5874; ЛМ. Кн. 5. № 561.

¹⁶¹ *Якубовский* И.В. Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 6. С. 279–282; *Флоря* Б.Н. Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором (XIV–XV вв.) // *Флоря* Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007. С. 388–389.

¹⁶² Так, несмотря на обязательство «въ ц(е)рковные земли и в воды не вступати ся», при Казимире в держание отдавался Борисоглебский монастырь, а некий Мишко Беликович получил «церковное землици бережокъ» (ЛМ. Кн. 3. Р. 33, 45). Не вполне ясно лишь, когда это происходило — до или после выдачи привилея. См. подробнее: *Полехов* С.В. Привилей великого князя Литовского Александра для Смоленской земли 1505 г. (В печати.)

¹⁶³ *Halecki* O. Dzieje unii jagiellońskiej. T. 1. S. 342; *Kolankowski* L. Op. cit. S. 232.

смоленскими именами («приказывает»). Однако содержание этих актов указывает на 1447–1448 гг.¹⁶⁴, а смоленским наместником в это время был Петр Сенька Гедигольдович¹⁶⁵. «Приказ» не обязательно был прерогативой наместника¹⁶⁶. В списке свидетелей привилея Казимира виленским мещанам от 7 апреля 1441 г. Андрей Сакович назван без должности¹⁶⁷. Не исключено, что примерно на это время приходится наместничество князя Семена Ямонтовича, о котором известно из единственного документа¹⁶⁸, тем более что он был знаком смольнянам как сын Ямонта Тулунтовича — смоленского наместника Витовта в конце XIV в.

Восстание 1440 г. показало противоречия интеграции Смоленской земли в состав Великого княжества Литовского. С одной стороны, великокняжеская власть принимала достаточно разносторонние меры для достижения этой цели. Несмотря на ограничения прав православной знати ВКЛ по сравнению со знатью католической, смоленские бояре уже в 1440 г. ассоциировали себя не просто с тем или иным великим князем, но с Литовским государством и его представителем — воеводой. С другой стороны, в Смоленске еще была жива память о независимости, и в случае социального конфликта это создавало угрозу для позиций Литвы в этом регионе. Реализоваться такая угроза могла лишь при определенном стечении обстоятельств: «черные люди» и поддержавшие их представители других групп населения продержались несколько месяцев лишь при помощи знакомых им мятежных князей с их военными отрядами, за прочными крепостными стенами¹⁶⁹ и в условиях ощутимой слабости центральной власти, все внимание которой до поры до времени было направлено на удержание великокняжеского престола Казимиром Ягеллоном (об этом говорит хотя бы хронология событий: смольняне восстали 30 марта, Казимир был провозглашен великим князем 29 июня, а литовское войско подошло к Смоленску лишь 14 ноября). Стоило этим условиям измениться, как Смоленск вернулся под власть Литвы, причем, в отличие от других мятежных регионов ВКЛ — Же-

¹⁶⁴ *Saviščevas E.* Suvaldyti chaosą. *Priedas 2.* P. 156. Nr. 434.

¹⁶⁵ *Petrauskas R.* *Op. cit.* P. 232, 321.

¹⁶⁶ Подробнее см.: *Hruša A.* Kwestie badań kancelarii Wielkiego Księstwa Litewskiego lat 40. XV w. — pierwszej trzeciej XVI w. // *Belliculum diplomaticum IV Torunense. Dyplomatyka staropolska — stan obecny i perspektywy badań.* Toruń, 2011. S. 75–94.

¹⁶⁷ Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковно, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Ч. 1. Вильна, 1843. Ч. 1. № 7.

¹⁶⁸ *LM.* Кн. 5. № 101. P. 80–81.

¹⁶⁹ *Сапожников Н.В.* Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // *Смоленск и Гнездово.* М., 1991. С. 150–179; *Кром М.М.* *Меж Русью и Литвой.* С. 207–221.

майтии и Волыни, центральная власть не шла на уступки восставшим, поскольку их социальный состав был иным. Благодаря политике интеграции отдаленного региона, продолжившейся в благоприятной обстановке правления Казимира Ягеллона, в начале XVI в. не только смоленские бояре и мещане, но и «черные люди» прочно ассоциировали себя с Великим княжеством Литовским¹⁷⁰ и не искали себе «господаря» за его пределами.

¹⁷⁰ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 246–249. Важны не только упоминания «черных людей» среди адресатов господарских пожалований, но и то, что они были результатом их обращений к господарю с челобитьями.

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское, Смоленск, Казимир Ягеллон, восстание, управление, интеграция.

Sergey V. Polekhov

THE SMOLENSK UPRISING OF 1440

This article is focused upon the 1440 uprising in Smolensk in the context of the integration of the Smolensk land into the Grand Duchy of Lithuania. As the analysis of the narrative and documentary sources shows, the driving force behind the uprising were the «black people», the artisans, the lowest category of full-fledged townspeople of Smolensk which were joined by the representatives of more affluent social groups. The study did not confirm a genetic connection with the earlier events during the dynastic war in 1432–1438. Its causes and driving forces were quite different. This uprising showed, on the one hand, the success of the efforts of the Grand Dukes of Lithuania of the gradual integration of the new region (indicated by the position of the local nobility who stood on the side of the authorities). On the other hand, in Smolensk, the memory of independence was still alive, and in the case of social conflict, it posed a threat to Lithuania's position in the region. In 1440, this threat was realized due to a certain combination of circumstances: the rebels held on for a few months only through the help of acquaintance rebellious dukes with their military forces, strong fortifications and the palpable weakness of the central power. All of their attention until that time was aimed at holding the throne of Casimir Jagiellon. The cost of these conditions changed, and Smolensk went back under the rule of Lithuania. Unlike other rebel regions of the Grand Duchy of Lithuania — Samogitia and Volhynia — the central government did not apply the broad concessions for rebels because their social structure was different. The implementation of integration policies in the remote regions continued under the favorable conditions of the reign of Casimir Jagiellon (1440–1492) and his successors so that at the beginning of the XVI century, not only boyars and burghers of Smolensk, the wealthiest citizens, but also «black people» strongly associated themselves with the Grand Duchy of Lithuania.

 Полехов Сергей Владимирович

кандидат исторических наук, ученый-стажер Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва), научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

Д. Шульц*

ВЛИЯНИЕ ЛИТОВСКО-МОСКОВСКИХ ВОЙН НА ОТНОШЕНИЯ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ В 1492—1569 ГГ.

последнее десятилетие XV в. произошли существенные перемены в польско-литовских и литовско-московских отношениях. Если еще в 1420—1430-х гг. правивший в Москве Василий II удерживал власть в том числе благодаря опеке и покровительству своего деда, великого князя Литовского

Витовта, то уже в конце столетия его сын Иван III успешно «кусал» государство своих предков, реализуя программу «собирания русских земель»¹. По всем признакам, это не было безразлично и для поляков², тем более что

* Перевод с польского А.Б. Плотникова.

¹ На рубеже 1492—1493 гг. Иван III в первый раз использовал в дипломатических контактах с Литвой титул «государя всея Руси» (*Koneczny F. Geneza urosczeń Iwana III do Rusi litewskiej. «Ateneum Wileńskie» [dalej: At.Wil.], R. III (1925). Z. 10—11. S. 193; Białowiejska W. Stosunki Litwy z Moskwą w pierwszej połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka (1492—1499), At.Wil., R. VII (1930). Z. 1—2. S. 96).*

² Поскольку Иван III доказывал, что титул «государя» равен королевскому. Поляки опасались, возможно, что в будущем литовские противники унии с Польшей могли бы воспользоваться этим и связать с идеей еще 1430 г. о королевской коронации великого князя (*por. Chojnicka K. Tytuł carski w doktrynie moskiewskiej, [w:] Ustrój i prawo w przeszłości dalszej i bliższej. Studia historyczne o prawie dedykowane Prof. Stanisławowi Grodzickiemu w pięćdziesiątą rocznicę pracy naukowej, pod red. J. Malca i W. Uruszczaka. Kraków, 2001. S. 118, przyp. 1).*

в 1491 г. Иван III получил от императора Максимилиана I обещание военной помощи против Казимира Ягеллончика и его сыновей³. Тем самым он разрывал до того момента прочный и объективно выгодный для Литвы вечный трактат 1449 г. и нарушал прежнее соотношение сил на Востоке⁴. Подчинение принадлежавших Литве русских земель Москва начала самое позднее в 1485 г. Мир 1494 г., завершивший эту именуемую в польской историографии «первую московскую войну», был свидетельством ее явного успеха на этом пути⁵.

1492—1501 гг. Анджей Рахуба назвал «периодом перелома» в истории Великого княжества Литовского, когда в результате в том числе и московских войн было подорвано прежнее доминирующее политическое положение Литвы в регионе⁶. Любопытно, что коронные паны, видимо, прекрасно все понимая, уже с конца 70-х гг. XV в. были готовы оказать военную помощь Литве в ее возможном столкновении с Москвой⁷. Этой же позиции придерживался и тогдашний польский король и литовский великий князь Казимир Ягеллончик⁸.

Феликс Конечный обратил внимание на то обстоятельство, что польский и литовский монарх в своей последней воле в 1492 г. назначил своим преемником в Литве только одного Александра Ягеллончика, разрушая, таким образом, польско-литовскую личную унию⁹. Такая ситуация

³ *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III... *At.Wil. R. III. Z. 10–11. S. 228.*

⁴ *Skopińska Z.* Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440–1453. *At.Wil., R. V. (1928). Z. 15. S. 108 i nn.; Białowiejska W.* Stosunki Litwy z Moskwą w pierwszej połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka... *At.Wil. R. VII. Z. 1–2. S. 60; H. Łowmiański.* Polityka Jagiellonów. Poznań 1999, przyg. do druku *K. Pietkiewicz. S. 236; por. Krupska A.* Z dziejów tworzenia się nowego układu sił politycznych w Europie Wschodniej po upadku Złotej Ordy w XV w. «*Roczniki Historyczne*» [dalej: RH], R. XLII (1976). S. 37–56.

⁵ *Białowiejska W.* Stosunki Litwy z Moskwą w pierwszej połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka... *At.Wil. R. VII. Z. 1–2. S. 108–109; Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. *Studia z dziejów XIII–XVIII wieku.* Warszawa, 1989. S. 142; *Błaszczyk G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002. S. 21, 25; *Rachuba A.* Litwa w unii z Polską, [w:] *Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski.* Warszawa, 2009. S. 52.

⁶ *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002. S. 24.

⁷ *Dworzaczek W.* Leliwici Tarnowscy. Z dziejów możnowładztwa małopolskiego. *Wiek XIV–XV.* Warszawa, 1977. S. 261.

⁸ *Plewczyński M.* Wojny Jagiellonów z wschodnimi i południowymi sąsiadami Królestwa Polskiego w XV w. Siedlce, 2002. S. 124; *Zyglewski Z.* Polityczna i aktotwórcza działalność kanclerza Krzesłowa z Kurozwęk i podkanclerzego Grzegorza z Lubrańca w latach 1484–1495. Bydgoszcz, 2007. S. 74, 86–87; *Rachuba A.* Litwa w unii z Polską, [w:] *Historia Litwy...* S. 53.

⁹ *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi litewskiej. *At.Wil. R. III. Z. 10–11. S. 253.*

отвечала интересам будущего великого князя, поскольку благодаря этому он мог сосредоточиться исключительно на литовских делах и особенно на московских проблемах Литвы¹⁰. Интересно, что, по мнению Ванды Бяловейской, трудные польско-литовские переговоры в последнее десятилетие XV в., которые были направлены на восстановление унии, парадоксальным образом благоприятствовали Москве, поскольку Литва вместо того, чтобы воспользоваться потенциальной польской военной помощью, старалась поддерживать мирные отношения с Рюриковичами (примером чего был брак Александра Ягеллончика с Еленой Ивановной в 1494 г.¹¹). Куда большую угрозу для себя она видела в Короне, пытавшейся занять доминирующее положение в отношениях с Литвой, тогда как последняя была заинтересована в сохранении равенства в будущей унии¹².

Тем не менее то обстоятельство, что Польша и Литва постоянно имели общих врагов, способствовало их новому сближению и в том числе военному и дипломатическому сотрудничеству. Таким образом, заключение нового договора в 1499 г., за которым закрепилось наименование Виленской унии, было в значительной мере облегчено¹³. Неизбежное новое московское наступление на Литву произошло 3 мая 1500 г. Великое княжество Литовское не было в полной мере готово к войне, поскольку с 1495 г. не проводило ни одной большой кампании¹⁴. Кроме того, Литва не располагала и достаточными финансовыми средствами для ее ведения, поскольку отдача Александром Ягеллончиком и его отцом в заклад великокняжеского домена серьезно сократила доходы литовской казны¹⁵. С помощью одной только земской службы Литва была не в состоянии противостоять такому противнику, как Москва¹⁶. Все это сопровождалось к тому же многочисленным бегством литовских пограничных князей на московскую сторону и переходом их вместе с землями под

¹⁰ Por. *Rachuba A.* Litwa w unii z Polską, [w:] *Historia Litwy...* S. 54.

¹¹ *Citko L.* «Kronika Bychowca» na tle historii i geografii języka białoruskiego. Białystok, 2006. S. 480 (tu błędnie 1495).

¹² *Białowiejska W.* Stosunki Litwy z Moskwą w pierwszej połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka. At.Wil. R. VII. Z. 1–2. S. 75.

¹³ Zob. *Dąbrowski J.* Dzieje Polski średniowiecznej. T. 2. Kraków, 1926. S. 453.

¹⁴ *Herbst S.* Kleck 1506, [w:] *Potrzeba historii czyli o polskim stylu życia.* T. 2. Cz. 3, przyg. Kom. Red. pod przew. A. Zahorskiego. Warszawa, 1978. S. 213.

¹⁵ *Любавский М.* Литовско-Русский сейм. М., 1901. С. 177–178.

¹⁶ *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej... S. 27.

Иван III.
Европейская
гравюра XVI в.

покровительство Ивана III¹⁷. В этой обстановке Александр Ягеллончик по необходимости в одиночку предпринял наступление против московских войск. С этой целью была направлена армия Константина Ивановича Острожского, которая 14 июля 1500 г. потерпела поражение в битве на Ведроши.

В результате возникла политическая ситуация, которая благоприятствовала интенсивным усилиям поляков по пересмотру в более выгодную для себя сторону положений унии 1499 г. Кроме того, это совпало по времени со смертью тогдашнего польского короля Яна Ольбрахта. По мнению Оскара Халецкого, в основе новой литовской инициативы лежало трудное положение Литвы на фронте войны с Москвой, а также финансовые проблемы¹⁸. Литва в этих вопросах, видимо, рассчитывала на польскую помощь¹⁹. Немецкий историк Якоб Каро отмечал, что если бы не уния, Литва стала бы добычей Москвы, а сам Александр — вассалом своего тестя²⁰. Собственно, сами литовские послы на польском элекционном сейме в Петркове в 1501 г. прямо заявляли, что причиной их прибытия являются московская угроза, финансовые трудности Литвы, а также неудачи их союзников заволжских татар в боях с Москвой. В итоге Александр Ягеллончик был избран новым

¹⁷ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV— первой трети XVI в. М., 2010. С. 107–118.

¹⁸ Halecki O. Dzieje unji jagiellońskiej. Т. II. Kraków, 1920. S. 2, 5–6.

¹⁹ Там же. S. 5–6.

²⁰ Caro J. Dzieje Polski. Т. VI. Warszawa, 1900. S. 343–347.

польским королем²¹, однако вынужден был согласиться на новый, крайне невыгодный для Литвы договор об унии с Коронай, называемый Мельницкой унией.

Неудивительно, что уже в 1502 г. собравшиеся в Новогрудке литвины объявили, что они еще не могут представить реверсалов унии вследствие отсутствия их панов, все еще воюющих с Москвой²². Яцек Пеляс замечает, что в связи с московской войной одним из важнейших дел для нового короля были постановления, принятые на великопольском генеральном сеймике в польском Коле в июле 1502 г. Участвовавшая в сеймике шляхта предлагала, чтобы перед лицом нестабильного финансового положения король предпринял шаги для заключения мира или хотя бы перемирия с Москвой, декларируя активное участие в этом со стороны великополян, а также готовность коронной шляхты защищать Литву²³, что подразумевало оказание ей военной помощи, на которую рассчитывала Литва, заключая унию²⁴.

Результатом этого было то, что поляки вошли в состав литовского посольства в Москву в 1503 г.²⁵ По мнению Халецкого, это стало следствием неуверенности в успехе посольства, если бы оно было исключительно литовским²⁶. Правда, на результат переговоров это никак не повлияло: заключенное тогда шестилетнее перемирие было самой крупной за все предшествующее время победой Москвы над Литвой, утратившей более 30 процентов своей территории²⁷. Возможно, именно по этой причине поляков отстранили от участия в литовской дипломатии до начала правления

²¹ В то же время заметно отсутствие каких-либо упоминаний о возможных шагах великого князя в отношении коронации вместе с ним великой княгини Елены Ивановны. По мнению калишского каштеляна Петра Зборовского (1548; zob. *Dyaryusze sejmów koronnych 1548, 1553 i 1570 r.*, wyd. *Szujski J.* Kraków, 1872. S. 215), Елену не короновали, поскольку «им (полякам. — Д. Ш.) та московка не по вкусу пришла» (por. *W. Dworzaczek*. Op. cit. S. 154).

²² *Akta Aleksandra, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego (1501–1506)*, wyd. *Papée F.* Kraków 1927 [dalej: AA], nr 96, s. 129; *Halecki O.* Op. cit. S. 22.

²³ *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Metryka Koronna, Libri Legationum*, ks. 2 [dalej: AGAD, МК, LL, ks. 2]. K. 32, 160–161; AA. Nr 96. S. 126–128; *Pielas J.* *Oleśniccy herbu Dębno w XVI–XVII wieku. Studium z dziejów zamożnej szlachty doby nowożytnej*. Kielce, 2007. S. 85–86.

²⁴ Zob. *Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563*, wyd. *Działyński A. T.* Poznań, 1841. S. 79; *Akta unji Polski z Litwą 1385–1791*, wyd. *Kutrzeba S. i Semkowicz W.* Kraków, 1932 [dalej: AU]. Nr 80. S. 140; *Volumina Constitutionum* [dalej: VC]. T. I. Vol. 1. Do druku przyg. *Grodziak S. i Dwornicka I., Uruszczak W.* Warszawa, 1996. Nr VI. S. 103.

²⁵ *Łowmiański H.* Op. cit. S. 381.

²⁶ *Halecki O.* Op. cit. S. 26.

²⁷ *Właszczuk G.* Op. cit. S. 32–33.

Великий князь Литовский Александр Ягеллончик.
Гравюра из «Описания европейской Сарматии» А. Гваньини. XVI в.

Сигизмунда Старого (1506—1548 гг.)²⁸. Хенрик Ловмянский даже выдвинул интересный, хотя и спорный тезис, что поляки специально не оказали помощь Литве, что могло бы остановить продвижение московских войск, поскольку уния 1501 г. сохраняла «фактически обособленность двух государств и не могла ни обеспечить прочности союза, ни возбудить в Короне энтузиазм»²⁹.

Позиция литовских сторонников унии с Польшей могла еще более ослабнуть после невыгодного для Великого княжества перемирия с Москвой в марте 1503 г., поскольку оно убедило остальных литвинов, что скромная польская военная и дипломатическая помощь ничего не решила. Преувеличенными кажутся цифры, приведенные Халецким, считавшим, что польская помощь с самого начала составляла ни много ни мало 8 тысяч человек, тогда как перелом в пользу противника, в чем обвиняли поляков, произошел вследствие разгрома союзнических сил заволжского хана Шах-Ахмата³⁰. Ян Домбровский прямо писал об обманутых надеждах литвинов³¹. Гжегож Блащик отметил, что отказ от Мельницкой унии соответствовал интересам династии, а одной из причин действий литвинов было разочарование в эффективности польской помощи во время московской

²⁸ Por. tamże. S. 92 i nn.; *Banionis E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais. Vilnius, 1998. P. 210–212.

²⁹ *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 451.

³⁰ *Halecki O.* Op. cit. S. 21.

³¹ *Dąbrowski J.* Op. cit. S. 461.

войны³². Были, однако, и такие литвины, которые по-прежнему, даже не смотря на негативный опыт войны 1500–1503 гг., считали, что только благодаря тесному союзу с Короной Великое княжество будет в состоянии защитить себя от агрессии Москвы³³.

Именно они в конце июля 1504 г. прибыли в Краков к коронным панам, в том числе и по вопросу получения помощи Короны против Москвы. Литовская инициатива закончилась, однако, неудачей, поскольку польские паны потребовали от литвинов представления реверсалов Мельницкой унии, что, очевидно, было за пределами их компетенции, хотя они и заверили, особенно виленский епископ Войчех Табор и земский маршал Ян Забжезиньский, напомнившие о своем участии в заключении унии, что они хотят это сделать³⁴. Однако в конечном итоге этого не произошло.

Отсюда можно заключить, что фундамент нового польско-литовского военного союза был заложен только во время петрковского элекционного сейма 1506 г. Литовские послы, напоминая, что в прошлом Литва якобы всегда оказывала помощь Короне, когда той грозила опасность, просили военную и финансовую помощь против Москвы³⁵. Обращаясь к земским сеймикам 1507 г. в преддверии очередного коронного сейма в Кракове (1508 г.), король обращал внимание шляхты на татарскую и московскую угрозу³⁶. Согласно словам литовских послов, обращенным к польским панам в 1508 г., за два года до того в Мельнике предполагалось заключить договор, предусматривавший военную помощь Литве в случае войны с Москвой³⁷.

³² *Błaszczyk G.* Op. cit. S. 41.

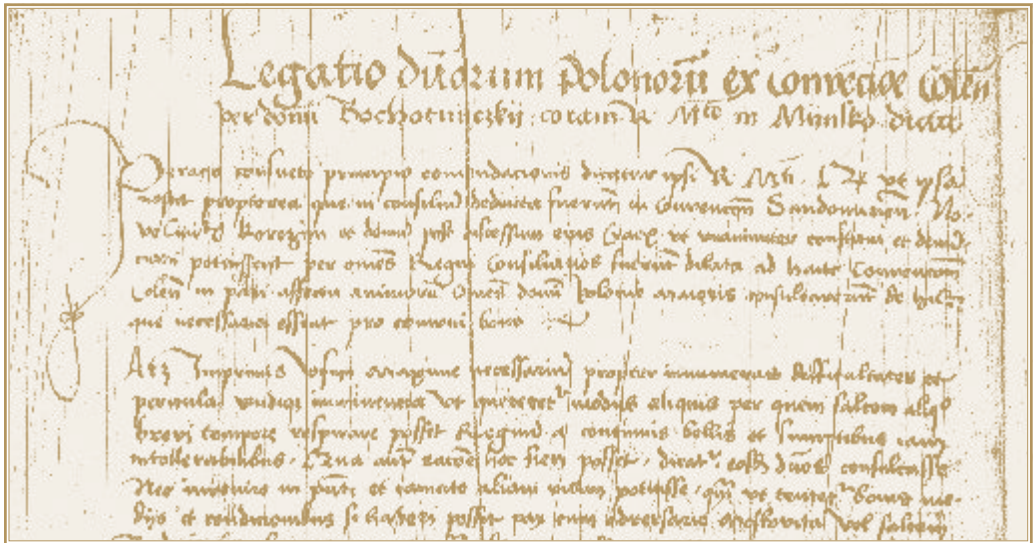
³³ *Kempa T.* Konflikty w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku (do 1569 roku) a kwestia unii polsko-litewskiej, [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010. С. 45.

³⁴ Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie, Teki Adama Naruszewicza [dalej: BCz., TN], T. 27. Nr 33. S. 93–94; Nr 34. S. 95–102; AA. Nr 254. S. 420–423.

³⁵ Посольство Сигизмунда Ягеллончика и литовских панов, объясняя причины его поспешного назначения на великокняжеский престол без консультаций с польской стороной, сослалось на угрозу со стороны Москвы, которая уже тогда стала нападать на пограничные замки и поселения и разорять их (AGAD. Kopia Warszawska Metryki Litewskiej [dalej: KWML]. Ks. 194. S. 4–6; Lietuvos Metrika. Knyga nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8, wyd. *Baliulis A., Firkovičius R., Antanavičius D.* Vilnius, 1995 [dalej: LM, Ks. 8]. Nr 3.2. S. 44–45).

³⁶ AGAD, MK, Libri inscriptionum. Ks. 22. K. 200v–202.

³⁷ AGAD. KWML. Ks. 193. S. 73. По мнению Оскара Халецкого, предполагалось даже принять совместное решение о необходимости начала весной решительных действий в отношении восточного соседа (*Halecki O.* Op. cit. S. 43; por. *Spierski Z.* Kiszka Stanisław Piotrowicz h. Dąbrowa (zm. 1513 lub 1514), [w:] Polski Słownik Biograficzny [dalej: PSB]. T. XII. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966–1967. S. 516).

Запись польской посольской книги (август — сентябрь 1502 г.)
о прибытии в Минск польского посла Яна Бохотницкого.

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Metryka Koronna, Libri legationum, ks. 2, k. 35v.

Поляки в любом случае либо посчитали эти аргументы убедительными, либо сами были изначально убеждены в необходимости оказания помощи Литве против Москвы, коль скоро даже польские провинциальные синоды в 1508 г. решились утвердить контрибуции для финансирования новой, так называемой «второй московской войны», которая в тот момент началась³⁸. Кроме

³⁸ Первым это сделал познаньский епископ Ян Любраньский, который созвал 13 мая 1507 г. в Коле провинциальный синод для утверждения контрибуции на диоцезиальное духовенство в связи с московской войной (*Sawicki J. Consilia Poloniae. Źródła i studia krytyczne. T. VII. Synody diecezji poznańskiej i ich statuty. Poznań, 1952. S. 35*). Якуб Савицкий именно в этом синоде видел тот фактор, который подтолкнул и склонил остальных епископов и кафедральные капитулы к созыву синодов для принятия аналогичных решений, хотя при этом не обошлось без осложнений. Несмотря на то что пшемыский капитул и созвал 3 октября 1507 г. провинциальный синод, однако это произошло под давлением епископа Мачея Джевицкого, который, впрочем, на синод не прибыл, оставаясь в свите великого князя. Более того, мы не имеем никаких сведений о возможных решениях, принятых этим синодом (*tenże, Consilia Poloniae. Źródła i studia krytyczne. T. VIII. Synody diecezji przemyskiej obrządku łacińskiego i ich statuty. Wrocław, 1955. S. 24*). В свою очередь Плоцкий капитул, принимая во внимание имевшую место эпидемию, а также значительные суммы, которые созыв синода требовал от парафиального клира (стоимость дороги и пребывания), 9 сентября 1507 г. решил не созывать синода и обычным путем обратился к диоцезиальному духовенству с призывом заплатить контрибуцию (*tenże, Consilia Poloniae. Źródła i studia krytyczne. T. VI. Synody diecezji płockiej i ich statuty. Warszawa, 1952. S. 81–82*). Вопрос о контрибуции на войну с Москвой являлся также предметом обсуждения синода гнезденского архидиоцеза, который собрался раньше всех других, одновременно с синодом Любраньского и Познаньского капитула, 24 апреля 1507 г., зная уже о их планах (*por. tenże, Consilia Poloniae. Źródła i studia krytyczne. T. VII.*

того, существовала опасность, что Москва захочет воспользоваться ситуацией не только для интенсификации военных действий, но также и для того, чтобы перетянуть на свою сторону Глинских и их сторонников, о чем русские послы старались уже в марте 1508 г.³⁹ Ибо насколько для литвинов дело заключалось в получении любой ценой помощи против Рюриковичей, настолько поляки могли еще думать о возможности возвращения к Мельницкой унии.

Посоветовавшись с королем, поляки откликнулись на просьбу литвинов, отказывая, правда, в созыве посполитого рушения, но обещая прислать 4 тысячи наборных, число которых в феврале 1508 г. при известии о начале бунта М. Глинского в Литве они соглашались увеличить еще на тысячу. Цена оплаты этих отрядов составила 200 тысяч злотых, которые полностью покрыла коронная казна⁴⁰. За это, однако, поляки потребовали «обновления, уточнения» и письменного подтверждения унии 1501 г.⁴¹ Это известие вместе с выражением соболезнования по поводу смерти Забжезиньского, по мнению короля, приложившего столь большие усилия для дела унии, доставил литовцам равский староста Ян Бучацкий⁴². Еще до отправки Бучацкого в Корону прибыл виленский воеводиц Ян Радзивилл с настоянием в этом деле, вследствие чего поляки выделили 100 тысяч злотых на жалованье для тех сил, о которых перед этим ими уже было принято решение⁴³, король же объявил, что эти войска придут в Брест-Литовский через две недели после пасхи 1508 г.⁴⁴, что действительно произошло. Там предполагалось провести смотр войска, которое помимо «великого числа литвинов» должно было включать 5 тысяч наемных поляков, что означало бы, что Корона выполнила свое обещание⁴⁵.

S. 35), но повлекло ли это за собой соответствующие решения о самообложении клира, неизвестно. Иным делом был тот факт, что королевские контрибуции, накладываемые на коронный клир и собираемые провинциальными синодами или генеральными капитулами, были в то время повсеместными, а их сбор происходил с большими сложностями. В 1507 г. «московскую» контрибуцию исправно собрал только колецкий синод.

³⁹ Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi. T. II, wyd. Malinowski M. Warszawa, 1846. S. 709; Pocięba W. Gliński Michał (zm. 1534), [w:] PSB. T. VIII. Wrocław-Kraków-Warszawa, 1959–1960. S. 67; Kolankowski L. Polska Jagiellonów, wyd. III. Olsztyn, 1991. S. 134; Kwiatkowski K. Wojna moskiewsko-litewska 1507–1508 — aspekty militarne, [w:] «Studenckie Zapiski Historyczne». Z. 2 (2005). S. 48–49.

⁴⁰ Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506–1548). Warszawa, 1979. S. 93.

⁴¹ BCz. TN. T. 27. Nr 123.

⁴² Там же. Nr 126.

⁴³ Halecki O. Op. cit. S. 45.

⁴⁴ BCz. TN. T. 27. Nr 127.

⁴⁵ Por. Decjusz J.L. Księga o czasach króla Zygmunta, przyg. do druku Bieńkowski T. Warszawa, 1960. S. 35.

Сигизмунд I.

Портрет, приписываемый Гансу из Кульмбаха. Между 1511 и 1518 гг.

Однако, по мнению Анны Сухени-Грабовской, только лишь в коронной конституции 1510 г. содержалось обязательство короля заключить унию, что должно было быть вызвано его желанием получить польскую военную и финансовую помощь для находящейся под угрозой соседей Литвы, возможно, особенно после занятия Пскова Москвой в 1510 г.⁴⁶ В ноябре 1510 г. Сигизмунд Старый планировал даже направить в Москву посольство от имени не только Короны, но и Литвы, и окончательно отказался от этого лишь в связи с уведомлением о направлении московского посла⁴⁷. На фоне сохраняющейся московской угрозы во время виленского сейма 1512 г. происходило обсуждение вопроса о совместной обороне Польши и Литвы, а также о более тесном союзе этих государств на основе нереализованного соглашения 1501 г.⁴⁸ Наконец, в январе 1513 г. началось ожидавшееся московское наступление на Смоленскую землю⁴⁹. Вследствие этого в Польше было уже окончательно решено оказать помощь Литве⁵⁰. По мнению Фредерика

⁴⁶ Tamże. S. 46; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 120–121.

⁴⁷ BCz., rękopis 252. Nr 237. S. 109–111.

⁴⁸ Лобин А. Н. Битва под Оршей. 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 27.

⁴⁹ Rybus H. Dwa źródła do biografii Macieja Drzewickiego, [w:] «Roczniki Teologiczno-Kanoniczne» [dalej: RTK]. T. III. Z. 2 (1956). S. 362.

⁵⁰ Acta Tomiciana [dalej: AT] T. II (1512–1513), wyd. T. Dziatłyński. Poznań, 1852. Nr 143. S. 141.

Папее, переход «общерусской» программы в московские руки⁵¹ повлек за собой перемену польской позиции в сторону необходимости заключения унии с Литвой, — коронные паны на этот раз постановили помочь Литве без выдвигания в качестве предварительного условия представления литовскими панам реверсалов Мельницкой унии⁵².

В этот момент помощь Короны приобрела для Литвы особое значение. Поражение Василия III разрушило бы или по крайней мере ослабило бы антиягеллонский союз⁵³. Последний в свою очередь в значительно большей степени, нежели прежде, сближал Корону и Великое княжество, по крайней мере в области военного сотрудничества. Кроме того, поражения на московском фронте вынудили литвинов к новому обращению к полякам с предложением возобновления унии, на что коронные паны выразили свое согласие⁵⁴. Заседавший в феврале 1514 г. в Вильно литовский сейм утвердил сбор специального налога, значительную часть которого было решено предназначить на набор семи тысяч бойцов, а также на закупку оружия, особенно артиллерии, в Польше⁵⁵. Задача эта была возложена на великого литовского подскарбия Абрахама Эзофовича⁵⁶. В марте план реализации набора был направлен королем петрковскому сейму⁵⁷.

В итоге, однако, по мнению Людвика Колянковского и Петра Дрожджа, должен был быть произведен набор даже восьми тысяч польского рыцарства, в том числе пяти тысяч конницы и трех тысяч пехоты, под командованием трембовельского старосты Януша Свэрчовского⁵⁸, но были также и такие историки, которые утверждали, что в Литву направилось 16 тысяч поляков⁵⁹

⁵¹ Василий III в то время именовался «царем и государем всей Руси» (*Drożdź P. Orsza 1514. Warszawa, 2000. S. 189*).

⁵² *Papee F. (rec.), Kolankowski Ludwik: Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. 1377–1499, Warszawa, 1930, str. IX, 475 (rec.), «Kwartalnik Historyczny» [dalej: KH], R. 44. Z. 3. S. 369; Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym... S. 31.*

⁵³ Por. *Baczkowski K. Projekty rozbiorów państw suwerennych w późnym średniowieczu i u początku doby nowożytnej. Kraków, 2001. S. 9, 11–12; Drożdź P. Op. cit. S. 189.*

⁵⁴ *Za Bardach J. Związek Polski z Litwą, [w:] Polska w epoce Odrodzenia. Państwo-społeczeństwo-kultura, pod red. A. Wyczańskiego. Warszawa, 1986. S. 131.*

⁵⁵ *Dróż P. Op. cit. S. 189.*

⁵⁶ *Pocięcha W. Abraham i Michał Ezołowicze. Działacze gospodarczy XVI w. Kraków, 1947. S. 7; Kolankowski L. Op. cit. S. 144.*

⁵⁷ *Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии в битве под Оршей 1514 г., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Мінск, 2010. С. 23.*

⁵⁸ *Kolankowski L. Op. cit. S. 144; Drożdź P. Op. cit. S. 189, 191.*

⁵⁹ *Zob. Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии..., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі... С. 31.*

Ежи Радзивилл
«Геркулес».
Портрет XVII в.

(Александр Лобин придерживается мнения, что в действительности их было 9163 человека, из которых целых 2 тысячи под командой Яна Тарновского⁶⁰). Между тем мы имеем освидетельствованную 10 апреля концентрацию набранных коронных сил в Бресте-Литовском в количестве 22 хоругвей, что составило 4430 человек⁶¹, а также перед 20 мая — в количестве 12 хоругвей, насчитывающих 2600 человек⁶². Следовательно, можно уверенно говорить о прибытии в Литву весной 1514 г. 7030 человек⁶³. Местом общего сбора польских и литовских сил был выбран Минск⁶⁴. Проходил он, однако, не без хлопот и завершился только в августе⁶⁵. Польскими войсками командовал Ян Сверчовский, литовскими — киевский воевода Ежи Радзивилл «Геркулес», общее же командование было поручено гетману Константину Острожскому⁶⁶.

В битве под Оршей 8 сентября 1514 г. литвинов поддерживали, таким образом, значительные польские силы. Согласно анонимному, но современному событиям источнику, король взял с собой в Литву 20 тысяч хорошо

⁶⁰ Там же. С. 38.

⁶¹ Biblioteka Jagiellońska w Krakowie [dalej: BJ], rkps. 38. S. 53.

⁶² Там же. С. 91.

⁶³ Пор. Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии..., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ... С. 24–29.

⁶⁴ АТ, т. III, wyd. Т. Działyński, Poznań 1853, s. 3.

⁶⁵ Dróżdź P. S. 189–191; Kolankowski L. Op. cit. S. 145.

⁶⁶ Там же. С. 191–192; Decjusz. Op. cit. S. 80; por. АТ. Т. III. S. 4.

вооруженного рыцарства⁶⁷. Мачей Стрыйковский определил масштаб коронной помощи Литве общими словами: «несколько рот польских по бокам стояло, солдат и почтов коронных немало»⁶⁸. Из его сообщения следует, что в битве особенно отличились Ян Сверчовский, Ян Зборовский и Вавжинец Мышковский⁶⁹, а участвовали также почты Тенчинских, Пилецких⁷⁰, Кмитов и «иных», как указывает Стрыйковский⁷¹. По подсчетам Александра Лобина, в кампании 1514 г. приняли участие представители около десяти магнатских родов из Короны⁷². Для них, без сомнения, это была отличная политическая школа, возможность узнать Литву и местных панов, что в будущем могло положительно сказаться на контактах элит Короны и Великого княжества.

С. Хербст, однако, оценивает польское участие под Оршей примерно в 7 тысяч человек, т.е. почти в два раза меньше литовских и русских участников битвы⁷³, хотя А. Лобин считает, что численность литовских войск во время битвы преувеличена⁷⁴. Во время битвы польские силы успешно взаимодействовали с литвинами⁷⁵. По мнению Хербста, около двадцати рот польского рыцарства составляли ядро польско-литовских войск, поскольку они были лучше вооружены⁷⁶. Именно благодаря Войчеху Самполинскому контрудар войск коалиции оказался успешным⁷⁷.

Вместе с возрастанием польской помощи Литве коронная сторона предприняла шаги, которые указывают на желание установить нечто вроде

⁶⁷ Spominki pilzneńskie 1486–1548, wyd. Bielowski A., [w:] Monumenta Poloniae Historica. T. III, Kraków, 1878. S. 248.

⁶⁸ Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszzone, ani opisane, z natchnienia Bożego a upsejzmie pilnego doświadczenia, opr. Radziszewska J. Warszawa, 1978. S. 380.

⁶⁹ Там же. S. 381–382. Последнему за это было предано забвению даже убийство последнего заторского князя Януша, которое он совершил в августе 1513 г. (Nowakowski A. Prawne aspekty inkorporacji Księstw Oświęcimskiego i Zatorskiego do Korony latach 1563–1564. «Czasopismo Prawno-Historyczne». T. XXXVI. Z. 2 (1984). S. 99).

⁷⁰ Люблинский староста Ян с Пильчи вел из Минска авангард коронных войск (por. Kolankowski L. Op. cit. S. 145).

⁷¹ Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach... S. 379.

⁷² Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии..., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі... С. 30.

⁷³ Herbst S. Obraz bitwy pod Orszą, [w:] Potrzeba historii... T. 2. Cz. 3. S. 276.

⁷⁴ Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии..., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі... С. 39.

⁷⁵ Zob. Drożdż P. Op. cit. S. 199–201.

⁷⁶ Herbst S. Obraz bitwy pod Orszą, [w:] Potrzeba historii... T. 2. Cz. 3. S. 276.

⁷⁷ Там же. S. 277–278.

Битва под Оршей.
Фрагмент картины неизвестного автора. XVI в.

временной монетарной унии, только лишь на время военной кампании⁷⁸. Может быть, это была попытка великокняжеского совета восстановить более тесный союз Литвы и Польши вследствие утраты Смоленска 30 июля 1514 г., о чем писала Сухени-Грабовская⁷⁹? Заметим, что как только вследствие оршанской победы московское наступление удалось остановить, литвины вернулись к прежней, неуступчивой позиции в вопросе об унии, оттягивая ее полную реализацию на неопределенный срок⁸⁰.

По мнению Ирены Рольской, после оршанской победы появилась также политическая программа, направленная на ознакомление Европы с этим успехом при подчеркивании того факта, что он был достигнут совместными усилиями Польши и Литвы. С этой целью к венгерскому двору Владислава Ягеллончика было отправлено посольство Петра Фирлея вместе с восемью московскими боярами, захваченными под Оршей⁸¹. В свою очередь находящийся в Риме Ян Лаский 22 января 1515 г. выпустил в связи с оршанской победой лист, посвященный Сигизмунду Старому, в котором

⁷⁸ ВJ, гkps. 38. S. 53; por. Лобин А. К вопросу о составе и численности польско-литовской армии..., [w:] Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі... С. 25-27.

⁷⁹ Sucheni-Grabowska A. Spory królów ze szlachtą w złotym wieku. Kraków, 1988. S. 18.

⁸⁰ Por. Bardach J. Związek Polski z Litwą, [w:] Polska w epoce Odrodzenia... S. 131.

⁸¹ Rolska I. Firlejowie Leopardzi. Studia nad patronatem i fundacjami artystycznymi w XVI–XVII wieku. Lublin, 2009. S. 43.

сравнивал его с Александром Великим⁸². В базилике Святого Петра в Риме по этому случаю прошло пышное богослужение⁸³. Согласно Людвигу Колянковскому, оршанская победа решающим образом повлияла на созыв в следующем году съезда монархов Центральной Европы в Вене с участием делегации литовских панов⁸⁴, где, по мнению Петра Дрожджа, Максимилиан I решился окончательно отойти от союза с Василием III⁸⁵.

Только во время петрковского коронного сейма в январе 1534 г. вновь было решено оказать военную помощь Литве в ее войне с Москвой⁸⁶. В Литву отправились среди других великий подскарбий Спытек Тарновский, а также львовский староста Станислав Одровонж⁸⁷. Взамен поляки, однако, требовали, чтобы литвины выставили для общей обороны против татар компут, равный польскому, а также чтобы литвины прибыли на общий

⁸² *Szujski J.* Bernard Wapowski i jego Kronika, [w:] *Scriptores rerum polonicarum*. Т. II. Kraków, 1874. S. XIII.

⁸³ *Bogucka M.* Hołd Pruski. Warszawa, 1985. S. 40.

⁸⁴ *Kolankowski L.* Op. cit. S. 148.

⁸⁵ *Drożdź P.* Op. cit. S. 206; por. *Łowmiański H.*, *Polityka Jagiellonów*. S. 454. Складывается впечатление, что выход императора из коалиции во время съезда монархов в 1515 г. парадоксальным образом был вызван результатами отправленной им в Москву весной 1514 г. т.н. миссии Шнитценпаумера, которая должна была привлечь в коалицию Данию и определить срок совместного нападения на Польшу. Посольство, однако, не привело к успеху, сам же Шнитценпаумер вышел за рамки данной ему инструкции и заключил с Василием III договор, предусматривавший, что император автоматически окажется в состоянии войны с Коронай, когда Москва вступит в войну с Литвой, что означало необходимость немедленного начала наступательных действий против Польши, поскольку литовско-московская война уже шла. Между тем, если Василию III было необходимо обладание русскими землями Литовского государства, особенно Киевщиной, то Максимилиан I в действительности думал, скорее, о дипломатическом давлении на Польшу в венгерских и тевтонских делах (*Baczkowski K.* *Rola dyplomacji polskiej w przygotowaniu i rezultatach zjazdu wiedeńskiego 1515 r.* *Studia Historyczne*, R. XVIII (1975). Z. 1. S. 20–21), принимая лишь обязательство оказать помощь своими силами против Польши и Литвы в овладении Киевом и другими русскими землями, однако, без уточнения срока общего наступления (patrz *Pociecha W.* *Polityka mocarstw europejskich w okresie 1492–1555 w świetle. «Teksty źródłowe»*. Nr 29 (bez daty i miejsca wydania). Nr 22. S. 30–31 (dok. cesarski sprzymierzenia z Moskwą z 4 VIII 1514 r.). Возможно, именно по этой причине ему было нетрудно в 1515 г. отвергнуть союз с Москвой, особенно после заключения в самой Вене династических договоров с Сигизмундом Старым и Владиславом Ягеллончиком (por. *Konopczyński W.* *Walka z Niemczyzną o Bałtyk*. Kraków, 1946. S. 10). Однако, с другой стороны, уже Л. Колянковский отвергал эту мысль, обращая внимание на подтверждение императором еще перед съездом в Вене договора, заключенного в Москве Шнитценпаумером (*Kolankowski L.* Op. cit. S. 144).

⁸⁶ *Dworzaczek W.* Op. cit. S. 360. Ответственным за подготовку этой помощи стал коронный подскарбий Спытек Тарновский, который должен был как можно скорее собрать необходимые для этой цели финансовые средства (Там же. S. 361).

⁸⁷ Zob. BCz., TN, T. 50. Nr 168. S. 553.

Ян Амор Тарновский.
Портрет работы
М. Бачиарелли.
1781 г.

сейм (*communi conventu Inter nos et illius Ducatus Consiliarios*; собрание общее промеж нас (поляков. — Д.Ш.) и всех панов Княжества (Великого Литовского. — Д.Ш.) для совместного дел решения — *лат.*). С этой целью в качестве посла к королю и литовским панам, находящимся в Вильне, направили краковского епископа Петра Томицкого⁸⁸.

Король отказал, однако, по обоим польским требованиям — литвины были полностью поглощены московской войной и поэтому не могли прибыть в Польшу. Сигизмунд Старый обещал, однако, что постарается уговорить литовских панов заключить «пакт» с коронными панамы по вопросу общей обороны, что, по мнению Сухени-Грабовской, означало существование в тот момент крайне слабой связи между Литвой и Короной⁸⁹. Тем не менее в ноябре 1534 г. на очередной петрковский сейм прибыло литовское посольство «особ благородных сановников важных»⁹⁰ вновь с традиционной просьбой об оказании Польшей военной помощи Литве в так называемой «третьей московской войне», до сего времени для Литвы безуспешной. Это привело к самому крупному участию польских сил на стороне Литвы с 1514 г.⁹¹, однако никак не повлияло на решение вопроса об унии. Хотя самую важную роль в новой кампании сыграл коронный гетман Ян Тарновский, который даже составил военные артикулы для литовской армии, однако он имел неосторожность вступить в конфликт с Ежи Радзивиллом по вопросу о командовании

⁸⁸ Tamże. Nr 169. S. 557.

⁸⁹ Sucheni-Grabowska A. Monarchia dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny, cz. I, Geneza egzekucji dóbr. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974. S. 41–42.

⁹⁰ AGAD, KWML, ks. 211, s. 134; KWML, ks. 214. S. 1121.

⁹¹ Zob. AGAD, KWML, ks. 204, s. 27; KWML, ks. 211. S. 135.

объединенными польско-литовскими силами⁹². Более того, после взятия Стародуба польские наборные войска внезапно разъехались и на обратном пути в Польшу разграбили великокняжеские имения⁹³. Все это могло дополнительно отвратить литвинов от дальнейшего сотрудничества с поляками и повлекло за собой отказ им в помощи перед лицом молдавской угрозы в 1537 г.

Вскоре было заключено литовско-московское перемирие, продлеваемое в 1548 и 1554 гг.⁹⁴ В это время литвинам уже не требовалась польская военная и финансовая помощь, вследствие чего поляки лишились главного фактора давления на них в вопросе о более тесном союзе обоих государств. В марте 1556 г. Литве удалось в очередной раз продлить перемирие с Москвой, на этот раз — до марта 1562 г.⁹⁵ Как констатировала Сухени-Грабовская, «монарх (Сигизмунд Август. — Д.Ш.) явно считал, что уния была бы слишком высокой ценой за проведение совместной военной кампании против России»⁹⁶. Кроме того, в 1554 г. к выгоде литовской стороны началась московско-шведская война⁹⁷. Литвины со своей стороны старались убедить Ивана Грозного, что как раз они желают сохранения мира, а к войне стремятся именно Корона⁹⁸.

Вскоре, однако, в связи с ожидаемым московским наступлением на киевский замок тамошний воевода Константин (Василий) Острожский, сын известного Константина Ивановича, победителя под Оршей в 1514 г., собирался даже на петрковский сейм 1563 г., надеясь добиться там получения средств для укрепления замка⁹⁹. По мнению Томаша Кемпы, этот до недавнего времени сторонник и близкий к литовскому канцлеру Миколаю Радзивиллу «Черному» русский магнат уже не верил в возможность самостоятельной обороны Литвы против татар и Москвы¹⁰⁰. Несмотря на то что коронный сейм не состоялся, королю удалось набрать для новой литовско-московской войны польскую конницу под командой ротмистра и придвор-

⁹² Zob. m.in. AGAD, KWML, ks. 204. S. 24–25.

⁹³ *Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584). Działalność polityczna i wojskowa.* Kraków, 2008. S. 29–31. Причиной этого была нехватка средств на выплату жалованья (Там же. S. 32, 41).

⁹⁴ Por. tamże. S. 134.

⁹⁵ *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów.* S. 561.

⁹⁶ *Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520–1562.* Warszawa, 1996. S. 362.

⁹⁷ *Łowmiański H. Polityka Jagiellonów.* S. 561.

⁹⁸ Там же. S. 570.

⁹⁹ *Chynczewska-Hennel T. Ostrogski Konstanty Wasyl Książę (ok. 1526–1608), [w:] PSB.* T. XXIV. S. 490.

¹⁰⁰ Там же.

Князь Константин
Иванович
Острожский.
Портрет XVII в.

ного Сигизмунда Зебжидовского¹⁰¹. В Витебске он должен был соединиться с отрядами Миколая Радзивилла «Рыжего», которые прибыли туда еще 22 августа 1562 г. Однако Радзивилл, не веря, что их общие силы смогут противостоять приближающемуся противнику, отступил к Полоцку.

В результате не состоялось ни соединения польских и литовских сил, ни планировавшейся битвы с Москвой под Витебском, хотя еще в июне этого года король предписывал предпринять подобные действия¹⁰². Кроме того, собранная под Витебском многочисленная литовская земская служба, побуждаемая некоторыми литовскими панями, составила проект так называемой витебской петиции, обращенной к королю и имевшей целью скорейшее политическое и административное польско-литовское сближение. Возможно, свою роль здесь сыграло взятие московскими войсками Полоцка 15 февраля 1563 г.¹⁰³ В тесной унии с Коронай литовская шляхта могла видеть не только перспективу получения постоянной военной помощи против Москвы, но также возможность избавиться от необходимости в одиночку покрывать расходы на затягивающийся конфликт с Иваном IV¹⁰⁴.

¹⁰¹ Księga Ekspedycji kancelarii nadwornej 1559–1572, opr. *Kaniewska I.* Kraków, 1997. Nr 47. S. 57–58.

¹⁰² *Ferenc M.* Op. cit. S. 241–242.

¹⁰³ *Januszek-Sieradzka A.* Król Zygmunt August wobec idei unii polsko-litewskiej (w świetle listów), [w:] *Unia lubelska—Unia Europejska*, pod red. *Hofman I.* Lublin, 2010. S. 117.

¹⁰⁴ *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. S. 33.

При этом она также подчеркивала необходимость общей с Польшей обороны перед лицом Москвы и Швеции¹⁰⁵. С одной стороны, потеря Полоцка могла мобилизовать литвинов на новые поиски помощи у Короны, с другой же, принесла кратковременное перемирие, благодаря которому противники унии из числа литвинов не могли бы своего возможного отсутствия на общем с поляками сейме объяснять необходимостью участия в военных действиях на востоке, что уже неоднократно имело место в прошлом¹⁰⁶.

В октябре 1563 г. Миколай Дзялыньский проинформировал папского нунция в Польше кардинала Джованни Франческо Коммендони о том, что король якобы послал уже 20 тысяч войска в Литву. Рассчитывая также на силы, собранные в Инфлянтах, Сигизмунд Август вполне мог надеяться на то, что он не только защитит Великое княжество Литовское, но также и «неприятеля погромит»¹⁰⁷. Однако уже в январе 1564 г. сам Коммендони скорректировал численность упомянутых войск до 11 тысяч, в числе которых должно было быть 6 тысяч конницы, остальные — пехота, и указал, что эти войска еще не начали боевых действий вследствие ожидания московского ответа на посольство Сигизмунда Августа¹⁰⁸. Таким образом, польские силы должны были быть значительно меньше тех, которые якобы смогли выставить литвины — 35 тысяч конницы и 20 тысяч пехоты¹⁰⁹. По мнению кардинала, именно московская опасность и перспектива польской помощи должны были смягчить позицию Литвы в отношении унии с Короной¹¹⁰, о чем во время более позднего варшавского сейма упоминали сами литвины¹¹¹.

Еще в конце января 1564 г. в Варшаву прибыли литовские послы с трагическим известием о срыве Иваном Грозным переговоров и начале им очередной кампании против Литвы¹¹². Отсутствие в Варшаве части приглашенных туда литвинов послы объяснили шведской и московской опасностью в Инфлянтах¹¹³. 3–4 февраля 1564 г. на варшавский сейм дошли письма гетмана Радзивилла «Рыжего» королю с известиями о двух одержанных им побе-

¹⁰⁵ Тамże. К. 41.

¹⁰⁶ *Błaszczyk G.* Op. cit. S. 141.

¹⁰⁷ Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta obejmujące listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Boromeuszka, t. I, wyd. *Malinowski M.* Wilno, 1851. Nr 4. S. 10.

¹⁰⁸ Тамże. Nr 9. S. 25.

¹⁰⁹ Тамże. Nr 15. S. 40.

¹¹⁰ Тамże. Nr 12. S. 31.

¹¹¹ Тамże. Nr 15. S. 37.

¹¹² Тамże. Nr 15. S. 39–40.

¹¹³ *BCz., rkps.* 2712. Nr 69. S. 36.

Осада Полоцка в 1563 г.

Гравюра из аугсбургского «летучего листка». XVI в.

дах над Москвой, в результате которых он захватил в первой битве 3 тысячи возов с запасами, а во второй, произошедшей над Улой, — трех важнейших бояр, 5 тысяч возов, а также якобы не менее 50 тысяч доспехов и кирас, уничтожив ни много ни мало 9 тысяч врагов. Литвины же при этом потеряли якобы всего 22 убитых и 700 раненых¹¹⁴. Согласно реляции Коммендони именно эта последняя информация «переговорам о соединении (т.е. об унии. — Д.Ш.) весьма серьезный ущерб нанесла», о чем открыто говорили сами польские паны, хотя духовные — иноверцы склонны были приписывать это воздействию своей науки¹¹⁵. Сопровождалось это также растущим с 1563 г. бегством московских князей в Литву¹¹⁶, за что в апреле 1564 г. король наградил их деньгами в Варшаве¹¹⁷. Таким образом, литвины после побед Радзивилла почувствовали себя достаточно сильными, тем более что в этих битвах коронные войска не участвовали, находясь на зимних квартирах на

¹¹⁴ Tamże. Nr 16. S. 45–46, 48.

¹¹⁵ Tamże.

¹¹⁶ Kolankowski L. Op. cit. S. 216.

¹¹⁷ Jerusalmiski K. Rosyjska emigracja w Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVI w.: nowe problemy, źródła, interpretacje, [w:] Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага. Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі, Гродна, 23–25 красавіка 2004 г. Мінск, 2007. S. 147.

значительном отдалении от мест дислокации литовских войск¹¹⁸. В этой ситуации 7 февраля 1564 г. король обратился к обеим сторонам и потребовал, чтобы к следующему дню они приняли окончательное решение, заключают ли они унию или же переносят эту проблему на следующий сейм¹¹⁹.

Находившиеся в Варшаве коронные паны отреагировали на литовскую просьбу переноса обсуждения вопроса об унии на следующий сейм угрозой отказа от военной поддержки Литвы¹²⁰. Кроме того, в начале апреля 1564 г. до Короны дошли тревожные для нее вести с московского фронта. А именно: в тот момент, когда литовское войско было уже распущено, коронные силы понесли ряд неожиданных поражений, среди которых особенно тревожным для поляков было окружение московскими войсками сил воеводы Миколая Сеницкого¹²¹.

В итоге было окончательно решено перенести дело на следующий общий сейм в Парчове, который должен был открыться 24 июня 1564 г.¹²² На нем предполагалось в присутствии приглашенного литовского посольства обсудить вопрос о польской помощи Литве во время ее войны с Москвой¹²³. Для Людвика Колянковского главной причиной, по которой литвины решились на отправку этого посольства, была очередная победа над Москвой, одержанная под Оршей 2 июля 1564 г., после которой их позиция на переговорах об унии с Польшей еще более усилилась, что делало невозможным заключение нового договора¹²⁴.

Тем не менее 12 февраля 1565 г. участники сейма, заседавшие в тот момент в Петркове, предложили созвать летом этого года «чрезвычайный сейм для объединения Литвы с Короной»¹²⁵. На этот раз эти предложения отверг Сигизмунд Август, ссылаясь на то, что в данное время важнее всего — московская война, ближайший же сейм можно будет созвать только в октябре 1565-го или даже в марте 1566 г., когда распутица на востоке Великого княжества Литовского временно бы сделала невозможным для Москвы оперирование своими войсками¹²⁶. Фактиче-

¹¹⁸ Por. Pamiętniki o dawnej Polsce... Nr 15. S. 46.

¹¹⁹ Tamże. Nr 19. S. 55.

¹²⁰ Tamże.

¹²¹ Tamże. Nr 30. S. 111.

¹²² Tamże. Nr 17. S. 56; *Kutrzeba S. Unia Polski z Litwą*, [w:] *Polska i Litwa w dziejowym stosunku*/ Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1913. S. 188.

¹²³ *Kutrzeba S. Unia Polski z Litwą*, [w:] *Polska i Litwa...* S. 192.

¹²⁴ *Kolanowski L. Op. cit.* S. 216.

¹²⁵ *Pamiętniki o dawnej Polsce...*, t. II, wyd. Malinowski M., Wilno 1851 nr 93, s. 58.

¹²⁶ Tamże.

Сигизмунд Август.
 Портрет работы Лукаса Кранаха Младшего. Около 1553 г.

ски и для литвинов московские дела в тот момент также являлись самыми важными, поскольку поляки совершали в Литве грабежи, а коронные ротмистры в мае 1565 г. в Вильно предупредили об очередном роспуске своих сил¹²⁷.

Между тем витебская шляхта, убедившись в невозможности быстрого решения проблемы унии, сама обратилась к королю с просьбой, чтобы он не выпускал завершение этого дела из своих рук, что, по мнению Халецкого, было связано с непосредственной угрозой Витебску со стороны Москвы¹²⁸. Наконец, королевское посольство, направленное, возможно, из Люблина 27 июля 1566 г., возглавляемое, по мнению Рафала Яворского, литовским писарем Базилиушем Древиньским, особенно предостерегало литвинов о московской опасности¹²⁹. Хотя в ответ в Люблин и прибыло посольство знатнейших литовских панов, оно, однако, затронуло исключительно проблему обороны Литвы своими силами, ни словом не касаясь ни унии, ни хотя бы необходимости получения польской военной помощи. Литвины¹³⁰ могли себе это позволить, поскольку не испытывали прямой московской угрозы, так как именно в это время начались новые переговоры о перемирии

¹²⁷ Tamże. Nr 140. S. 193.

¹²⁸ Halecki O. Op. cit. S. 218.

¹²⁹ Jaworski R. Zbiór akt trybunalskich i wojskowych dotyczących ziem ruskich z lat 1554–1790, maszynopis wykorzystany dzięki uprzejmości Autora, nr 6. Przyp. 5, 6.

¹³⁰ Zob. tamże, nr 6.

с Иваном IV, а Сигизмунд Август даже распустил перед 26 августа 1566 г. литовскую земскую службу¹³¹.

Еще перед 1 июня 1567 г. в Петрков прибыло посольство литовских панов во главе со жмудским епископом и луцким номинатом Виктором Вежбицким, а также литовским подканцлером Остафием Воловичем¹³². Однако они, вероятнее всего, не затронули вопроса об унии и просили единственно о помощи в войне с Москвой¹³³. На этот раз литовским панам была обещана помощь не деньгами, а только людьми¹³⁴.

Несмотря на это так называемый радошковецкий поход на рубеже 1567—1568 гг., в котором принимали участие многочисленные роты польской конницы под командованием хелмского каштеляна Станислава Замойского, закончился неудачей¹³⁵. Складывается впечатление, что именно она окончательно развеяла надежды литвинов, имевшие своим основанием победы 1564 г. над Улой и под Оршей, что существует реальный шанс противостоять Москве без польской помощи. Бездействие в течение нескольких недель и военная слабость литовских сил наряду с перемещением и пребыванием в нескольких лагерях (кроме Радошковиц, также под Молодечно и Марковом, а также Лебедевом) привели к перерождению этого собрания земской службы в несколько десятков тысяч человек в лагерный сейм¹³⁶, подобный тому, что имел место под Витебском в 1562 г. Литовская шляхта вновь выдвинула идею организации общего польско-литовского сейма¹³⁷. В ответ поляки направили к литвинам очередное посольство, принятое королем и литовскими панам в лагере под Молодечно 25 октября 1567 г. Отправленный туда с петрковского сейма коронный подканцлер Петр Мышковский предложил литвинам заключение унии на основе прежних договоров и пригласил их на общий сейм¹³⁸, взамен обещая польскую военную помощь в дальнейшей войне Литвы с Иваном IV. Марек Ференц заметил, что только в этот момент произошло изменение отношения Радзивилла «Рыжего» к унии. Речь, однако, не шла о его согласии на нее, а скорее на возобновление двусторонних переговоров¹³⁹.

¹³¹ Документи брацлавського воеводства 1566–1606 років, орг. Крикун М., Піддубняк О., Львів, 2008, nr 9. С. 142–143.

¹³² AU, nr 94b, 94c. S. 408–410.

¹³³ Por. tamże, nr 94a. S. 406 (polska odpowiedź na poselstwo).

¹³⁴ Tamże, nr 94a. S. 406–407.

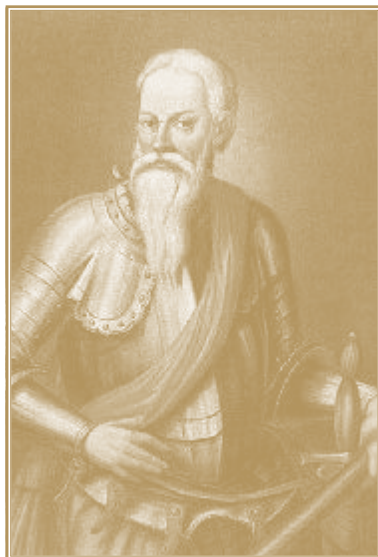
¹³⁵ Lulewicz H. Op. cit. S. 32.

¹³⁶ Kolankowski L. Op. cit. S. 217.

¹³⁷ Błaszczak G. Op. cit. S. 114.

¹³⁸ AU, nr 94f. S. 413.

¹³⁹ Kolankowski L. Op. cit. S. 218; Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» a unia lubelska, [w:] Unia lubelska—Unia Europejska. S. 104.

Николай Радзивилл
Рыжий.
Портрет XVII в.

Ближайший литовский сейм, созданный в Гродно 5 апреля 1568 г., должен был прежде всего обсудить вопрос обороны против Москвы¹⁴⁰. Однако в июле 1568 г. один из неустановленных литовских информаторов вармийского епископа кардинала Станислава Хозиуша доносил ему с гродненского сейма, что король намерен созвать общий сейм «в Люблине или где [в ином месте] близ границы литовской»¹⁴¹. Точно так же как и в 1563 г., перед варшавским сеймом, вновь случилась благоприятная возможность и Литва с середины 1568 г. опять вела мирные переговоры с Москвой¹⁴². Тем более что литовские паны вновь могли чувствовать себя сильными после только что одержанных литовским надворным гетманом князем Романом Сангушкой побед над Москвой под Сушей и Улой (август 1568 г.)¹⁴³, а также князем Полубиньским — под Изборском¹⁴⁴.

Несмотря на это часть литовских элит, особенно из Подляшского и Киевского воеводств, стремилась к инкорпорации их земель в Корону, поскольку Литва не была в состоянии обеспечить им безопасности перед лицом угрозы со стороны Москвы и Крыма¹⁴⁵. Весьма показательной здесь

¹⁴⁰ AGAD, Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, dział II, teka I, sygn. 53. S. 6.

¹⁴¹ Archiwum Archidiecezjalne Warmińskie w Olsztynie, Archiwum Biskupie, sygn. D, nr 17, k. 65–65v.

¹⁴² *Błaszczyk G.* Op. cit. S. 142.

¹⁴³ *Kolankowski L.* Op. cit. S. 216; por. *Błaszczyk G.* Op. cit. S. 34.

¹⁴⁴ Por. *Kolankowski L.* Op. cit. S. 216.

¹⁴⁵ *Błaszczyk G.* Współdziałanie wojskowe Polski i Litwy w obronie kresów południowo-wschodnich obu państw (do 1569 r.), [w:] Poznań Wilno. Studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego, pod red. *Wojtkowiaka Z.* Poznań, 2009. S. 45–46.

может быть сумма в 2 133 653 флорина, многократно превышающая расходы Великого княжества Литовского, которую в 1561—1570 гг. Корона выделила на оборону Литвы. По мнению Людвика Колянковского, наряду с надеждой получения прав, аналогичных правам коронной шляхты, это было одним из важнейших аргументов для подляшской и киевской шляхты в пользу унии с Польшей¹⁴⁶. Из корреспонденции литовского подскарбия Миколая Нарушевича следует, что часть литвинов была готова поддержать тесную унию с Польшей, рассчитывая взамен на существенную военную помощь Короны в войне с Москвой¹⁴⁷.

В итоге летом 1569 г. в Люблине все-таки состоялось заключение давно ожидаемой реальной унии Польши и Литвы. Одной из ее составляющих должна была быть общая внешняя политика. Первым после 1503 г. совместным польско-литовским посольством в Москву стало посольство 1570 г., возглавляемое брестско-куявским воеводой поляком Яном Дзялыньским¹⁴⁸.

Господствует мнение, что на заключение Люблинской унии прежде всего повлияла растущая угроза Литве со стороны Москвы¹⁴⁹. Уния фактически сразу же повлекла за собой постоянное, по крайней мере, финансовое вовлечение Короны в литовско-московский конфликт¹⁵⁰. С другой стороны, как утверждал Хенрик Виснер, заключение унии с Литвой защитило Корону от Москвы путем создания между ними буфера в лице белорусских и украинских земель¹⁵¹, что, особенно в контексте инкорпорации последних в Польшу, представляется ошибочным. В свою очередь Анджей Рахуба констатировал, что уния обеспечила существование Литвы в качестве государства еще на два столетия, в противном случае Великое княжество пало бы жертвой России самое позднее в первой половине XVII в.¹⁵², и с этим следует согласиться. Можно даже взять на себя смелость, утверждая, что ценой утраты южных земель в пользу Польши Великое княжество Литовское освободилось от татарской опасности, и одновременно Корона оказалась реально и

¹⁴⁶ Kolankowski L. Op. cit. S. 217.

¹⁴⁷ Lulewicz H. Op. cit. S. 34.

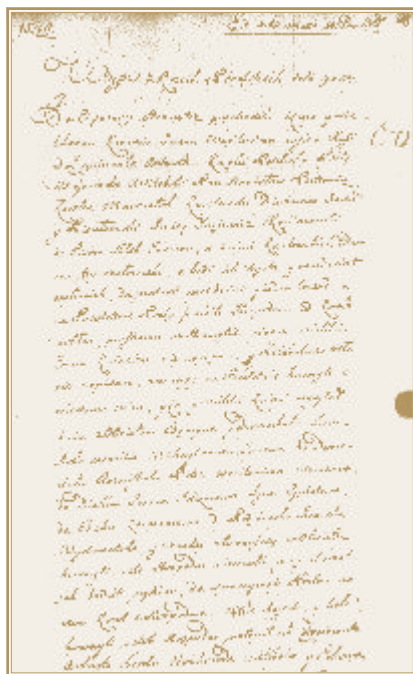
¹⁴⁸ Kolankowski L. Op. cit. S. 216.

¹⁴⁹ Por. Łowmiański H. *Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego*, s. 448; Koczowski J., *Wprowadzenie: Unia lubelska — nowe perspektywy i spojrzenia*, [w:] *Unia lubelska i tradycje integracyjne w Europie środkowo-wschodniej*. Lublin, 1999, s. 6.

¹⁵⁰ Nowodworski W. (rec.), *Łappo I. Wielikoje kniaźestwo Litowskoje...* KH. R. 16. S. 336—337.

¹⁵¹ Wisner H. *Rzeczpospolita obojga narodów — federacja zwyciężonych czy zwycięzców? Unia Litwy i Polski z roku 1569 w aspekcie militarnym*. «Przegląd Historyczny» [dalej: PH], t. LXIII (1972). Z. 4. S. 609.

¹⁵² Tamże. S. 89—90.

Выписка конца XVIII в. из литовской посольской книги 1549 г. о возвращении из Москвы литовского посольства с письмом царя Ивана IV к королю Сигизмунду II Августу. *Biblioteka ksiąg Czartoryskich w Krakowie, Teki Naruszewicza, Teka 67, № 60, s. 219*

необратимо вовлечена в конфликты с Москвой. Проблема польской помощи Литве, столь сложная до 1569 г., была тем самым решена до такой степени, что Корона оказалась прочно втянутой в литовско-русские конфликты¹⁵³.

По моему мнению, польско-литовские отношения в предшествующий период определялись двумя главными механизмами — поражения литвинов сближали Великое княжество Литовское с Польской Коронай¹⁵⁴, победы или литовско-московские перемирия в свою очередь их друг от друга отдаляли¹⁵⁵. Это вытекало из конъюнктурной трактовки обеими сторонами

¹⁵³ *Konopczyński W. Udział Korony i Litwy w tworzeniu polityki zagranicznej 1569–1795, [w:] Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. Cz. 1 (Referaty). Lwów, 1935. S. 79.*

¹⁵⁴ Пор. активную wymianę dyplomatyczną w latach 1501–1514, 1533–1535 oraz 1562–1569 ujętą w Aneksie.

¹⁵⁵ Для сравнения см. лакуны за 1514–1533 и 1535–1562 гг. в Приложении. Эти лакуны не касаются возможных посольств в Польшу и Литву в связи с положением в Инфлянтах, общем владении обоих государств, которому уже с конца 50-х гг. XVI в. угрожала не только Москва, но также Швеция и Дания (*Kolankowski L. Dz. cyt. S. 213*). Значение инфлянтской войны для дела заключения польско-литовской унии отметил также Хенрик Виснер, замечая, однако, что это значение было второплановым (*Wisner H. Rzeczpospolita obojga narodów — federacja zwyciężonych czy zwycięzców?.. PH. T. LXIII. Z. 4. S. 609*). Инфлянтские сословия, вообще, были более заинтересованы в унии с Польшей, нежели Литва (Por. *Sucheni-Grabowska A. Zygmunt August... S. 392*), поскольку она давала им возможность занять в коронном сейме лучшую позицию, чем в литовском (*Tamże. S. 398. Przyp. 67*).

своих взаимоотношений при сохранении персональной унии. У литвинов это выражалось в просьбах хотя бы о военной и финансовой помощи взамен на обещание позднее заключить или даже реализовать унию, у поляков же — в обещании эту помощь оказать, но при условии, что литвины первыми выполнят свои обязательства. Подобная политика после 1569 г. утратила свой смысл прежде всего вследствие продвижения польской границы на восток. Добавлю еще, что Хенрик Ловмянский подчеркивал также и негативные последствия унии, как то: отвлечение внимания от проблем на западе, в том числе от Силезии и Восточной Пруссии¹⁵⁶. Схема эта действовала, однако, и в другую сторону — литвины, которые до сего времени дистанцировались от внутривосточных дел, вынуждены были теперь проявить в них свою заинтересованность.

¹⁵⁶ *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. S. 628.

Ключевые слова:

литовско-русские войны, Польша, Литва, посольства, военная помощь

Dominik Schulz

INFLUENCE OF THE LITHUANIAN

Moscow Wars on the Relations Between Lithuania and Poland from 1492–1569.

The focus of the article is the process and circumstances surrounding the formation of the Polish-Lithuanian Union from the end of the XV century to 1569. According to the author, negotiations about the Union at the turn of the XV–XVI centuries paradoxically favored Moscow as Lithuania, instead of using Polish help, sought to keep peaceful relations with Russia. The military defeat of Lithuania contributed to a revision of the agreement of 1499 (Vilna Union) and the conclusion of the Melnitsky Union of 1501, which was disadvantageous for the Grand Duchy. The foundation of a new Polish-Lithuanian Union was laid during the Petrkovskiy Election Sejm; the crown constitution of 1510 attributed to the king an obligation to conclude the Union, assisted by joining Pskov in 1510 and the new Lithuanian-Muscovite War, during which Polish aid played a crucial role in the victory at Orsha in 1514. However, a twenty-year truce with Moscow deprived Poles of the main instrument of pressure on Lithuania. Only after the capture of Polotsk in 1563 did it become clear for the Lithuanian szlachta that only a close personal union with Poland would afford them permanent military assistance. The result was the conclusion of a real Lublin Union in 1569 and a common foreign policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

 Шульц Доминик

магистр, докторант Института истории Университета
Марии Кюри-Скловской (Люблин, Польша)

Е.В. Русина

НА ИСТОРИЧЕСКИХ РАСПУТЬЯХ

К вопросу о социокультурном дистанцировании
восточнославянских земель в XIV—XVI столетиях

авно уже стало трюизмом объяснять различия в менталитете, традициях, политической и духовной культуре восточнославянских народов разностью их исторических судеб: земли, населенные нынешними украинцами и белорусами, длительное время находились в составе Великого княжества Литовского, тогда как основной массив великорусских земель к концу XV ст. перешел под контроль великих московских князей.

Несмотря на известную упрощенность этой схемы (ведь в составе Литовского государства пребывали и некоторые русские города — Смоленск, Брянск и др.), она весьма прочно утвердилась в историографии; на этом фоне не может не вызывать удивления отсутствие интереса к вопросу, каким образом на руинах Древнерусской державы возникли (притом практически одновременно — как Литва, так и Москва вышли на политическую арену в XIII в.) столь различные государственные образования, имевшие, если можно так выразиться, разную логику исторического развития.

Если Московское государство уверенно эволюционировало в сторону централизованной монархии, то Великое княжество Литовское развивалось под знаком сохранения и даже упрочения регионализма. Как справедливо отметил почти столетие тому назад исследователь литовских сеймов

Если Московское государство уверенно эволюционировало в сторону централизованной монархии, то Великое княжество Литовское развивалось под знаком сохранения и даже упрочения регионализма. Как справедливо отметил почти столетие тому назад исследователь литовских сеймов

Великий князь Литовский Витовт.

Гравюра из «Описания европейской Сарматии» А. Гваньини. XVI в.

Н.А. Максимейко, в Великом княжестве Литовском тенденция к местному партикуляризму привела к созданию государственного устройства, основанного на территориально-федеративном принципе; в итоге в этом отношении Великое княжество Литовское в XVI в. вернулось к состоянию, существовавшему на заре литовской экспансии, в XIV в., — к автономным землям¹.

При этом проблематичным и до конца не решенным остается вопрос, существовали ли в принципе в средневековом Литовском государстве централизаторские тенденции, наличие которых на определенном историческом этапе признавал Максимейко. Ныне большинство исследователей остаются приверженцами историографического канона, согласно которому сторонником и провозвестником централизации был уже современник и тесть московского князя Василия Дмитриевича — литовский великий князь Витовт (1392–1430). Однако более детальное изучение вопроса — и, что не менее важно, выявление ряда документов XIV ст. в более поздних списках² — позволяет усомниться в том, что Витовт имел осознанный курс на ликвидацию уделов, которые, как справедливо под-

¹ Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902. С. 38–43.

² Особый интерес в этом смысле представляет работа Я. Тенговского: *Tęgowski J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w końcu XIV wieku // Teki Krakowskie. № 5. Kraków, 1997. S. 155–176.*

метил еще Ф.И. Леонтович³, в общем-то и не были им полностью уничтожены — как и не все тогдашние удельные князья были низведены до положения служебных.

Особенно характерна в этом смысле судьба Киевского княжества, считающегося классической «жертвой» централизаторской политики Витовта, который «свел» с удела местного князя Владимира Ольгердовича. Историки упускают из виду, что это смещение отнюдь не понизило статус княжества, поскольку его новым владельцем стал Скиргайло — ближайший соратник и фактический соправитель в Литве короля Ягайло; со смертью же Скиргайло в Киеве более чем на тридцать лет утвердились князья Гольшанские — Иван Ольгимонтович и его сыновья Андрей и Михаил; именно они и сформировали первую киевскую династию литовского происхождения, которую в 1440-х гг. сменили потомки Владимира Ольгердовича⁴.

В сущности, главным итогом правления Витовта стала не централизация Литовского государства, а усиление его личной власти — и именно это в условиях средневекового культа силы восхищало современников, оценивавших правление Витовта в панегирических тонах⁵. Однако не следует забывать, сколь сильные центробежные тенденции проявились в Великом княжестве Литовском сразу же после смерти Витовта, с приходом к власти Свидригайло.

Заслуживает внимания, как оценивал эти события Иван IV, видевший в противостоянии Свидригайло и его брата Ягайло прямой аналог своего конфликта с князем Владимиром Андреевичем Старицким⁶. Однако куда более симптоматична оценка дедом Ивана Грозного, Иваном III, синхронного состояния Литовского государства, вызванная известием о планировавшемся в 1496 г. выделении особого удела брату великого князя Алексан-

³ Леонтович Ф.И. Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины. СПб., 1895. С. 30.

⁴ Подробнее см.: Rusyna O. On the Kyivan Princely Tradition from the Thirteenth to the Fifteenth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 18. # 3/4 (December 1994). P. 180–182.

⁵ Классическими образчиками этого являются летописная «Похвала Витовту» и вышедшая из-под пера Николая Гусовского «Песня о зубре». Гораздо менее известны приписки к «Книге царей» авторства субдьякона Микулы (Новгород-Северский, 1428 г.), также весьма характерные по своей панегирической тональности (см.: Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 105).

⁶ После побега Курбского послы царя заявляли в Литве, что беглец «подыскивал под государем нашим государством, а хотел видети на государстве князя Володимера Ондреевича, а за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная, а княж Володимерово дело Ондреевича по тому же, как было у вас дело Швидригайлу с Ягайлом» (цит. по: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 89).

Монеты Владимира Ольгердовича со знаком «IS»,
которые порой приписываются князю Иоанну-Скиргайло.
Ivanauskas E., Doucbis R. Coins of Lithuania 1386–1707. Vilnius, 1999

дра — Сигизмунду, оставшемуся «не у дел» после смерти их отца Казимира Ягайловича. В письме своей дочери Елене — жене великого князя Александра — Иван III настаивал, чтобы она напомнила мужу, «каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много», и видел аналог этому строю в том состоянии, в котором находилось Московское княжество при его отце, Василии II⁷.

Уже в этих словах ощутима та «нестыковка» моделей государственного устройства, которая в дальнейшем привела к краху планов объединения Русского государства и Речи Посполитой — чьим кровавым финалом стали события Смутного времени, суммируя которые в 1618 г. боярин Федор Шереметев, экс-сторонник королевича Владислава, заявил польским комиссарам: «Не хотим ни свобод, ни вольностей ваших»⁸.

Вопрос заключается в том, что считать исходным моментом дивергенции двух систем государственного и общественно-политического устройства. Очевидно, что таковым не был Люблинский сейм 1569 г., когда Литовское государство оказалось фактически поглощенным Польским. Как отмечено выше, уже Иван III ощущал разность государственного устройства Московии и Литвы. Характерно и то, что, если в XIV — начале XV ст. перебежчики из Литвы достаточно комфортно чувствовали себя в Москве (здесь, например, осели выехавшие вместе со Свидригайло в 1408 г. и во-

⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487–1533. СПб., 1892. № 43. С. 224–225.

⁸ *Niemcewicz J.U. Dzieje panowania Zygmunta III. T. 3. Kraków, 1860. S. 97.*

шедшие в ряды так называемой старомосковской знати князя Звенигородские и наследники Патрикия Наримунтовича — Хованские, Патрикеевы, Голицыны, Куракины и др.)⁹, то жизнь на чужбине выходцев начала XVI ст. сложилась куда более драматично — вспомним хотя бы судьбы Михаила Глинского и Василия Шемячича, которые так и не смогли вписаться в московскую социополитическую модель¹⁰.

Кроме того, после них выходы знати из Литовского государства практически прекратились. С этим вполне согласуется относящееся к 1514 г. замечание папского дипломата Якоба Пизо, в своем послании указавшего на московскую тиранию как фактор, препятствующий «отъезду» православных из Польско-Литовского государства¹¹. Это изменение настроений среди единоверного населения тем более показательно, если вспомнить, что менее чем за сорок лет до этого, в 1480 г., король Казимир предупреждал литовцев о промосковских симпатиях «русинов»¹² — которые вполне ощутимо проявились в ходе московско-литовских войн конца XV в. Провал аналогичных кампаний в первой трети XVI ст. — даже в тех случаях, когда Москва пыталась манипулировать лозунгом защиты православия в Литве — несомненно, свидетельствует об изменении настроений в среде восточнославянского населения Великого княжества Литовского: исследования последних десятилетий убеждают, что именно позиция этого населения определяла в конечном итоге характер и результаты русско-литовских войн; не отрицается в современной литературе и факт «известных опасений западнорусского населения по поводу произвола и самовластья московского государя»¹³.

Впрочем, не следует забывать, что те автократические тенденции, которые наметились в годы правления Ивана III, не считали естественными,

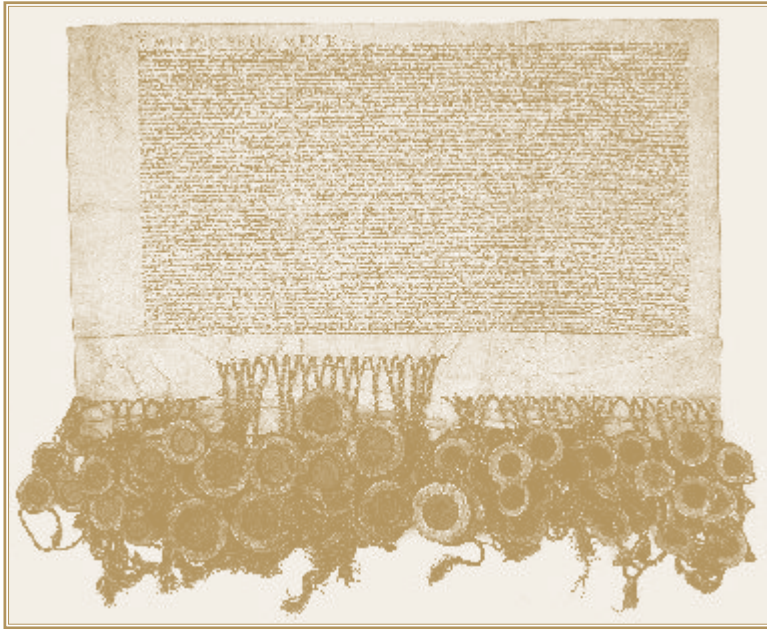
⁹ Подробнее см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 29–35, 56–58. Попутно отметим ошибочность представлений о Патрикии Наримунтовиче как князе Звенигородском, до сих пор встречающихся в историографии (см., напр.: Хоруженко О. И. Герб потомства Патрикия Наримунтовича, князя Звенигородского // Русский родословец. 2001. № 1. С. 25–36), хотя данный вопрос давно уже выяснен в специальной литературе (см.: Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 33–41).

¹⁰ Історія України в особах: Давньоруська держава. Литовсько-польська доба. Київ, 2012. С. 275–279, 282–287.

¹¹ Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Bern, 1972. S. 23, 253.

¹² Подробнее см.: Ловмянський Х. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 395.

¹³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 229–230 (см. также переиздание: М., 2010).

Акт Люблинской унии.
1569 г.

органически присущими Московскому княжеству и его собственные подданные. В современных исследованиях нередко цитируются слова Берсеня-Беклемишева, который видел в них отступление от «старины», вызванное появлением при дворе прибывших вместе с Зоей Палеолог греков, и предрекал: «Которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит»¹⁴.

Правда, существует и другая точка зрения — что московские порядки сформировались под прямым воздействием Золотой Орды и ханств, ставших ее преемниками. Как итог, возникла дилемма, сформулированная М. Чернявским¹⁵ еще столетия назад: хан или василевс? Какой именно внешний фактор исказил естественный ход развития великорусских земель? Нельзя не заметить, что в современной историографии (особенно англоязычной) чаша весов все более склоняется в сторону ордынских влияний¹⁶.

¹⁴ Более детально см.: *Grala H. Człowiek wobec władzy na Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.) // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 420.*

¹⁵ *Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959. Vol. 4. P. 459–476.* См. также перевод: *Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. С. 442–456.*

¹⁶ См., например: *Pelenski J. State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // Idem. The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. New York, 1998. P. 228–243.* Исследователь рассматривает тюркские социально-политические институты как прообраз русских, а не их институциональную параллель: земские соборы

При этом упускается из виду, что в истории земель Юго-Западной Руси также весьма ощутимо присутствовал татарский фактор — сначала в виде прямого подчинения Орде, потом в виде литовско-татарского кондоминиума, а затем в качестве такого небезопасного соседа, как Крымское ханство; это соседство сформировало в очерченном регионе особые, пограничные, формы жизни — и, в частности, такой социально-политический феномен, как украинское казачество. Правда, ход эволюции украинских и белорусских земель усложнился приходом литовцев — однако те, как известно, не производили резкую ломку местных общественно-политических институтов.

Разумеется, не следует абсолютизировать уже ставшую хрестоматийной фразу литовских правителей «Мы старины не рушим, а новин не вводим» — в литературе справедливо отмечено, что она наиболее широко применялась в документации рубежа XV–XVI вв., когда в разных сферах жизни Великого княжества Литовского происходили динамичные изменения¹⁷. Одновременно пора отказаться от устоявшихся представлений о литовско-татарском антагонизме как факторе продвижения литовцев на Юго-Западную Русь. Инкорпорация этих земель в состав Великого княжества Литовского была осуществлена на договорных началах, вследствие соглашения, предполагавшего сохранение даннической зависимости оккупированных Литвой территорий от Орды.

О наличии такой зависимости прямо говорят ярлыки Тохтамыша (1393 г.), где он требует от Ягайло: «С подвластных нам волостей собрав выход, отдай его нашим послам для передачи в казну» (уйгурская редакция); «што межи твоее земле суть княжние волости давали выход Белой Орде, то нам наше дайте». Только признание татарского верховенства дало возможность Ольгерду, несмотря на значительное давление со стороны немецких рыцарей, распространить свой политический контроль на Юго-Западную Русь — причем одномоментно, а не поэтапно, как это происходило в других регионах (например, на Смоленщине). Это, кстати, объясняет отсутствие аутентичных известий о присоединении основного массива украинских земель к Литовскому государству — его «незаметность» для летописцев того времени¹⁸.

возводятся к курултаю, поместная система — к казанскому союргулу, дворяне — к тарханам и т.д. С ним солидаризируется Д. Островски: *Ostrowski D. Muscovy and the Mongols: Cross-cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 21, 61.*

¹⁷ См.: Кром М.М. «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV — начала XVII в.) // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Т. 3. Київ, 1994. С. 71–72.

¹⁸ Русина О.В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 79–81.

Герб князя Василия Васильевича Голицына — потомка Патрикия Наримунтовича. XVII в. (по: Хоруженко О.И. *Гербы потомства Патрикия Наримунтовича, князя Звенигородского // Русский родословец, 2001. № 1*)

Об ассимиляционной по отношению к тюркскому населению политике правителей Литвы свидетельствуют значительное количество татарских семей в составе южнорусской шляхты XV–XVI вв. и сохранение в территориальной структуре Великого княжества Литовского татарских феодалов более раннего времени (например, так называемой «Ягодаевой тьмы»¹⁹). Что же касается представлений о конфронтационном характере литовско-татарских отношений во второй половине XIV в., то в современную историографию они «перекочевали» из белорусско-литовских летописей XVI в., в которых династическим претензиям московских государей на «всю Русскую землю» было противопоставлено право завоевания, вполне признававшееся как историко-юридический аргумент.

Впрочем, мотив борьбы с татарами присутствует уже в первой, середине XV ст., редакции летописей Великого княжества Литовского; в находящейся здесь «Повести о Подолье» (которое в тот период превратилось в объект острой борьбы между Литвой и Польшей) говорится, что литовцы утвердились в данном регионе благодаря поражению, нанесенному местным татарским князьям — «отчичам и дедичам Подольской земли»; очевидно, что политическая тенденция «Повести» также заключается в отстаивании

¹⁹ Подробнее см.: Русина Е. К истории «Ягодаевой тьмы» // *States, Societies, Cultures: East and West*. New York, 2004. P. 1013–1024.

вании законности прав литовских правителей на украинские земли. При этом известию «Повести», что литовские князья Кориатовичи, «пришед в Подольскую землю, ... баскакам выхода не почали давати», противоречит грамота «князя и государя Подольской земли» Александра Кориатовича (1375 г.), которая подтверждает факт сохранения в это время традиционной практики «дани в Татары»²⁰.

Таким образом, роль татарского фактора в жизни Великого княжества Литовского была гораздо более значительной, чем это принято считать в историографии. Обилие подобных стереотипов, довлеющих над умами современных исследователей, в немалой мере объясняется долгим упадком литуанистики, который последовал за ее стремительным взлетом на рубеже XIX–XX ст. Не секрет, что в советской историографии господствовала москвоцентричная схема исторической эволюции народов, населявших СССР. Любое отклонение от этой умозрительной схемы рассматривалось как тупиковая историческая модель. Понятно, что подобный подход не стимулировал объективный анализ процессов, происходивших на территории Великого княжества Литовского — полиэтничного и поликонфессионального государства, чуждого религиозной нетерпимости и любых форм ортодоксии, с широкой региональной автономией, гарантиями личных и сословных прав. Вопреки привлекательности этой модели социального и государственного устройства, Москва и Вильно объявлялись потенциально неравнозначными центрами объединения восточнославянских земель (в противном случае, утверждал В.Т. Пашуто, «мы должны будем отождествить по существу политику Дмитрия Донского и Ольгерда (Альгирдаса). Но источники — против такого отождествления»²¹).

В свете этого довольно симптоматично, что пионером в деле компаративного изучения двух развившихся на восточнославянской основе социополитических моделей стал американский исследователь Я. Пеленский. В своей работе, посвященной сопоставлению Русского и Польско-Литовского государств в середине XV–XVI ст. (объектом сравнения стали, главным образом, статус монархической власти и нобилитета), ученый сделал справедливый акцент на гипертрофированных представлениях о московской централизации, утвердившихся в советской историографии с середины 1950-х гг.: «Эта система рассматривалась как идеальная и наиболее прогрессивная среди суще-

²⁰ Ср.: Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 66, 74, 138; Розов В. Українські грамоти. Т.1: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928. № 10. С. 20.

²¹ Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 28.

Иван III.
Миниатюра
из царского
титулярника.
XVII в.

ствующих социополитических систем»²². Парадоксально, что в определенном смысле подобные представления коррелировали с московскими идеологемами XVI ст., которые также стали предметом исследования Я. Пеленского (достаточно привести для примера написанное от лица князя М. Воротынского послание Ивана Грозного польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду-Августу, где утверждается, что «наших великих государей вольное царское самодержавство — не как ваше убогое королевство»²³).

К сожалению, работа Я. Пеленского прошла незамеченной в советской и постсоветской историографии; между тем в последней наметился более взвешенный подход к указанному комплексу вопросов. Были предприняты и первые попытки сопоставления социально-политической эволюции Российского и Литовского государств XV—XVI ст. Сначала с этой идеей выступила М.Е. Бычкова, которая в своей книге «Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя» (М., 1996) рассмотрела три аспекта проблемы: институты власти, сословную структуру правящего класса и идеологическое оформление власти.

Книга московской исследовательницы получила достаточно сдержанную оценку специалистов; так, М. Кром, резюмируя, отметил в своей ре-

²² *Pelenski J.* Muscovite Russia and Poland-Lithuania, 1450–1600: State and Society — Some Comparisons in Socio-Political Developments // *State and Society in Europe from the Fifteenth to the Eighteenth Century: Proceedings of the First Conference of Polish and American Historians (May 27–29, 1974)*. Warsaw, 1985. P. 95–96.

²³ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 259–260.

цензии: «Идея сопоставления политических систем двух соседних восточноевропейских стран должна приветствоваться и заслуживает полной поддержки. Однако эта отважная попытка осуществить такой амбициозный замысел вряд ли может считаться успешной»²⁴.

Однако, несмотря на многочисленные недостатки работы (бедная источниковая база, игнорирование значительного числа фундаментальных исследований, относящихся к заявленной теме, бездоказательность ряда утверждений, неправомерное смешение литовских и польских политических институтов) и известную скудость авторских наблюдений (которые, по признанию самой М. Бычковой, «не претендуют на окончательное решение проблемы», а «носят скорее постановочный характер»), она, несомненно, выполнила свое главное назначение — стимулировать дальнейшие исследования.

Свидетельством тому — появившиеся в 1999–2000 гг. обширная статья М. Крома «Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории»²⁵ и исследование И. Грали «Дьяки и писари: аппарат власти в Московском государстве и Великом княжестве Литовском в раннее новое время (XVI — начало XVII ст.)»²⁶. Оба автора прямо апеллируют к книге Бычковой; но если в первой работе объектом изучения явились «основные вехи в отношениях двух соседних государств на протяжении нескольких столетий», то во второй компаративный анализ произведен на микроуровне — и на нынешней стадии разработки проблемы такой подход представляется очень результативным: польский исследователь сделал ряд интересных наблюдений относительно социального состава, общественного статуса, карьерных перспектив и «культуротворческой роли» приказного дьячества и писарей литовской великокняжеской канцелярии.

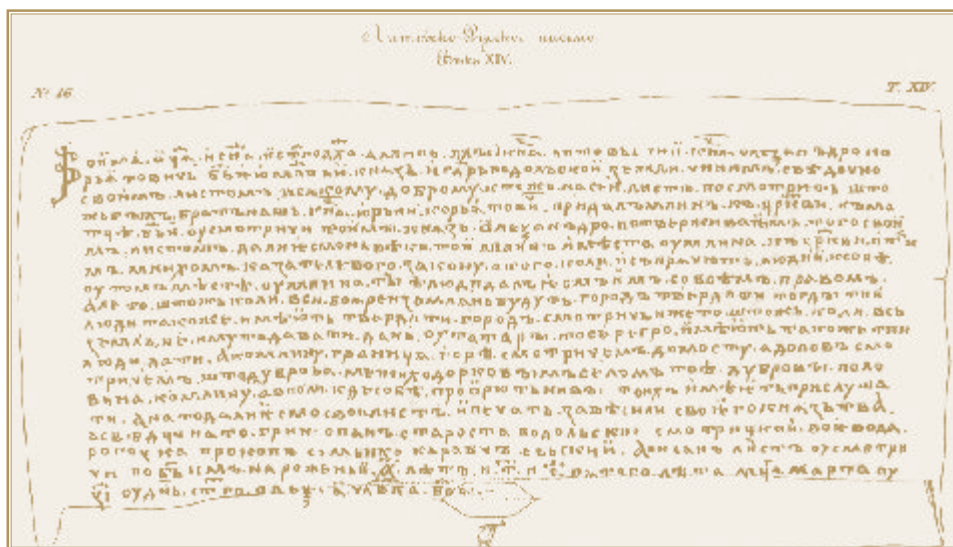
Характерно, что в это же самое время объектом сопоставления стали явления культурной жизни обоих государств. В первую очередь следует упомянуть исследование А. А. Турилова «Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей»²⁷. В ней автор подверг критическому анализу представление о «южнославянском субстрате» как специфической особенности западнорусской книжности, отличающей ее от московской.

²⁴ Lithuanian Historical Studies. 1998. Vol. 3. P. 161.

²⁵ Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 73–100.

²⁶ Grala H. Diacy i pisarze: wczesnonowoczesny aparat władzy w Państwie Moskiewskim i Wielkim Księstwie Litewskim (XVI — pocz. XVII w.) // Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia. Warszawa, 1999. S. 73–91.

²⁷ Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 247–285.

Грамота князя Александра Кориатовича доминиканскому монастырю в г. Смотрич. 1375 г.

Исследователь продемонстрировал, что в Московской Руси было известно гораздо большее количество памятников южнославянского происхождения, чем в Польско-Литовском государстве, несмотря на большую территориальную близость последнего к Балканам. Причина данного парадокса коренится в характере книжно-литературных связей восточных и южных славян в эпоху Средневековья: «Их главная особенность заключается в том, что они не являлись следствием и спутником политических и церковных связей православных славянских государств между собой, а осуществлялись в подавляющем большинстве случаев через Константинополь и интернациональные православные монашеские центры (для XIV–XVI вв. это прежде всего Афон). При этом в большинстве случаев они носили неофициальный и полуофициальный характер, осуществляясь силами низшего и среднего духовенства (по преимуществу черного), иногда с участием епископата. В подобных условиях фактор географической близости того или иного восточнославянского региона к Балканам (или, напротив, отдаленности от них) не играет существенной роли в интенсивности этих связей и в их продуктивности»²⁸.

Другие парадоксы культурной жизни Великого княжества Литовского еще ждут своего объяснения. Казалось бы, культурный плюрализм, свойственный Литовскому государству²⁹, должен был стимулировать развитие

²⁸ Там же. С. 264.

²⁹ См. в этой связи: Баньонис Э. Литва XV в.: Ощущение многообразия окружающего мира // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Т. 3. С. 127–130.

восточнославянской книжно-литературной традиции. Вместо этого мы наблюдаем явный упадок духовного творчества — количество появившихся на территории Великого княжества Литовского оригинальных литературных памятников несопоставимо с тем, которые были созданы на куда более гомогенных в культурном отношении великорусских землях. Кроме того, как показал все тот же А. А. Турилов, изучив репертуар переводов с латинского, польского и чешского языков, выполненных украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI в.³⁰, из того огромного культурного потенциала, который был заключен в синхронной иноязычной литературе, востребованным оказалось очень немногое. Переводились главным образом апокрифические и визионерские произведения — и, по мнению автора, «католическая церковная иерархия несомненно не рекомендовала бы такой круг текстов для первоначального перевода. Это явное свидетельство апатии в деле пропаганды унии (а не подчинения «схизматиков») у представителей католического духовенства Польши и Великого княжества Литовского. В то же время переведенные памятники не говорят по той же причине и о встречном интересе образованных кругов православных к католическому вероучению, так как в них содержатся в лучшем случае крупницы сведений, касающихся собственно католицизма»³¹.

Взаимное культурное дистанцирование католического и православного населения дало себя знать и в такой области, как летописание. Известно, что первые летописные своды, созданные на территории Великого княжества Литовского в середине XV в., представляли собой соединение оригинального «Летописца великих князей литовских» с общерусскими известиями, охватывавшими период от «начала земли Русстей» до начала XV ст. В XVI в. эта схема перестала устраивать местных книжников, разрабатывавших теории римского происхождения литовцев и выступавших против «московских писем» как «не несущих в себе ничего древнего, не имеющих ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык чужд нам, литвинам, то есть итальянцам, происшедшим от итальянской крови»³².

В результате общерусская часть была устранена, уступив место пространному легендарному повествованию о начальном этапе литовской истории; при этом весьма характерно, что формально отброшенная книж-

³⁰ Турилов А. А. Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI в. // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. М., 1998. С. 58—68.

³¹ Там же. С. 63—64.

³² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 85—86.

Портреты мифических предков литовских князей.
Гравюра из «Описания европейской Сарматии» А. Гваньини. XVI в.

никами «Повесть временных лет» стала, по наблюдениям Н.А. Морозовой, «структурно-семантической моделью, своеобразным каркасом, готовой схемой, которую автор легендарной части летописей Великого княжества Литовского наполнил другим содержанием»³³. Таким образом, даже отдаляясь от древнерусского культурного наследия³⁴, виленские книжники, тем не менее, оставались в рамках общерусского культурного кода.

Впрочем, социально-политические реалии давали себя знать и в этом случае — в чем убеждает сопоставление легендарной генеалогии литовских правителей с родословием великих московских князей. Анализ, произведенный М.Е. Бычковой, показал, что «в России, с одной стороны, и в Литве — с другой, по-разному идеологически обосновывалась вассальная зависимость государю его подданных. Извечность службы московскому государю, слишком большая разница в его происхождении и происхождении бояр — идеи родословных легенд XVI в. — хорошо вписывались во всю систему отношений мо-

³³ Морозова Н.А. О древнерусских источниках легендарной части летописей Великого княжества Литовского // *Kalbotyra*. № 43(2): *Lituanoslavica: Языки. Культура. Контакты*. Вильнюс, 1993. С. 52–59. Такой же «потребительский» подход прослеживается и в отношении древнерусских летописных персоналий, анахронически использованных при составлении легендарного повествования о походе Гедимина на Волынскую и Киевскую земли (*Русина О. Київська виправа Гедиміна (текстологічний аспект проблеми)* // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Т. 231. Львів, 1996. С. 147–157); менее очевидным является заимствование в летописном сюжете об убийстве Сигизмунда Кейстутовича элементов повести об убиении Андрея Боголюбского (*Русина О. Від Кузьмищі-княнина до княнина Скобейка (модельювання смерті в «Хроніці Биховця»)* // *Соціум*. Вип. 1. Київ, 2002. С. 37–53).

³⁴ Характерно, что это происходило параллельно с тем, как в Московском государстве разворачивались диаметрально противоположные процессы: реалии древнерусских времен актуализировались внешнеполитической программой московских государей, ставивших во главу угла патримониальный принцип — свои исторические права на «отчину» Рюриквичей; литовцы могли противопоставить этому лишь право завоевания, о котором шла речь выше.

сковского великого князя и его подданных... В Литве и Польше, где выборы великого князя и короля делали его более зависимым от панов и шляхты, особенно в XVI—XVII вв., где была развита структура самоуправления дворянства, стало возможным и генеалогическое равенство происхождения сюзерена и вассала»³⁵. Таким образом, даже генеалогические памятники дают интересный материал для компаративистских исследований социополитической эволюции Московского и Литовского государств.

Безусловно, очерченная проблематика столь обширна, что заслуживает детального рассмотрения на монографическом уровне; однако уже на данной стадии ее изучения очевидно, сколь значительный исследовательский потенциал заключает в себе указанный круг вопросов. Как было продемонстрировано выше, их решение невозможно без пересмотра целого ряда историографических стереотипов, особенно в отношении Великого княжества Литовского. Углубление интереса к его изучению позволит осуществить сопоставление двух различных моделей социального и государственного устройства, развившихся параллельно на восточнославянской основе, на качественно ином теоретическом уровне.

³⁵ Бычкова М.Е. Идеи власти и подданства в генеалогической литературе XV—XVI вв. // Историческая генеалогия. Вып. 2. Екатеринбург; Париж, 1993. С. 9. Менее удачной видится попытка провести «идеологический водораздел» между легендарными генеалогиями правителей России и Литвы, предпринятая А.И. Фильюшкиным (Сравнительный анализ генеалогических легенд XVI в. о происхождении великокняжеских династий Российского и Литовского государств // Древняя Русь и Запад. М., 1996. С. 133—136; *Его же*. Легендарные родословия великих князей литовских и великих князей московских: принципы построения // Русский родословец. 2001. № 1. С. 6—14). Бесспорно, что «в генеалогических легендах, созданных в конце XV—XVI в. в Литве и России, отразился ряд черт политического менталитета и идеологием, присущих этим государствам»; однако вряд ли проанализированный исследователем материал дает основания для вывода о том, что речь шла «о моделях, парадигмах государственного и культурного развития стран Восточной Европы; сблизиться ли им с Западом — ибо именно западная система ценностей присутствует в литовской версии, или же создавать автохтонное государство, основываясь на древних исторических традициях (пусть иной раз и мифического плана)».

Ключевые слова:

Великое княжество Литовское, Московское государство, Золотая Орда, социально-политические институты, кондоминиум.

Elena V. Rusina

HISTORICAL CROSSROADS:

On The Question of Socio-Cultural Distancing of East Slavic Lands in the XIV–XVI Centuries

Utilizing a modern historiography, the author notes the lack of research interest in the question of how the ruins of ancient Russian powers emerged almost simultaneously to different state formations such as the Grand Duchy of Moscow and Lithuania, which had a different logic of historical development: if the first evolved towards a centralized monarchy, the second developed under the sign of preservation and the strength of regionalism.

The prevailing opinion in historiography is that the Moscow orders developed under the direct influence of the Golden Horde and khanates, its successor. It is overlooked that in the history of the South-Western land of Russia was also the formidable factor of the Tatars — first, in the form of direct subordination to the Horde, then as a Lithuanian-Tatar condominium, and then as such an unsafe neighbor as the Crimean Khanate. This region has generated special forms of life — in particular, the socio-political phenomenon of the Ukrainian Cossack. However, the evolution of the Ukrainian and Byelorussian lands became more complicated after the Lithuanians' arrival — but they, as we know, did not make a radical break with local socio-political institutions, including those that were created by the Horde.

The author analyzes the attempts of comparative study of these two socio-political models developed on an East Slavic basis and advocates for deepening this approach research.

 Русина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории Украины Национальной Академии наук Украины
(Киев, Украина)

С.В. Полехов

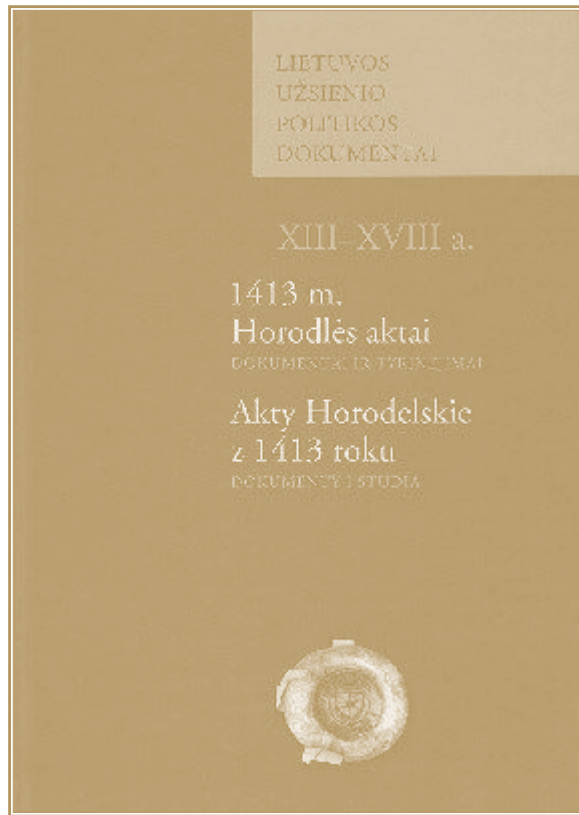
ГОРОДЕЛЬСКАЯ УНИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ СТОЛЕТИЙ*

1413 m. Horodlės aktai (dokumentai ir tyrinėjimai). Akty horodelskie z 1413 roku (dokumenty i studia) / Sud. J. Kiaupienė, L. Korczak. Vilnius; Kraków, 2013. 544 с.: илл.

сенью 1413 г. в приграничный замок Городло на Буге съехались польский король Владислав II Ягайло и великий князь Литовский Александр Витовт в сопровождении сановников, советников и многочисленных придворных. Подобные встречи не были чем-то из ряда вон выходящим в тогдашней Европе, и Городельский съезд, возможно, ничем бы не выделялся среди них, если бы не одно обстоятельство. 2 октября 1413 г. в Городло правители подтвердили унию Польши и Великого княжества Литовского (ВКЛ), а вдобавок пожаловали очередные привилегии литовским боярам, которых польские шляхтичи только что приняли в свои гербовые роды (братства) (состоялась т. н. адопция). К Городельской унии апеллировали на протяжении последующих полутора столетий, как только речь заходила об отношениях ВКЛ и Польши, и уже в глазах современников это затмило ее подготовку и заключение. О них практически ничего не знал Ян Длугош,

* Исследование выполнено в период постдокторантской стажировки в Вильнюсском университете (проект «Формирование системы управления русскими землями Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.»), финансируемой по проекту Структурных фондов Европейского союза «Осуществление постдокторантских стажировок (постдок) в Литве».

писавший 40 лет спустя, так что ему пришлось отталкиваться от текста документов, хранившихся в коронном архиве. Немногим больше знают и современные историки, и им ничего не остается, как вновь и вновь обращаться к Городельским документам.

Таких документов было четыре — акт польской шляхты о приеме литовских бояр в гербовые братства, ответный акт литовских бояр, а также документ, излагавший условия унии и перечислявший привилегии литовцев (поэтому его еще называют Городельским привилеем), выданный совместно двумя правителями в двух экземплярах для польской и литовской сторон. Акт польской шляхты и один из экземпляров привилея бесследно исчезли в Варшаве в 1944 г. Образцовым изданием остается публикация Владислава Семковича и Станислава Кутшебы, подготовленная по оригиналам с описанием многочисленных печатей¹.

Новое издание Городельских документов и сборник посвященных им исследований — плод сотрудничества Польской академии искусств и наук

¹ Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932 (далее — AUPL). № 49–51.

(Polska Akademia Umiejętności) и Института истории Литвы. Поэтому каждый текст напечатан на двух языках — польском и литовском. Книга вышла в серии «Документы внешней политики Литвы XIII–XVIII вв.» под редакцией Лидии Корчак (Краков) и Юрате Кяупене (Вильнюс). Новую транскрипцию текстов документов выполнила Л. Корчак по оригиналам, сохранившимся в Библиотеке князей Чарторыйских в Кракове, и фотокопиям несохранившихся актов, которые были изготовлены для В. Семковича и также хранятся в Кракове, на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Ягеллонского университета. Жаль, что издатели отказались от всякой информации о позднейших пометах: они показывают, как документы функционировали впоследствии. Нет ее и в исследовательских статьях, так что при необходимости ее придется отыскивать в издании В. Семковича и С. Кутшебы. Хотя, казалось бы, одна из задач издателей любого исторического источника — сообщить читателю как можно более полную информацию о нем и тем самым избавить его от необходимости обращаться к другим его изданиям, не говоря уже о подлиннике.

За текстами Городельских документов в оригинале, польском и литовском переводах (подготовлены Л. Корчак и Д. Антанавичюсом) следует статья Л. Корчак о причинах заключения Городельской унии. По словам краковской исследовательницы, эти причины коренились не столько во внешнеполитических обстоятельствах, указанных в монаршем акте, — необходимости объединиться перед лицом Тевтонского ордена и других врагов (к октябрю 1413 г. Орден был разгромлен в «Великой войне», а Жемайтия вернулась под власть Гедиминовичей), сколько в династической политике правителей Польши и ВКЛ. После смерти «естественной наследницы» польского престола королевы Ядвиги в 1399 г. Ягайло нуждался в легитимации собственной власти в Польше и сохранении престола за своей династией — как в Польше, так и в ВКЛ. Поэтому Городельская уния стояла в одном ряду с такими вехами династической политики, как женитьба Ягайла на Анне Цилейской — внучке Казимира Великого (1401), присяга польской знати на верность их дочери Ядвиге как будущей королеве (1413) и протесты против отчуждения Жемайтии в пользу Ордена, выраженные от имени Ядвиги и Софьи Витовтовны во время очередного процесса Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом.

Документам Городельской унии с точки зрения дипломатики посвящена статья Петра Рабея (Краков). Анализ формуляра, письма, набора и последовательности печатей документов подтверждает известный вывод: первым был переписан и скреплен печатями документ польских

панов об адопции литовских бояр и лишь затем — соответствующее обязательство этих бояр и монарший акт. Вопреки утверждению П. Рабея (с. 85), документ литовских вельмож с гарантиями унии 1401 г. дошел до наших дней не в оригинале, а в транссумпте (заверенной копии, имеющей ту же юридическую силу, что и подлинник) 1432 г.² В приложении к статье опубликован перечень сохранившихся подлинных документов Ягайла 1408–1418 гг. с указанием нынешних архивных сигнатур и публикаций.

Ян Вронишевский (Торунь) в своей статье рассматривает геральдику и сфрагистику печатей польской шляхты, привешенных к ее документу. От внешних признаков печатей — размера, формы, цвета воска, герба и его оформления, надписи — автор переходит к правовым аспектам Городельской акции. Он доказывает, что адопция носила не семейный, согласно теории Анны Сохацкой, а родовой характер, но за отсутствием специальных родовых печатей их функции выполняли индивидуальные печати представителей рода. Адопция, в отличие от королевской нобилитации, была известна в Польше задолго до Городельской унии.

Без преувеличения новаторской является статья Эдмундаса Римши (Вильнюс) «Городельские акты и геральдика литовской знати». Автор рассматривает внешние признаки печатей литовских бояр, особенности городельской акции (состав участников и его отражение в документах), а также сложный и запутанный вопрос о позднейшем бытовании «городельских» гербов в ВКЛ. Для этого привлекается не только огромный опубликованный и архивный материал по геральдике и сфрагистике XV в., собранный Э. Римшей за многие годы кропотливой работы (он изучил *de visu*, сфотографировал и описал почти все печати из ВКЛ в собраниях Варшавы, Вильнюса, Гданьска, Кракова, Москвы, Риги, Санкт-Петербурга, Торуня), но и данные археологии, генеалогии, ономастики и др. Перед нами не просто работа по геральдике или сфрагистике, но действительно комплексное исследование. Это позволяет Э. Римше обоснованно полемизировать с выводами польских историков, укоренившимися в науке (и не только польской), о «цивилизационной», культуртрегерской миссии Польши на Востоке, проявившейся в Городельской адопции. На примере гербов князей Гедройцких и Свирских (с. 190–191) автор показывает, как знаки на печатях изначально местного происхождения со временем начинали причисляться к польским гербам. Такая трансформация, как справедливо заключает Э. Римша, не ограничивалась этими двумя ро-

² AUPL. № 39. S. 36–37.

дами³. Вслед за литовским историком Эугениусом Савищевасом⁴ автор статьи полемизирует с В. Семковичем, считавшим, что в Городельской адопции участвовала достаточно представительная делегация бояр из Жемайтии (с. 191–194). Что же касается последствий адопции, выясняется, что из 47 литовских родов польские гербы укоренились лишь примерно в полутора десятках наиболее могущественных и разросшихся. Спустя всего два десятилетия после Городло многие литовские бояре, утверждая очередные унии с Польшей, пользовались печатями со знаками местного, «догородельского» происхождения. Вызвано это не какими-либо антипольскими акциями, наподобие описанной в «Хронике Быховца» отсылки гербов польским панам⁵, а тем, что шляхетский герб в ВКЛ имел узкую сферу применения, тем более что частный документ завоевывал позиции очень медленно⁶. К сожалению, сосредоточившись на бытовании «городельских» гербов внутри ВКЛ, Э. Римша практически не останавливается на свидетельствах, пусть и немногочисленных, функционирования польско-литовских гербовых братств. Ведь известны случаи, когда литовские члены гербовых братств привешивали свои печати за польских «сородичей» и наоборот: помимо самой Городельской акции, об этом свидетельствует документ Мельненского мирного договора Польши и ВКЛ с Тевтонским орденом 1422 г.⁷ Как бы то ни было, исследование Э. Римши проливает новый свет не только на реальные последствия Городельской унии и привилея⁸, но и на проблемы исторической памяти, забвения, «вспоминания» и осмысления традиции в обществе ВКЛ.

Статья Ю. Кяупене посвящена бытованию Городельских актов в XV–XVI вв. В это время к ним чаще апеллировала польская сторона, настаивая на инкорпорации ВКЛ в соответствии с буквой документов. Этот аспект больше всего интересовал составителей правовых сборников XVI в. — Яна Лаского, Якуба Пшилуского, Яна Гербурта, Станисла-

³ Ср. эволюцию герба князей Острожских: *Однороженко О.* Князівська геральдика Волині середини XIV–XVIII ст. Харків, 2008. С. 10 и след.

⁴ *Savišėvas E.* Žemaitijos savivalda ir valdžios elitas 1409–1566 metais. Vilnius, 2010. P. 71–77.

⁵ Так считает *Однороженко О.* До питання про час польсько-литовського «гербового розбратання» // *Średniowiecze Polskie i Powszechne*. Т. 4 (8). Katowice, 2012.

⁶ Этой теме посвящена интересная диссертация, которую готовит Миндаугас Кловас (Вильнюс).

⁷ Издание документов и их печатей см.: *Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju mełneńskiego z 1422 roku* / Wyd. P. Nowak i P. Pokora. Poznań, 2004. См. рецензию Р. Петраускаса: *Lietuvos istorijos studijos*. 2005. Т. 16. P. 96–98.

⁸ Архаичный взгляд на них представил *Шаланда А.* Гарадзельскі прывілей 1413 г. і шляхецкая геральдыка ў ВКЛ // *Герольд Litherland*. 2003. № 3–4 (11–12). С. 42–47.

ва Сарницкого и Яна Янушовского. В ВКЛ отношение к Городельским актам было иным. Со временем привилей был записан в Литовскую метрику, но в «исправленном» виде: были «отредактированы» пункты, задевающие шляхту ВКЛ или утратившие актуальность. К сожалению, и Ю. Кяупене, и Э. Римша последовали за своим соотечественником Д. Куолисом, который недавно писал об этом феномене. Из их поля зрения совершенно выпали принципиально важные выводы Яна Якубовского, обосновавшего датировку «метрической» редакции Городельского привилея 1529 г.⁹ Далее Ю. Кяупене специально останавливается на начале дискурсов Городельской унии в историографии XV–XVI вв. В Польше такую традицию заложил «отец польской истории» Ян Длугош. Для анализа литовской историографии привлечены два памятника — Третий летописный свод ВКЛ («Хроника Быховца») и «Кройника Литовская и Жмойтская». Увы, здесь внимательного читателя ждет разочарование: последний памятник Ю. Кяупене ошибочно отнесла к началу XVI в., очевидно, перепутав его с «Летописцем (Хроникой) Великого княжества Литовского и Жмойтского» — составной частью Второго летописного свода ВКЛ. Между тем «Кройника Литовская и Жмойтская» во многом вторична по отношению к «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мацея Стрыйковского¹⁰, а написана она была между 1582 г. (публикация «Хроники» Стрыйковского) и концом XVII в. (датировка старшего известного списка). С учетом этого схема развития представлений о Городельской унии в литовской историографии получится другой.

Завершает издание каталог печатей Городельских документов. Помимо описаний печатей Владислава Ягайла, Александра Витовта, литовских шляхтичей и польских бояр, публикуются фотографии двух сохранившихся документов, а также снимки печатей несохранившегося документа польской шляхты и других документов 1410–1434 гг. Очевидно, что эта публикация должна стать идеальным образцом для издателей средневековых документов. Как правило, в их изданиях приводятся словесные описания печатей, в лучшем случае — их прориси (даже в специальных изданиях по сфрагистике!). Фотографирование хрупкой и недолговечной печати имеет технические трудности, но ограничивает риск произвольных интерпретаций, диктуемых публикатором. Особо следует отметить

⁹ Якубовский И. Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 4. С. 253–255, 260–269.

¹⁰ Улащик Н.Н. «Литовская и жмойтская кройника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского // Славяне и Русь. М., 1968.

большую работу Э. Римши по идентификации печатей документа литовских бояр, которые сегодня известны главным образом по инвентарю коронного архива Яна Замойского (ок. 1570 г.) и некоторым аналогиям. Но некоторые частные моменты в трудах Э. Римши вызывают возражения. Так, титул «пан» вовсе не обязательно свидетельствует о боярском происхождении: во второй половине XV в., когда жил выступивший с этим титулом новогрудский войт Макар (с. 341, 377), «панями» иногда титуловались мещане¹¹. Литовский боярин Явн Волимонтович был казнен не 7 ноября 1432 г., а чуть раньше (в этот день о его казни великому магистру Тевтонского ордена сообщил ливонский магистр, узнавший об этом через комтура Дюнабурга от его слуги, побывавшего в Литве¹²). Ильиничи не были «русинами из-под Смоленска», как считалось ранее (с. 357, 391): они исповедовали католицизм, а их владения находились в других частях ВКЛ¹³. Документы с печатями Яна Гаштольда, упомянутые исследователями начала XX в. (с. 416), в варшавском Главном архиве древних актов сохранились до наших дней¹⁴. «Не повезло» в каталоге печатей Каленику Мишковичу — родоначальнику Тышкевичей, пользовавшихся гербом «Лелива»: в литовском тексте его имя приводится с опечаткой (с. 395–396; ср. с. 426), а принятие «городельского» герба Э. Римша связывает с привилеем 1434 г., разрешившим русинам пользоваться польскими гербами; аналогичный документ 1432 г., несколько раз упоминаемый Э. Римшей (с. 189, 201), не был утвержден королем и поэтому никогда не вступил в действие¹⁵. Но крайне сомнительно, чтобы норм привилея Сигизмунда Кейстутовича придерживались в лагере его заклятого врага

¹¹ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / Подг. А.А. Хорошкевич (далее — ПГ). Вып. 1. М., 1977. № 105–107. С. 201–204; Хорошкевич А.А. Русские грамоты 60–70-х гг. XV в. из бывшего Рижского городского архива // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. № 3. С. 332 («у-вы Ивановое пани» — жены смоленского мещанина Ивана Куприяновича; разбивка на слова уточнена по смыслу).

¹² Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch (далее — LUB). Bd. 8 (1429 Mai — 1435) / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1884. № 636. S. 373.

¹³ *Petrauskas R.* Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje — XV a.: Sudėtis — struktūra — valdžia. Vilnius, 2003. P. 245–246; *Варонін В.* Новыя даныя аб землеўладанні магнатскага рода Іллінічаў у XV ст. // Мірскі замак і замкі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Праблемы рэстаўрацыі і музейфікацыі. Мінск, 2006; *Kirkienė G.* LDK politikos elito galingieji: Chodkevičiai XV–XVI a. Vilnius, 2008. P. 38–39.

¹⁴ Archiwum Główne Akt Dawnych (далее — AGAD), dok. perg. 780 [1436 г.]; dok. perg. 7291 [1442 г.].

¹⁵ *Czermak W.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432–1563 г.) // *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny*. T. 44. Kraków, 1903. S. 352–371. По-видимому, чтобы окончательно аннулировать документ, он был разорван и в таком виде сохранился до наших дней (AGAD, dok. perg. 8420).

Свидригайла, где пересеклись жизненные пути Каленика Мишковича и Ивашки Монивидовича — владельца «Леливы».

Явный недостаток книги, которого можно было бы избежать, — некоторая неряшливость издания. Так, не все литовские фразы были переведены на польский и не все польские — на литовский, например, пояснение к печати на обложке (с. 544) или данные о финансировании проекта (с. 4). Не были унифицированы правила передачи польских имен собственных в литовских текстах. Некоторые места переведены просто неправильно: так, в польском описании печати Ягайла сказано, что в правой руке он держит скипетр, а державу — в правой (с. 458). В каком же случае допущена ошибка? Из литовского варианта того же текста (с. 453) выясняется, что все же во втором (сама печать сохранилась не очень хорошо, поэтому ее изображение на с. 477 может и не помочь разгадке). Иногда разноязычные тексты одного и того же содержания имеют разное графическое оформление (например, в литовских текстах латинские минускульные надписи на печатях набраны стилизованным готическим шрифтом, в польских — обычным курсивом). Некоторые части текста оказались не на своем месте (с. 84, 153). В одной из статей Сигизмунд Кейстутович ошибочно назван Сигизмундом Корибутовичем, что также можно отнести к опечаткам (с. 149, 150, 152; впрочем, путали их уже современники). Пункты Городельского привилея пронумерованы лишь в его литовском переводе, а также в латинском оригинале и обоих переводах «исправленной» редакции из Литовской метрики. Единым польско-литовским указателем не всегда удобно пользоваться (например, себя автор этих строк обнаружил в нем не под фамилией, а под именем, словно бы речь шла о каком-нибудь средневековом деятеле). Все это, очевидно, объясняется спешкой: издание необходимо было выпустить к началу осени 2013 г., когда проходили юбилейные торжества. Впрочем, эти недостатки никак не отменяют и не умаляют значения того, что сделано авторами книги, посвященной Городельским актам.

* * *

Как показывает уже само название серии, в которой увидели свет городельские документы, они интересовали составителей сборника прежде всего как памятник истории международных отношений. Однако акт Ягайла и Витовта был не только актом унии, но и очередным (вторым после 1387 г.) привилеем для литовских бояр. Подобного рода документы, названные тогда не совсем точно общеземскими и областными привилеями, актив-

но изучались в конце XIX — начале XX в. Однако их сводная публикация, порученная их знатоку Яну Якубовскому как дополнение к «Актам унии Польши с Литвой»¹⁶, так и не состоялась. После этого были найдены новые привилеи (для Жемайтии 1441/1442 г., для Новогрудской земли 1440 г.), а в последние годы некоторые областные привилеи стали объектом специального исследования¹⁷. Общеземским привилеям повезло гораздо меньше. Хотелось бы надеяться, что новое издание даст импульс их изучению. Здесь же выскажу некоторые предварительные соображения.

В восточнославянских историографиях о Городельском привилее принято говорить постольку, поскольку он был адресован лишь литовцам-католикам, принятым в польские гербовые братства, и тем самым дискриминировал православную знать, что создавало почву для литовско-русских конфликтов. По сей день в литературе можно встретить мысль, что русское население ВКЛ начало воспринимать его как «свое» государство лишь начиная с середины XV в., получив привилегии литовского боярства. Но насколько это верно?

Самыми болезненными считаются политические ограничения Городельского привилея: лишь боярам-католикам, принявшим польские гербы, а не «схизматикам или другим неверным», дозволялось занимать должности воевод и каштелянов в Вильне, Троках и другие «постоянные земские должности», а также участвовать в совещаниях с великим князем, которые часто анахронично именуют «заседаниями великокняжеской рады» (с. 40). Современные документы рисуют несколько иную картину, чем этот пункт. Уже при Витовте, в том числе после 1413 г., ряд важнейших земских (территориальных) должностей занимали православные князья и бояре. Так, полоцким наместником в 1422 г. был Ходко Юрьевич — родоначальник Ходкевичей¹⁸; в 20-е гг. XV в. — некий князь Григорий (скорее всего, Друцкий), а, вероятно, в 20-е или первой половине 30-х гг. — Василий Дмитриевич Корсак, представитель самого влиятельного местного боярского рода¹⁹. Киевским воеводой долгие годы был православный князь Михаил Иванович Гольшанский (упоминается с этой должностью в 1422–1433 гг.), в

¹⁶ *Jakubowski J.* Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // *Archeion.* 1930. Т. 9. S. 9.

¹⁷ Истории публикации и изучения областных привилеев ВКЛ автор этих строк планирует посвятить отдельную статью.

¹⁸ *Dokumenty strony polsko-litewskiej.* S. 11, 88.

¹⁹ ПГ. Вып. 1. № 49, 52. С. 130, 133–134. Послание наместника В.Д. Корсака следовало бы датировать временем до перехода Полоцка под власть Сигизмунда Кейстутовича (лето 1436 г.), поскольку он принадлежал к сторонникам Свидригайла.

котором сами киевляне по традиции видели «киевского князя»²⁰. Луцким старостой в 1429–1431 гг. был православный боярин Юрша Иванович, мценским воеводой в 1423–1436 гг. — боярин Григорий Протасьев, несомненно, местного происхождения²¹. Подобные случаи, хотя и относительно немногочисленные, известны и впоследствии²². Сложно представить себе, чтобы названные должности не входили в число «постоянных» и Витовт в один прекрасный день решил бы их упразднить. Между тем у Витовта в принципе была возможность назначить на все эти должности литовских бояр: такие случаи тоже известны. Однако это почему-то не было сделано, и практические соображения перевесили «букву привилея». Таким образом, фактически ограничения Городельского привилея касались лишь виленских и трокских воевод и каштелянов, и эта норма соблюдалась вплоть до начала XVI в., когда вершин карьеры достиг князь Константин Иванович Острожский. До этого же карьеру при господарском дворе (в скарбе, канцелярии) делали лишь немногие русины. По справедливому замечанию М.В. Довнар-Запольского, «надо еще доказать, что общегосударственные тенденции тогда уже (в 30-е гг. XV в. — С.П.) возобладали над местными и представители русских областей действительно стремились проложить себе дорогу к участию в управлении всем государством»²³. Как показывает обширный сохранившийся материал, это произошло лишь несколько десятилетий спустя²⁴.

Политика Витовта и его наследников в отношении русских земель ВКЛ далеко не ограничивалась дискриминационным пунктом Городельского привилея, а включала целый ряд практических мер, направленных на политическую и социальную интеграцию этих регионов в состав государства, — пожалования их знати земель и зависимых людей, сопряженные с активным использованием письменного документа, визиты в отдаленные регионы ВКЛ, отправление правосудия, расстановку своих людей на важнейшие светские посты и епископские кафедры и т. д. И эти меры находили отклик в обществе русских земель. Так, русские воины участво-

²⁰ Полехов С.В. Новые документы о Киевской земле XV века // Сфрагистичний щорічник. Вип. II. Київ, 2012. С. 266–268, 275, 278.

²¹ Petrauskas R. Op. cit. P. 248, 316, 317.

²² Подробнее см.: Ibid. P. 310–329.

²³ Довнар-Запольский М.В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 10. С. 458.

²⁴ См. важные замечания: Гирконтас Р. Гражданин ВКЛ и религия в XV веке // Наш радавод. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII — пач. XX ст.» (Гродна, 28 верасня — 1 кастрычніка 1992 г.). Кн. 4. Ч. 2. Гродна, 1992. С. 255.

вали в походах Витовта, в том числе на соседние русские земли — Псков и Новгород, и получали за это вознаграждения²⁵. Русины видели в великом князе Литовском не только «нечестивого» иноверца²⁶, но и «своего» могущественного господаря²⁷, способного рассудить их с соседями и торговыми партнерами²⁸. Они не останавливались перед долгим и затратным путешествием в Литву, чтобы добиться правосудия, посредничества или арбитража²⁹. Великий князь вершил суд и во время своих визитов в русские земли ВКЛ, причем совместно с их элитами. Сохранился красочный рассказ немецкого шута Генне, сопровождавшего Витовта в объезде его огромных русских владений летом 1427 г., о дарах, принесенных ему жителями этих земель. По словам Генне, он никогда не видел правителя, которому были бы настолько преданы его подданные; тот, кто вручает ему дары, — самый счастливый человек³⁰. Таким образом, уже в это время русины, жившие в ВКЛ, воспринимали себя как его часть, подданных литовского великого князя — «господарских людей». Как это ни парадоксально, об этом свидетельствуют и события, разыгравшиеся вскоре после смерти Витовта: новый великий князь Свидригайло, вопреки распространенному мнению, не делал никаких шагов навстречу литовской Руси — и тем не менее после его свержения в 1432 г. она сохранила ему верность и поддерживала его по-

²⁵ LUB. Bd. 7. № 488; *Długossii J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. Liber XI (1413–1430)*. Varsaviae, 2000. P. 245; *Собчук В.* Проблема достовірності текстів двох привілеїв великого князя литовського Вітовта 20-х рр. XV ст. (у контексті спорів за межі маєтків у верхів'ях Случі й Полтви) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Т. 19 (у 2-х кн.). Тематичний випуск: «Джерела локальної історії: методи дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація». Кн. I. Київ, 2009. С. 48–73; *Kurtyka J. Repertorium podolskie. 1430–1447* // *Kurtyka J. Podole w czasach jagiellońskich*. Kraków, 2011. № 184. За указание на статью В. Собчука благодарю В. Михайловского (Київ).

²⁶ Господство таких представлений пытається доказати (не завжди коректно) *Мікульські Ю.М.* Грунвальдська битва 1410 г. у старобеларуській традиції // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст. Саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Мінск, 2011. С. 95–111.

²⁷ Ср.: «А се мы полочан(е), вси добрыи люд(и) и мал(ы)и, надѣючес(я) на Б(о)га, св(я)т(о)го Софея милость и княз(я) велико(о) Витовта здравье...» (ПГ. Вып. 1. № 35. С. 96); «княз(ь) великыи Витовтъ, осподарь наш, а любо его послѣдкове, кто коли будет(ь) осп(о)д(а)рь полоцки оу Полоцку» (Там же. № 38. С. 110).

²⁸ *Lietuvos metrika*. Кн. 5 / Par. A. Dubonis. Vilnius, 2012. № 589, 590. P. 399–400; *Полехов С.В.* Новые документы. С. 277.

²⁹ См., например: ПГ. Вып. 1. № 32. С. 90.

³⁰ *Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae* / Ed. A. Prochaska. Cracoviae, 1882. № 1329. P. 799. О датировке см.: *Беспалов Р.А.* Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008.

пытки вернуть себе виленский престол (представление о проекте «Великого княжества Русского», который якобы пытался реализовать Свидригайло, также не подтверждается)³¹.

Все это говорит о том, что интеграция русских земель в состав ВКЛ — не то же самое, что наделение их знати сословными привилегиями. Это влечет за собой ряд вопросов. Насколько общество Великого княжества Литовского было готово к «освоению» продуктов польской правовой мысли и когда оно произошло? Если говорить шире, насколько податливым оно было к «влияниям», которыми щедро наделяла историю ВКЛ старая историография? Эти и многие другие вопросы ждут своего решения, а подготавливает его новое польско-литовское издание Городельских актов 1413 года.

³¹ Подробнее см.: *Полехов С.В.* К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. // *Studia historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы.* Научный сборник. Вып. 1. Минск, 2008; *он же.* Свидригайло и литовская Русь: стереотипы историографии и свидетельства современников // *Gdańskie Studia z Dziej w redniowiecza* (в печати).

 Полехов Сергей Владимирович

кандидат исторических наук, ученый-стажер Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва), научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1–2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. — М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500–2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Восьмой выпуск «Исторического
вестника» будет посвящен первому году
Первой мировой войны.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке